

ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*HISTORY
OF EVERYDAY LIFE*

№ 3 (27)

2023

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

научный журнал

ISSN 2542-2375

Учредитель, издатель:

**Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина**

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-68612 от 04.03.2016 г.

Журнал издается с 2016 года

Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Главный редактор

В. А. Веременко, доктор исторических наук, профессор, Россия

Заместитель главного редактора

В. Н. Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, Россия

Ответственный секретарь

О. А. Семёнова, кандидат исторических наук, Россия

Технический секретарь

А. Е. Жукова, кандидат исторических наук, Россия

Редакционная коллегия

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия

О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия

Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова

С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан

В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия

К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония

Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия

Д. Рансел, доктор истории (PhD), США

М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия

Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай

Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

scientific journal

ISSN 2542-2375

Founder, Publisher:
Pushkin Leningrad State University

The certificate of the mass media registration III № ФС77-68612,
March 04, 2016

The journal is issued since 2016
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into
the list of reviewed academic journals
and periodicals recommended
for publishing in corresponding series basic
research thesis results for a PhD Candidate
or Doctorate Degree

Chief editor

V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia

Deputy Chief editor

V. N. Shaidurov, Doctor of History, Associate Professor, Russia

Executive editor

O. A. Semenova, Candidate of History, Russia

Technical secretary

A. E. Zhukova, Candidate of History, Russia

Editorial Board

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia

O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia

L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova

S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan

V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia

S. V. Liubichankovskiy, Doctor of History, Full Professor, Russia

K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan

N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia

D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA

M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia

L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China

T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

- А. Н. Гребенкин** [10]
Малолетние кавказцы в кадетских корпусах
Российской империи в первой половине XIX в.
- Н. А. Осипов** [28]
Сравнительный анализ национальной политики
СССР в 1920–1930-е гг. на примере украинизации
и белорусизации
- А. О. Победоносцева-Кая** [47]
Культурная революция среди закавказских курдов:
межреспубликанское соперничество в советской
национальной политике
- П. К. Дашковский, А. Н. Ожиганов** [72]
Атеистическая пропаганда в Хакасской
автономной области как направление советской
государственно-конфессиональной политики
во второй половине 1970-х гг.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- Н. В. Никитина, С. С. Чиков** [92]
«Евреев на жительство и временном пребывании
не находится»: к вопросу о положении национальных
меньшинств в российской провинции в первой
половине XIX века (по материалам
Смоленской губернии)
- В. Б. Безгин** [109]
Карьеры и судьбы провинциальных евреев в годы
Гражданской войны (по материалам Тамбовской
губернии)
- К. А. Тишкина** [132]
Реализация праздничного советского календаря
в еврейских школах в 1920-е гг. (на примере учебных
заведений г. Красноярска и г. Ачинска)

Э. А. Бернадский [146]
Деятельность ленинградских ульпанов
в 1965–1970-х годах

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Е. В. Дианова [161]
Кооперативные товарищества карельских крестьян
в 1920-е годы (на примере Олонецкого уезда)

Р. Н. Сулейманова [185]
Обеспечение народного хозяйства СССР трудовыми
ресурсами в годы Великой Отечественной войны:
опыт Башкирии

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

С. К. Чориян [199]
Жизненный путь и педагогическая деятельность
Н. Эгенова в Нахичевани-на-Дону

ПУБЛИКАЦИИ

О. Я. Бахарева [210]
Участие оренбургских казаков в освоении
Дальнего Востока. Письма из Уссурийского края

Сведения об авторах [233]

CONTENTS

POWER AND SOCIETY

- Aleksey N. Grebyonkin** [10]
Young Caucasians in the Cadet Corps
of the Russian Empire in the First Half
of the 19th Century
- Nikita A. Osipov** [28]
Comparative Analysis of the USSR National Policy
in the 1920s – 1930s on the Example of Ukrainization
and Belarusization
- Angelika O. Pobedonostseva-Kaya** [47]
Cultural Revolution Among Transcaucasian Kurds:
Inter-Republican Rivalry
in Soviet Nationalities Policy
- Petr K. Dashkovskiy, Aleksandr N. Ozhiganov** [72]
Atheistic Propaganda in the Khakass Autonomous Region
as a Direction of Soviet State-confessional Policy
in the Second Half of the 1970s

REGIONAL EVERYDAY LIFE

- Natalya V. Nikitina, Sergei S. Chikov** [92]
"There Are no Jews in Residence and Temporary Stay":
on the Issue of the Situation of National Minorities
in the Russian Province in the First Half
of the 19th Century (Based on the Smolensk Province
Materials)
- Vladimir B. Bezgin** [109]
Careers and Destinies of Provincial Jews During the Years
of the Civil War (on the Materials of the Tambov Province)
- Ksenia A. Tishkina** [132]
The Implementation of the Festive Soviet Calendar
in Jewish Schools in the 1920s (on the Example
of Educational Institutions in Krasnoyarsk and Achinsk)

Elmar A. Bernadskii [146]
Activities of the Leningrad Ulpans in 1965–1970

ECONOMIC EVERYDAY LIFE

Elena V. Dianova [161]
Cooperative Associations of Karelian Peasants in the 1920s
(on the Example of Olonets District)

Rima N. Suleimanova [185]
Providing the USSR National Economy
With Labor Resources During the Great Patriotic War:
Bashkiria Experience

PERSONALITY IN THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Stepan K. Choriyan [199]
N. Egenov's Life Path and Pedagogical Activity
in Nakhchivan-on-Don

PUBLICATIONS

Olga Ya. Bakhareva [210]
Participation of the Orenburg Cossacks in the Development
of the Far East. Letters From the Ussuri Region

About Authors [233]

Статьи этого номера подготовлены участниками
IV Международной научной конференции
"Этнические меньшинства в истории России"
(Санкт-Петербург, г. Пушкин, 27–28 октября 2023 г.)

Малолетние кавказцы в кадетских корпусах Российской империи в первой половине XIX в.

А. Н. Гребенкин

Военно-учебные заведения Российской империи в XIX в. играли роль одного из проводников имперской политики на Кавказе. Зачисленные в кадеты дети местной знати должны были воспитываться в духе преданности престолу и одновременно получать общеобразовательную и культурную подготовку, достаточную для того, чтобы обеспечить возможность полноценного диалога с офицерами и чиновниками. Выпускники корпусов были призваны стать надежными союзниками и действенными помощниками правительства, которое стремилось не только завоевать Кавказ, но и сформировать местную элиту, отличавшуюся лояльностью по отношению к Санкт-Петербургу. Это достигалось путем наделения кавказских воспитанников особым статусом, который предполагал возможность сохранения своей веры, национального костюма и даже оружия. По мере приближения Кавказской войны к концу задача подготовки в кадетских корпусах преданной России местной знати теряла актуальность, поэтому зачисляемые в кадеты кавказцы уже не находились на исключительном положении и мало-помалу сливались с основной массой воспитанников.

Ключевые слова: Российская империя, покорение Кавказа, военное образование, кавказские воспитанники, горцы.

Для цитирования: Гребенкин А. Н. Малолетние кавказцы в кадетских корпусах Российской империи в первой половине XIX в. // История повседневности. – 2023. – № 3. – С. 10–27. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_10. EDN: ZMDDKF

Введение

Покорение Кавказа, являвшееся одним из основных направлений внешней политики России в XIX в., предполагало не только установление военного контроля над территорией, но и инкорпорацию завоеванных земель в имперское пространство. Поэтому силовые средства органично сочетались с мерами, направленными на создание местной политической элиты, которая бы отличалась преданностью русскому императору и готовностью исполнять его приказания. Одним из средств, способствовавших достижению этой цели, являлось помещение детей кавказской знати и дворянства на воспитание в кадетские корпуса.

Изучение проблемы воспитания малолетних кавказцев в военно-учебных заведениях Российской империи позволяет дать комплексную научную характеристику одного из важнейших направлений формирования преданной имперской власти национальной элиты. Ввиду сохранения определенной политической напряженности в Кавказском регионе и в настоящее время исследование имеет не только академическую, но и определенную практическую значимость, что, несомненно, делает его более актуальным.

Исследование различных аспектов воспитания малолетних кавказцев в кадетских корпусах Российской империи началось еще до революции. В юбилейных трудах по истории отдельных военно-учебных заведений давалась краткая характеристика статуса горцев, зачисленных в кадетские корпуса, описывалось их обмундирование, приводились отдельные факты, касавшиеся образования и воспитания [3, с. 340–341]. Однако изучение осуществлялось лишь поверхностно, с акцентом на таких сугубо внешних признаках, как детали форменной одежды [3, с. 265]. Примечательно, что в «полковой истории» Дворянского полка, являвшегося одним из главных центров воспитания кавказцев, горцам не уделено ни малейшего внимания. Вопрос о подготовке кавказцев до революции рассматривался и в контексте правительственной политики, однако это не привело к созданию полноценных научных трудов. Так, в статье Ф. Юхотникова, написанной в 1860 г., отмечалось, что «воспитание горцев в кадетских корпусах не достигало предполагаемой цели, а равно и самый климат Петербурга был для них не совсем благоприятен» [28, с. 9], и это заставило

приступить к созданию системы учебных заведений на самом Кавказе. В пояснительной записке «О личных правах туземного населения Кубанской области», составленной Сословной комиссией в 1872 г., дано весьма краткое описание подготовки кавказцев в российских военно-учебных заведениях. Оно сведено к констатации права детей ногайских мурз получать воспитание в кадетских корпусах [6, с. 45].

В советское время вопросы подготовки национальной кавказской элиты в военной школе не относились к числу тем, хотя бы вскользь затрагиваемых исследователями. Интерес к ним пробудился лишь в современной России. Инициатива была проявлена не историками военной школы (даже в подробной работе Ю. А. Галушко и А. А. Колесникова тема кавказских воспитанников не нашла отражения) [1], а учеными, занимавшимися изучением политики России на Кавказе. Ю. Ю. Клычников в своей монографии посвятил отдельный параграф культурно-просветительской политике России в северокавказском регионе. В нем, однако, основное внимание уделено обучению кавказцев в гражданских заведениях. Исследователь лишь отмечает, что зачисление детей местной знати в кадетские корпуса способствовало приобщению «к культуре русского и других народов, подводило к пониманию прогрессивной миссии России по отношению к менее развитым в экономическом и общественном смысле народам» [4, с. 293]. В конце 2000-х гг. стали появляться работы, в которых нашли отражение различные аспекты образовательной политики России по отношению к кавказским народам, реализуемой в том числе с помощью системы военно-учебных заведений [26; 27]. Уделяется определенное внимание подготовке кавказцев в кадетских корпусах и в трудах, посвященных истории отечественных органов государственной охраны [5, с. 98]. Однако комплексного научного исследования, в рамках которого был бы осуществлен анализ всех аспектов обучения малолетних кавказцев в российских военно-учебных заведениях, в настоящее время пока еще не существует. Наша работа призвана хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

Объектом настоящего исследования является правительственная политика, направленная на формирование кавказской

элиты, лояльной по отношению к имперскому центру. В работе использован комплекс всеобщих, общенаучных, общелогических и специально-научных исторических методов. Из методов, относящихся к последней группе, следует особо отметить социокультурный анализ.

В статье, основанной на неопубликованных документах из фондов Российского государственного военно-исторического архива, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, предпринята попытка осуществить анализ положения кавказских воспитанников в военно-учебных заведениях Российской империи в первой половине XIX в. При этом были поставлены следующие исследовательские задачи: 1) охарактеризовать статус отпрысков знатных кавказских фамилий, помещенных на воспитание в кадетские корпуса и Дворянский полк; 2) рассмотреть организацию их быта; 3) осуществить анализ религиозного воспитания; 4) дать характеристику обмундирования. В качестве рабочей гипотезы выдвинут тезис о том, что статус кавказцев и содержание их воспитания зависели от целей правительственной политики на Кавказе.

Результаты

Начало практики воспитания детей кавказской знати было положено в первые годы XIX в., задолго до начала активных боевых действий. В 1801 г. в состав России вошла восточная Грузия. Через три года, в 1804 г., на обучение в Первый кадетский корпус были помещены сыновья покойного грузинского царя Георгия XII: 14-летний Илья и 9-летний Окропир. Их мать, бывшая царица Мария Георгиевна, в 1803 г. совершила убийство генерал-майора И. П. Лазарева, который выполнял поручение Александра I вывезти ее вместе с детьми из Грузии. Надзор за Ильей и Окропиром был поручен библиотекарю корпуса – надворному советнику Фоларту. Судя по тому, что «на обмундирование для царевичей покоев и другие мелочные для них издержки» [9, л. 1] было единовременно выделено 800 р., Илья и Окропир должны были помещаться отдельно от прочих воспитанников. Фоларт должен был снабдить царевичей всеми необходимыми учебными пособиями, а также найти учителей, которые преподавали бы им основы наук до тех пор, пока царевичи не приобретут знания, достаточные для того, чтобы

учиться совместно с другими кадетами по общей программе. Кроме того, Илью и Окропира следовало обнадеживать, что «при окончании курса учения приняты они будут в гвардию с приличными преимуществами» [25, с. 1050].

Особое внимание уделялось питанию малолетних грузин. Александр I лично распорядился, чтобы кушанья были приготовлены прилично, однако без излишеств, «по тому наипаче уважению, что молодые люди сии, имея, так сказать, совершенно быть преобразованы, должны руководствоваться нечувствительно к роду жизни, столь различному от той бездейственности и неги, какая свойственна азиатскому воспитанию» [9, л. 3–3 об.]. В марте 1812 г. Илья и Окропир были произведены в подпоручики в лейб-гвардии Егерского полка.

Первые малолетние горцы появились в российских военно-учебных заведениях спустя несколько лет после начала Кавказской войны, в конце 1820-х гг. Сначала они зачислялись не в кадетские корпуса, а в Дворянский полк, который предназначался для подготовки офицеров в максимально сжатые сроки. Выпускники должны были переводиться в учрежденный в 1828 г. лейб-гвардии Кавказско-горский взвод – составную часть Собственного Его Императорского Величества конвоя, которая была призвана служить доказательством того, что Николай I доверяет кавказцам настолько, что удостоивает их высокой чести быть своими телохранителями. На самом деле роль горцев в императорской охране не выходила за рамки представительских функций, и царь даже отдал негласное распоряжение, чтобы кавказцев не подпускали к нему слишком близко. Кроме того, пребывание в составе конвоя должно было приобщить горцев к европейской культуре и сформировать у них чувство глубокого уважения к Николаю I. Таким образом, воспитание малолетних горцев в Дворянском полку и их пребывание в лейб-гвардии Кавказско-горского взвода было двумя последовательными этапами решения одной и той же задачи.

Система военного воспитания, сложившаяся в России к началу правления Николая I, отличалась жесткостью и даже жестокостью. Давление на личность будущего офицера оказывалось как со стороны командиров и учителей, так и со стороны старших или более сильных товарищей. Все то, что выделялось из общей массы, подвергалось безжалостному уничтожению

или выбраковке. Это обстоятельство следовало иметь в виду при помещении малолетних горцев в военные школы. Поэтому командующий Императорской Главной квартирой генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф, один из ближайших сподвижников царя, по его поручению занимавшийся разработкой концепции воспитания кавказцев, сформулировал ряд требований, которые должны были способствовать изоляции горцев и исключить возможность возникновения конфронтации между ними и основной массой кадет. В августе 1829 г. Бенкендорф направил Главному директору Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка генерал-адъютанту Н. И. Демидову следующие правила, определявшие порядок подготовки малолетних горцев в Дворянском полку:

- «1. Не подавать им свинины и ветчины.
2. Запретить, чтобы над ними дворяне насмеялись и никаких им оскорбительных названий не давали, а стараться сколь возможно, чтобы они подружились.
3. Ружием и маршировке не учить, а довести их помалу до того, чтобы они сами просили сим заниматься в свободное время.
4. Выговоры и наказания арестом им не делать самим начальникам, а приказывать о сем прапорщику Туганову, которому известно лучше, с которым народом как обращаться.
5. Не заставляя их самих чистить свое платье, а на этом им дается два слугителя из их крепостных.
6. Не воспрещать им по их обычаю по несколько раз в день умываться.
7. Дозволить каждому класть свое оружие и платье подле своей постели, как пожелает.
8. Не воспрещать надевать оружие, а прапорщик Туганов постарается постепенно их от сего отучить.
9. Дозволять им курить трубки вне классов.
10. Эфендию (их духовная особа) дозволять их посещать, когда он пожелает, даже и в классах.
11. Наблюдать, чтобы во время их молитвы дворяне им не мешали.
12. В свободное время от учения дозволять ездить им верхом на их лошадях, за которыми будет присылать прапорщик Туганов.

13. Их единоплеменникам не воспрещать их посещать в часы, свободные от ученья.

14. Наблюдать, чтобы не только учителя, но и дворяне насчет их веры ничего худого не говорили и не советовали переменять оную.

15. Дозволить буде пожелают иметь свои постели» [24, л. 2–3].

Хотя все воспитанники Дворянского полка принадлежали к числу представителей самого привилегированного сословия, огражденного «Грамотой на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» от телесных наказаний, розги еще в начале XIX в. стали основным методом педагогического воздействия и воспринимались всеми – и командирами, и самими кадетами, и их родственниками – как нечто само собой разумеющееся. Однако распространять эту практику на горцев было немислимо: наказание розгами они восприняли бы как чудовищное оскорбление, несовместимое с их статусом. Даже угроза применить розги могла свести на нет все усилия по формированию чувства преданности императору. Поэтому А. Х. Бенкендорф распорядился подвергать малолетних кавказцев «тем же наказаниям, как и дворян, только телесных наказаний не делать» [24, л. 7 об., 9 об.].

Привилегированный статус горцев резко контрастировал с положением остальных воспитанников. Поэтому Н. И. Демидов, понимая, что это вызовет зависть «дворян», которые не преминут отыграться на кавказцах при первом же удобном случае, принял решение обеспечить полную изоляцию горцев от прочих обучающихся. Это давало возможность избежать стычек, которые, с учетом обостренного чувства собственного достоинства, присущего большинству кавказцев, и разрешения им носить оружие, могли привести к трагедии. Кроме того, Главный директор опасался столкновений, которые могло вызвать следование мусульман своим религиозным предписаниям: «...появление в каморах людей в необыкновенной одежде, отправляющих молитвы, а тем более частые омовения свои совсем особенным образом, должно непременно породить в воспитывающихся любопытство и суждения; но кто поручится, чтоб... дворяне... не в состоянии будут воздержаться от насмешек» [24, л. 11 об. – 12]. Во избежание приставаний горцы посещали баню в особые дни: Демидов опасался, что «дворяне», обратив внимание на необычный вид

их половых органов с обрезанной крайней плотью, не смогут удержаться от скабрзных шуток и циничных расспросов и тем самым оскорбят чувства правоверных мусульман.

Начиная с 1830 г. кавказские воспитанники зачислялись и в столичные кадетские корпуса – Первый, Второй, Павловский и Александровский, в каждом из которых, по примеру Дворянского полка, были образованы так называемые азиатские отделения. Так, в 1830 г. в Санкт-Петербург был прислан 51 горец. Детей распределили в соответствии с их возрастом в кадетские корпуса и Дворянский полк. В августе 1832 г. вице-канцлер граф К. В. Нессельроде сообщил командиру Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанту барону Г. В. Розену «Высочайшую государя императора волю, о внушении знатнейшим мусульманам Кавказского края о выгодах помещения детей в кадетские корпуса, и что тех, коих родители изъявят на то свое согласие, можно отправлять в Санкт-Петербург на казенный счет» [16, л. 1–1 об.]. В декабре 1833 г. Николай I распорядился «детей почетных мусульман Кавказского края присылать в кадетские корпуса от 20 до 30 в год, но не более, независимо от тех из почетнейших, которые будут назначены в пажи, и тех, кои в родстве с служащими в конвое Его Величества, доставляя их вообще в год два раза, смотря по времени выпусков из корпусов в офицеры» [10, л. 6–6 об.].

Главная цель, стоявшая перед командирами и педагогами, была сформулирована в 1834 г. Главным начальником Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка великим князем Михаилом Павловичем следующим образом: «... дабы малолетние дворяне присоединенных к России земель получили воспитание под непосредственным Высочайшим надзором и чтобы они привыкали с юных лет к отеческим милостям Государя Императора и возвращались впоследствии на родину с чувствами благодарности и преданности Его Императорскому Величеству» [17, л. 6 об.]. В дальнейшем предполагалось упорядочить прием таким образом, чтобы ежегодно в Первый, Второй и Павловский кадетские корпуса зачислялось по 6 человек в возрасте от 10 лет, а в Александровский – 12 горцев, еще не достигших 10-летнего возраста.

Ключевую роль в формировании личности горцев должна была играть религия. С 1830 г. при военно-учебных заведениях

находились муллы Тархит Абдулвахит Сулейманов и Мухаммед Амен Хантемиров. В 1834 г. Главный начальник Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка великий князь Михаил Павлович пришел к аргументированному выводу о том, что «В военно-учебных заведениях не вполне еще обращено должное внимание на обучение воспитанников из магометан правилам их исповедания и на соблюдение ими обрядов, постановленных Алкораном» [7, п. 1]. Главными обрядами являлась пятикратная молитва и соблюдение поста Рамазан. Поскольку религия считалась основой воспитания, а одним из принципов конфессиональной политики в Российской империи провозглашалась веротерпимость, всем директорам военно-учебных заведений предписывалось обратить внимание на то, чтобы воспитанники-мусульмане изучали Коран под руководством мулл на таких же основаниях, как христиане изучали Библию. На испытаниях должны были присутствовать магометанские муллы и офицеры лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона. Муллам следовало прийти к единому выводу относительно того, какие именно обряды должны соблюдать воспитанники различных возрастов, а от каких можно беспрепятственно отказаться.

В январе 1835 г. единое мнение мулл было выработано. Согласно ему, в военно-учебные заведения должны были быть назначены законоучители магометанского воспитания. Как показал пятилетний опыт, их было бы достаточно иметь одного на два заведения. Муллы Т. А. Сулейманов и М. А. Хантемиров приняли на себя обязательство «изложить... правила, в чем должна заключаться наша обязанность, и какие нужны будут к изучению сего книги» [8].

Директор Павловского кадетского корпуса генерал-лейтенант К. Ф. Клингенберг в феврале 1835 г. провел совещание с директорами и муллами, «с первыми о назначении жалованья муллам за преподавание воспитанникам магометанского исповедания уставов их религии, а с последними сколько потребно времени в каждом заведении для обучения закону» [12, л. 6]. По мнению мулл, в каждом из военно-учебных заведений было достаточно изучать с кавказцами обряды их религии в течение двух часов в неделю.

В 1835 г. в тех кадетских корпусах, в которых находились мусульмане, стали проводиться мусульманские богослужения

и началось преподавание основ ислама (данная учебная дисциплина, как и изучение христианского вероучения, именовалась Законом Божиим). Горцы освобождались от занятий по пятницам для проведения намаза, а также отпускались в город, чтобы принять участие в коллективных молитвах вместе со своими единоверцами. На время поста Рамазан-Байрам горцам было отведено особое помещение, где они могли бы молиться и проводить все положенные процедуры. Кроме того, было отдано распоряжение «иметь для стола их говядину от заклания рукой магометанина» [14, л. 4], а график приема пищи был изменен таким образом, чтобы воспитанники могли завтракать и обедать в темное время суток.

Общая для всех кадетских корпусов программа изучения Закона Божия не была утверждена, и каждый мулла разрабатывал ее самостоятельно. Программа, в соответствии с которой осуществлялось преподавание Закона Божия в Первом кадетском корпусе в начале 1860-х гг., включала следующие разделы:

а) первые понятия о Боге и об обрядах веры, а в особенности о пятивременных молитвах (намаз), предписываемых законом к неперемennomу исполнению;

б) о совершенстве и свойствах Божества невидимого, но понимаемого и чувствуемого в величии видимого творения и в явлениях правды и истины;

в) о догматах веры, заповедях Божиих и о символе веры Кате́хизис;

г) о веровании всему тому, что передано людям от пророка Мухаммеда;

д) о веровании в пророков и ангелов и всему, что чрез них ниспосылается от Бога;

е) познания о всех пророках, их жизни и чудесах;

ж) о разделении веры на секты и заблуждении сектаторов отклонением их от истинной веры;

з) о шариа́те, т. е. о законе, изложенном в стихах Корана, по которому мусульмане должны поступать во всех делах своих, и о наказаниях за отступления и нарушения установленных в законе правил;

и) о 30-дневном посте, именуемом Рамазаном, установленном в память призвания Богом Мухаммеда к пророчеству, о его значении и важности, а также о совершаемых во время поста

обрядов и молитвословиях. О празднике Курбан, установленном в воспоминание принесения Ибрагимом в жертву Богу сына своего Исаака;

к) богословие» [13, л. 3 об., 5].

Как было указано выше, на экзаменах по Закону Божию должны были присутствовать офицеры лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона. На них же возлагалась обязанность разговаривать с малолетними горцами на их родном языке, чтобы они не забыли его. Кроме того, офицеры осуществляли контроль за поведением воспитанников. Так, в конце мая 1835 г. шеф жандармов А. Х. Бенкендорф отдал распоряжение, «дабы воспитывающиеся в военно-учебных заведениях дети горских князей и узденей не отлучались по собственному произволу ни к родственникам своим, ни в Кавказско-горский эскадрон, но были бы из заведений увольняемы только по запискам офицера означенного полуэскадрона, занимающегося с ними разговорами на национальном языке» [15, л. 1].

Мулла М. А. Хантемиров отмечал, что «правительство, заботясь о воспитании юных горцев, дабы тем показать диким племенам Кавказа превосходство образования и порядка пред невежеством и своеволием, гибельным для них самих, не оставляет притом без внимания и самонаималейших обстоятельств в жизни, действующих на душу и чувства в моральном отношении» [18, л. 1 об.].

В 1845 г., после конфликта между Хантемировым и эфендием (законоучителем) полуэскадрона Алиевым, новым законоучителем мусульман, обучавшихся в военно-учебных заведениях, стал состоявший при Гвардейском корпусе муллы Рахманкулов, который «объявил, что он с удовольствием берет на себя сию обязанность, которую будет исполнять вместе с его помощником соборным имамом Абдуловым» [18, л. 15]. В Пажеском корпусе по ходатайству его директора генерал-майора П. Н. Игнатьева религиозное воспитание кадет-мусульман было поручено мулле Ахмет-Шаху Апселяшову.

Важным средством сохранения национальной идентичности кавказских воспитанников было разрешение им носить свои живописные национальные костюмы. Так, в Первом кадетском корпусе форма горцев состояла из темно-синих суконных черкесок, украшенных нагрудными напатронниками,

красной шапки, которая обшивалась серебряным галуном, и красного пояса. Летом воспитанники носили черные демикотонные шаровары, зимой – темно-синие суконные шаровары. По праздникам надевалась блиставшая великолепием парадная форма: «Черкеска с маленькими рукавами голубого сукна, обшитая серебряными галунчиками с напатронниками на груди, бешмет под оную надевается белого демикотону с длинными рукавами. Шаровары и наколенники синего сукна и с черными камашами (так! А. Г.), обшитыми серебряным галунчиком. Чимачи или башмаки красного сафьяна, вышитые золотом и серебром, надеваются, когда они верхами. Шапка белого сукна, обшитая галунчиком. Пояс красного сафьяна в серебряной оправе» [22, л. 5 об.].

Кавказцы, обучавшиеся во Втором и Павловском кадетских корпусах, носили «платье национальное, построенное из темно-синего сукна» [22, л. 1 об.]. В отпуск они ходили в парадной форме, пошитой из светло-синего сукна и украшенной серебряным позументом. Приведем ее полное описание: «1) шапка из белого сукна на вате, снизу с черной опушкой из мерлушки, выше коей обшито вокруг серебряным с позолотой широким позументом и накрест в восемь рядов таким же узеньким позументом, сверху же обтянутая серебряными нитками шишечка; 2) чекмень из тонкого голубого сукна с рукавами по локоть, обшитый серебряным узким позументом по борту и по подолу в один ряд, а воротник в три ряда, на чекмене на груди патронники и карманы из черного бархату обшитые серебряным широким позументом, патроны карельской березы в оправе слоновой кости на серебряных шнурках, прикрепленные к серебряной бляшке; 3) шаровары синего сукна обшитые по боковым швам и с низу вокруг серебряным узким позументом; 4) пара наговиц, верхняя половина из синего, а нижняя из черного сукна, обшитые сверху, посредине и снизу серебряным узким позументом и на оных штрипки из красного сафьяну; 5) к оным наговицам из красного сафьяну подвязки, обшитые в три ряда серебряным узким позументом; 6) два бешмета из белого демикотону с длинными рукавами, все они на белой миткалевой подкладке; 7) пояс из красного сафьяну обшитый серебряным позументом в два ряда, с серебряными пряжками и пуговицами; 8) башмаки из красного

сафьяну с черной поверху широкой оторочкой, обшитой вокруг серебряным позументом и золотыми шнурками, а также вдоль башмака по носку серебряным шнурком» [22, л. 10–10 об.]. В 1833 г. по распоряжению императрицы Александры Федоровны такую же форму получили малолетние горцы, находившиеся на воспитании в Александровском кадетском корпусе.

Начиная с 1839 г. согласно распоряжению Николая I, основанному на представлении командира Отдельного Кавказского корпуса, в кадетские корпуса и Дворянский полк стали отправляться дети почетных армян Кавказского края. Их присылка осуществлялась ежегодно к 1 августа. В 1839 г. из Карабахской провинции в Санкт-Петербург были отправлены сын подпоручика Хандамирова, 15-летний Аркадий, три племянника подпоручика Долуханова (16-летний Саркис, 13-летний Алексей и 12-летний Абрам) и двое сыновей карабахских беков – 12-летний Иван Шахназаров и 16-летний Яков Лазарев. Заведовать ими должен был адъютант Кавказской резервной гренадерской бригады гвардии поручик Добржанский [19; л. 2 об. – 3 об.].

Когда скорое завершение Кавказской войны стало очевидным, малолетние горцы, находившиеся на воспитании в столичных военно-учебных заведениях, утратили свой особый статус. Этому способствовало и осознание того, что для создания лояльной по отношению к Санкт-Петербургу местной элиты было недостаточно одного лишь военно-воспитательного воздействия. Руководство государства и армии опасалось, что образованные офицеры из числа кавказцев, вернувшись на родину, образуют антиправительственную корпорацию, которая примет сторону «немирных горцев» и станет катализатором сепаратистских устремлений. Еще в 1844 г. один из чиновников, направивший на имя Николая I записку о плане военных действий на Кавказе, отмечал: «в учебных наших заведениях образуются многие из кавказских пород; образование ума не всегда бывает образованием сердца, влечение которого всегда родина, любовь к ней никогда не изглаживается. Азиатский ум бывает пламенен и хитер; одна нега его усыпляет. Со временем из этих ученых беглецов может найтись такой, который заразаясь славой, высшим назначением человека, найдет себе подобных подручных, сольет все породы Кавказа в одну, устроит заводы и фабрики и учредит правильное управление.

Кавказ всем изобилует по царству ископаемому: есть сера, селитра, медь, свинец, железо, чугун, серебро и золото. Недостает ученых мастеров; но для этого найдутся удалые беглецы, и если руки природных жителей неспособны к работе, то они употребят на то пленных» [23, л. 1–1 об.]. Распространению этого мнения способствовало и восстание сипаев в Индии, начавшееся в 1857 г. Поэтому горцы, окончившие кадетские корпуса, все чаще распределялись на службу в воинские части, дислоцированные в европейской части России, где окончательно русели. Кавказцы, находившиеся на воспитании в кадетских корпусах в 1860-е гг., сохранили лишь свою религию, однако многие из них предпочитали переходить в христианство, чтобы не выделяться из общей кадетской массы.

Тем не менее зачисление представителей народов Кавказа в кадетские корпуса продолжалось. В 1845 г. Николай I распорядился, чтобы включать в число 30 малолетних почетных мусульман и армян Закавказского края сыновей гурийских дворян «в том внимании, чтобы постепенным образованием гурийского юношества водворить между ими правильное понятие о священных обязанностях подданных Империи» [20, л. 1]. В 1848 г. правительство обратило внимание на то, что имеретинские князья и дворяне ввиду своей бедности являлись гораздо менее просвещенными, чем дворяне Грузии, между тем как их детям было бы весьма желательно получить образование. Поэтому наместник Кавказский и главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютант князь М. С. Воронцов направил императору ходатайство о том, чтобы в военно-учебных заведениях из числа вакансий, предназначенных для детей горских князей и первостепенных узденей, 10 вакансий были бы отделены для имеретинских дворян. Главный начальник военно-учебных заведений великий князь Михаил Павлович, поддержав данную инициативу, предложил распределить эти вакансии поровну между Первым, Вторым, Павловским, Первым и Вторым Московскими корпусами, а великовозрастных воспитанников зачислять в Дворянский полк.

Обсуждение и выводы

Таким образом, воспитание малолетних кавказцев в российских военно-учебных заведениях осуществлялось таким

образом, чтобы, обеспечивая их вхождение в состав имперской элиты, не уничтожить связь с Кавказом. Искключительные льготы и привилегии, о которых обычные кадеты не могли даже мечтать, сохранение национального платья, поддержание навыков владения родным языком – все это не только способствовало укоренению в воспитанниках искреннего чувства привязанности к правительству, но и позволяло им оставаться кавказцами, а значит, не терять связь со своими соплеменниками. Этой же цели служило и религиозное воспитание, которое, вопреки официальной парадигме официальной народности, основывалось на принципе веротерпимости и уважении к духовным запросам национальных меньшинств.

Поскольку зачисление малолетних кавказцев в кадетские корпуса носило исключительно практический характер, их статус и содержание воспитания зависели от хода боевых действий на Кавказе. До тех пор, пока сохранялись значительные очаги сопротивления, отношение к кавказцам, особенно к родственникам «немирных» горцев, было достаточно щепетильным как в бытовом, так и в религиозном отношении. Как только исход противостояния стал ясен, кавказцы стали стремительно терять свои привилегии и ассимилироваться с основной массой воспитанников. Однако задача формирования национальной элиты не снималась с повестки дня, о чем свидетельствует продолжение помещения в корпуса армян и грузин.

Отмеченное выше обрусение не было всеобщим, и некоторые кавказцы сохранили свою социокультурную специфику. Насмешки и обидные замечания, касавшиеся языка, обычаев и особенно веры, они воспринимали достаточно болезненно, и в конце XIX – начале XX в. это стало причиной нескольких конфликтов. Представляется, что и в настоящее время попытки игнорировать культурные и религиозные особенности народов Кавказа при организации учебно-воспитательного процесса могут вызвать столь же заметную реакцию отторжения. По этой причине деятельность военно-образовательных учреждений, в которых обучаются представители народов Кавказа, должна строиться на принципах мультикультурализма, религиозного плюрализма и толерантности.

Список литературы

1. Галушко Ю. А., Колесников А. А. Школа российского офицерства. Исторический справочник. М.: Русский мир, 1993. 223 с.

2. Исторический очерк 2-го Кадетского корпуса 1712–1912 гг.: в 2 т. / под общ. ред. А. К. Линдеберга; сост. Н. П. Жервэ и В. Н. Строев. Т. 1. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1912. Т. 1. ХЦ, 464, 174 с.

3. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского Военно-сиротского дома, 1798–1898 гг. / под ред. А. Н. Петрова. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1898. 759 с.

4. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. 494 с.

5. На страже главной цитадели России: к 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации / [В. И. Жилияев, Д. А. Ключков, И. И. Кондратьев, О. Г. Леонов, Т. Д. Панова; сост. Д. А. Ключков]. М.: Русские витязи, 2018. 920 с.

6. Пояснительная записка. «О личных правах туземного населения Кубанской области» // Генеалогия Северного Кавказа. Историко-генеалогический научно-реферативный журнал № 19. – Нальчик: Эль-фа, 2007. – С. 8–75.

7. Приказ Главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка от 13 декабря 1834 г. № 26.

8. Приложение к п. 5 Приказа Главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка от 26 января 1835 г. № 46.

9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 314. Оп. 1. Д. 4136.

10. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4221.

11. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4377.

12. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5280.

13. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 6195.

14. РГВИА. Ф. 315. Оп. 1. Д. 10249.

15. РГВИА. Ф. 315. Оп. 1. Д. 4420.

16. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 425.

17. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 433.

18. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2350.

19. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 500.

20. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 623.

21. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 637.

22. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2870.

23. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5557.

24. РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 76.

25. Танков А. А. Грузинская царица в Белгороде // Исторический вестник. – 1901. – Т. 83. – № 3. – С. 1035–1051.

26. Умаров Д. В. Подготовка горских народов Северного Кавказа к военной службе в Российской империи // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2023. – № 1 (128). – С. 80–86.

27. Штурба В. А. Образование как элемент окультуривания горских народов Кавказа на завершающем этапе Кавказской войны // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2010. – № 3 (5). – С. 5–15.

28. Юхотников Ф. Письма с Кавказа // Русское слово. – 1861. – № 4. – С. 1–17.

Young Caucasians in the Cadet Corps of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century

Aleksey N. Grebyonkin

Military educational institutions of the Russian Empire in the 19th century played the role of one of the conductors of imperial policy in the Caucasus. The scions of the local nobility enrolled in the cadets had to be brought up in the spirit of devotion to the throne and at the same time receive general education and cultural training sufficient to ensure the possibility of a full-fledged dialogue with officers and officials. Graduates of the corps were called upon to become reliable allies and effective assistants of the government, which sought not only to conquer the Caucasus, but also to form a local elite distinguished by loyalty to St. Petersburg. This was achieved by giving Caucasian pupils a special status, which implied the possibility of preserving their faith, national costume and even weapons. As the Caucasian War neared its end, the task of training the local nobility loyal to Russia in the cadet corps was losing relevance, so the Caucasians enrolled in the cadets were no longer in an exceptional position and gradually merged with the bulk of the pupils.

Key words: Russian Empire, the conquest of the Caucasus, military education, Caucasian pupils, mountaineers.

For citation: Grebyonkin, A. N. (2023) Maloletnie kavkazcy v kadetskikh korpusah Rossijskoj imperii v pervoj polovine XIX v. [Young Caucasians in the Cadet Corps of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 10–27. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_3_10. EDN: ZMDDKF

References

1. Galushko, YU. A. Kolesnikov, A. A. (1993) *SHkola rossijskogo oficerstva. Istoricheskij spravocchnik* [The School of Russian officers. Historical reference]. Moscow: Russkij mir. (In Russ.)
2. Lindeberg, A. K. (1912) (ed.) *Istoricheskij ocherk 2-go Kadetskogo korpusa 1712–1912 gg.* [Historical sketch of the 2nd Cadet Corps 1712–1912]: in 2 vols.; comp. N. P. ZHerve, V. N. Stroeve. Vol. 1. Saint Petersburg: tip. Trenke i Fyusno. (In Russ.)
3. Petrov, A. N. (1898) (ed.) *Istoricheskij ocherk Pavlovskogo voennogo uchilishcha, Pavlovskogo kadetskogo korpusa i Imperatorskogo Voенno-sirotskogo doma, 1798–1898 gg.* [Historical sketch of the Pavlovsk Military School, the Pavlovsk Cadet Corps and the Imperial Military Orphanage, 1798–1898]. Saint Petersburg: Tip. M-va vnutrennih del. (In Russ.)
4. Klychnikov, YU. YU. (2002) *Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.)* [Russian policy in the North Caucasus (1827–1840)]. Pyatigorsk: Izd-vo PGLU. (In Russ.)
5. ZHilyaev, V. I., Klochkov, D. A., Kondrat'ev, I. I., Leonov, O. G. and etc (2018) (eds.) *Na strazhe glavnoj citadeli Rossii: k 100-letiyu Sluzhby komendanta Moskovskogo Kremlya Federal'noj sluzhby ohrany Rossijskoj Federacii* [On guard of the main Citadel of Russia: on the 100th Anniversary of the Service of the Commandant of the Moscow Kremlin of the Federal Security Service of the Russian Federation]. Comp. D. A. Klochkov. Moscow: Russkie vityazi. (In Russ.)
6. *Poyasnitel'naya zapiska. "O lichnyh pravah tuzemnogo naseleniya Kubanskoj oblasti"* (2007) [Explanatory note. "On the personal rights of the native population of the Kuban region"]. *Geneologiya Severnogo Kavkaza. Istoriko-genealogicheskij nauchno-referativnyj zhurnal* [Genealogy of the North Caucasus. Historical and genealogical scientific-abstract journal]. No. 19. Pp. 8–75. (In Russ.)

7. *Prikaz Glavnogo nachal'nika Pazheskogo, vsekh suhoputnyh kadetskikh korpusov i Dvoryanskogo polka ot 13 dekabrya 1834 g. № 26 (1834)* [Order of the Chief Commander of the Pages, all land cadet corps and the Noble Regiment dated December, 13 No. 26]. (In Russ.)

8. *Prilozhenie k p. 5 Prikaza Glavnogo nachal'nika Pazheskogo, vsekh suhoputnyh kadetskikh korpusov i Dvoryanskogo polka ot 26 yanvarya 1835 g. № 46 (1835)* [Appendix to item 5 of the Order of the Chief Commander of the Pages, all land cadet corps and the Noble Regiment dated January, 26 No. 46]. (In Russ.)

9. *Rossiiskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* [Russian State Military Historical Archive] (RGVIA). F. 314. Op. 1. D. 4136. (In Russ.)

10. RGVIA. F. 314. Op. 1. D. 4221. (In Russ.)

11. RGVIA. F. 314. Op. 1. D. 4377. (In Russ.)

12. RGVIA. F. 314. Op. 1. D. 5280. (In Russ.)

13. RGVIA. F. 314. Op. 1. D. 6195. (In Russ.)

14. RGVIA. F. 315. Op. 1. D. 10249. (In Russ.)

15. RGVIA. F. 315. Op. 1. D. 4420. (In Russ.)

16. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 425. (In Russ.)

17. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 433. (In Russ.)

18. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 2350. (In Russ.)

19. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 500. (In Russ.)

20. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 623. (In Russ.)

21. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 637. (In Russ.)

22. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 2870. (In Russ.)

23. RGVIA. F. 725. Op. 56. D. 5557. (In Russ.)

24. RGVIA. F. 945. Op. 1. D. 76. (In Russ.)

25. Tankov, A. A. (1901) *Gruzinskaya carica v Belgorode* [The Georgian Queen in Belgorod]. *Istoricheskij vestnik* [Historical Bulletin]. Vol. 83. No. 3. Pp. 1035–1051. (In Russ.)

26. Umarov, D. V. (2023) *Podgotovka gorskih narodov Severnogo Kavkaza k voennoj sluzhbe v Rossijskoj imperii* [Preparation of the Mountain peoples of the North Caucasus for military service in the Russian Empire]. *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki* [Humanities and Socio-economic Sciences]. No. 1 (128). Pp. 80–86. (In Russ.)

27. SHturba, V. A. (2010) *Obrazovanie kak element okul'turivaniya gorskih narodov Kavkaza na zavershayushchem etape Kavkazskoj vojny* [Education as an element of the cultivation of the Mountain peoples of the Caucasus at the final stage of the Caucasian War]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought]. No. 3(5). Pp. 5–15. (In Russ.)

28. YUhotnikov, F. (1861) *Pis'ma s Kavkaza* [Letters from the Caucasus]. *Russkoe slovo* [Russian word]. No. 4. Pp. 1–17. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.05.2023

Одобрена после рецензирования 01.06.2023

Принята к публикации 14.06.2023

Сравнительный анализ национальной политики СССР в 1920–1930-е гг. на примере украинизации и белорусизации

Н. А. Осипов

После окончания Гражданской войны 1918–1922 гг. и создания Советского Союза перед УССР и БССР стояли схожие задачи – построить национальное государство в рамках советской власти, однако ход проведения политики коренизации зависел от разных обстоятельств. Поэтому и результаты, проведенной в советских республиках политики были различными. Чтобы оценить их, целесообразно сравнить конкретно-историческую специфику развития и ход проведения национальной политики в двух республиках. В данной статье с опорой на такие материалы, как статистические данные, периодическая печать в период с 1925 по 1933 гг., различные статьи и монографии российских, украинских и белорусских ученых, осуществляется сравнение хода проведения и результатов национальной политики в УССР и БССР. Сделан вывод о том, что темпы политики коренизации были с самого начала различными, а сама она фактически была начата в указанных советских республиках в разное время. Если в Украине политика в области культуры совмещалась с попыткой получить большую власть на местах, то в Беларуси акцент прежде всего ставился на укрупнении республики.

Ключевые слова: украинизация, УССР, белорусизация, БССР, большевики, округ, городское население, сельское население.

Для цитирования: Осипов Н. А. Сравнительный анализ национальной политики СССР в 1920–1930-е гг. на примере украинизации и белорусизации // История повседневности. – 2023. – № 3. – С. 28–46. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_28. EDN: YFKLTU

Введение

Национальная политика СССР в 1920–1930-е гг. изучается довольно давно как отечественными, так и зарубежными историками, а поэтому имеет обширную историографию. Особое внимание авторы уделяют теоретическому уровню изучения данной проблемы [1], однако научный интерес также касается анализа практических мероприятий Советского Союза в отношении разных народов Европейской части России, Севера, Сибири и т. д. [2–7].

Тема проведения национальной политики на территории Украинской Советской Социалистической Республики и Белорусской Советской Социалистической Республики в виде украинизации и белорусизации в 1920–1930-х гг. (политика по расширению употребления украинского и белорусского языков в общественно-политической и культурной жизни советских республик) стала подниматься с самого начала ее проведения, однако до 1990-х гг. отсутствовали научные исследования, посвященные данной проблеме, хотя национальная составляющая постоянно затрагивалась во всех работах по истории Украины и Беларуси XX в. [8–11]. Ситуация изменилась в 1980–1990-х гг., когда были сняты ограничения исследования данного вопроса, в связи с чем были открыты архивы. Таким образом, данная тема стала актуальной в исследовательской сфере.

Стоит обратить внимание, что политика белорусизации до сих пор является изученной в значительно меньшей степени, чем политика подобного рода на территории Украинской ССР, связано это прежде всего с тем, что большая часть архивных документов, содержащих информацию и статистические данные по этой тематике, были утеряны или уничтожены в годы Великой Отечественной войны. В связи с этим считается целесообразно рассматривать политику на территории УССР и БССР вместе, чтобы лучше понять взаимосвязь центра с регионами, а также провести сравнительный анализ процессов в разных республиках. Так как сравнительный анализ политики коренизации на территории УССР и БССР в основном не затрагивается в научных работах, данная статья обладает научной новизной.

Исследования, посвященные достижениям украинизации в разных сферах культуры, содержатся в монографии «Українізація 1920–1930-х рр.: передумови, здобутки, уроки»

[12]. Схожие сюжеты по достижениям белорусизации, рассматриваются в «Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч.». Учеными проанализированы этнонациональные последствия национальной политики СССР на территории различных регионов Украинской и Белорусской ССР [13].

Результатом Великой Российской революции 1917–1922 гг. стало образование Союза Советских Социалистических Республик в 1922 г., после чего началось строительство нового государства.

В 1926 г. на территории всего Советского Союза была проведена всеобщая перепись населения. Проводилась она методом опроса, хотя допускалось и самосчисление. Стоит отметить, что перепись по национальному признаку проходила путем задавания опрашиваемому двух вопросов: о народности и о родном языке. Так, согласно переписи населения 1926 г. на территории Украинской ССР проживало 29 млн чел., из которых 80,1 % украинцы, 9,2 % русские и 5,4 % евреи [14, с. 63]. Для сравнения, на территории Белорусской ССР проживало 80,6 % белорусов, 8,2 % евреев, 7,7 % русских и 2 % поляков¹.

Специфика населения по этническому признаку в городе и на селе также была зафиксирована переписью населения 1926 г.: в рамках макрорегиона украинское население было преимущественно крестьянским по своему характеру. Например, в процентном эквиваленте число украинцев в городах составляло в среднем 47,4 % и колебалась от 36 % до 88,3 %. На основании вышеуказанных статистических данных можно сделать вывод о том, что украинская часть населения была представлена в городах в крайне низкой степени: только 10,9 % населения было городским, в то время как 89,1 % проживало в сельской местности. В то же время аналогичные показатели для русского населения составили 50,2 % и 49,8 % соответственно, а еврейского 74,4 % и 22,6 % [14, с. 65].

Что касается белорусского населения, то в городах соотношение было иным: 40,2 % горожан составляли евреи, затем шли белорусы (39 %) и русские (15,6 %). Однако стоит обратить внимание на некоторые города, где доля белорусов была значительной. Например, в Витебске доля белорусов среди город-

¹ Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/data/> (дата обращения: 05.04.2023).

ского населения составляла около 32 %, в Гомеле 24 %, в Минске 45,5 % [15].

По результатам переписи 1926 г. около 76,4 % населения Украинской ССР считало своим родным языком украинский [14, с. 66], в Белорусской ССР 67 % населения назвали своим родным языком белорусский, 23,5 % русский, 7,5 % идиш, и около 1 % польский [17, с. 116].

Языком своей национальности среди украинцев разговаривало 94,1 % населения, из которых 74,5 % проживало в городах [14, с. 67].

Большинство украинского населения Украинской ССР было задействовано в сельском хозяйстве (87,5 %). Для сравнения в промышленности было занято 3,6 % украинского населения, данные показатели в строительстве и на железнодорожном транспорте были еще ниже [14, с. 69]. Белорусов в сельском хозяйстве было задействовано около 91,7 % [15].

Результаты

Вопрос о необходимости проведения политики по продвижению белорусского языка в общественной и государственной жизни был впервые поднят в БССР в декабре 1920 г. Планировалось создать сеть учреждений для развития культуры. Предполагалось взять за основу те языки, которые распространены среди народов Беларуси. Одновременно была организована подготовка специальных кадров и соответствующей литературы. В феврале 1921 г. на II сессии ЦИК БССР было постановлено, что наркомат просвещения должен организовать преподавание на территории БССР на белорусском языке [13, с. 116].

В связи с нехваткой квалифицированных педагогических кадров и учебной литературы, было решено организовать подготовку специалистов в Институте народного образования в Минске и на трёхлетних курсах в Бобруйске и Борисове, а подготовка всех видов литературы на белорусском языке стала общесоюзной задачей [13, с. 119–121].

В Украинской ССР с 1920-х гг. также встал вопрос о языковой политике. Например, Наркомат просвещения Украины 4 мая 1920 г. принял постановление, согласно которому необходимо было начать подготовку работников просвещения с обязательным изучением украинского языка. Согласно постановлению

СНК УССР от 21 сентября 1920 г., украинский язык вводился как обязательный во всех педагогических учреждениях и становился языком преподавания. В связи с этим предполагалось обеспечить учебные заведения необходимым числом учебных пособий и художественной литературы на украинском языке [12, с. 102].

На XII съезде РКП(б) 17–25 апреля 1923 г. были поставлены вопросы о характере суверенности республик в составе СССР и национальной политике. Политика украинизации и белорусизации стала предметом государственного регулирования на всесоюзном уровне. Таким образом, с этого момента можно официально отсчитывать начало проведения политики украинизации и белорусизации [12].

Несмотря на единовременное начало схожих процессов в области национального строительства СССР в 1920–1930-е гг., такая политика сразу имела существенные отличия на территории Украинской и Белорусской ССР.

В 1924 г. умер В. И. Ленин, началась борьба за власть. В этой борьбе И. В. Сталину требовалось заручиться поддержкой второй по численности партийной организации в СССР, то есть КП(б)У. БССР же на начало 1920-х гг. представляло миниатюрную республику, которая состояла из части уездов бывшей Минской губернии. Территории западнее Минска находились в составе Польской Республики, а Восточная Беларусь находилась в составе РСФСР. Именно это и предопределило особое отношение Сталина к национальным процессам, происходящим в УССР.

Если процесс украинизации после 1923 г. на территории УССР был запущен, то в БССР основное внимание было направлено на укрупнение республики, т. е. присоединение к ней Витебщины, Могилевщины и Гомельщины.

Так, А. Г. Червяков, председатель СНК БССР, в выступлении на VII съезде КП(б)Б, проходившем 20–26 марта 1923 г., заявил, что уезды Витебской и Гомельской губерний населены в основном белорусами, а также выразил пожелание, чтобы данные территории были переданы в состав БССР [18, с. 456].

Исходя из национального состава Витебской, Гомельской и части Смоленской губерний, на XII партийной конференции КП(б)Б 15 апреля 1923 г. было решено передать эти территории в состав БССР [18, с. 460].

С 9 по 12 июня 1923 г. в Москве прошло совещание делегатов национальных компартий СССР по национальным вопросам. Секретарь ЦБ КП(б)Б В. А. Богущкий заявил о том, что невозможно проводить национальную политику в БССР, пока та включает в себя только незначительную часть Минщины [19, с. 476]. Одновременно с этим ЦБ КП(б)Б передало в ЦК РКП(б) докладную записку с материалами, касающимися увеличения территории БССР, которую затем, 18 июня 1923 г., по поручению А. Г. Червякова передали в Секретариат Наркомата иностранных дел. Авторы подчеркивали значение внешнеполитического фактора, так как власти Польши на этнических белорусских землях проводили политику ассимиляции, нужно было показать, что Советский Союз занимается решением белорусского вопроса в рамках БССР [20, с. 48].

Авторы докладной записки приводили такую аргументацию: «в БССР белорусов 80 %, евреев 15 %, поляков 3 %. В Витебской губернии белорусов 68 %, русских и украинцев 12 %, евреев 14 %, поляков 4 %, латышей, литовцев 10 %. В Гомельской губернии белорусов 80 %, русских и украинцев 4 %, евреев 14 %, поляков 1 %. В Смоленской губернии белорусов 40 %» [20, с. 49].

Таким образом, авторы записки заявляли, что эти территории являются белорусскими по своему составу и должны быть в составе БССР [20, с. 51]. Помимо этого, руководители БССР обеспокоились политическим положением Витебской и Гомельской губерний, где национальный вопрос «даже не стоит» [20, с. 52].

Коммунисты из Беларуси считали, что такое положение дел создает почву для националистической агитации со стороны Польской Республики. А нежелание руководства Витебской, Могилевской, Гомельской и части Смоленской губернии передавать эти территории в состав БССР объясняли тем, что во всех этих губерниях во главе советского и партийного аппарата стоят не местные, а выходцы из центральной России [20, с. 54].

9 июня 1923 г. наркомат национальностей передал в наркомат иностранных дел данные по национальному составу граничащих с БССР губерний. Его данные не совпадали со статистикой КП(б)Б, представленной А. Г. Червяковым. Согласно переписи 1920 г., в Гомельской губернии белорусы составляли 34 % населения, а в Витебской губернии насчитывалось 57,5 % белорусов [20, с. 56].

Передача 8 уездов была осуществлена в два этапа: постановлением Президиума ЦИК РСФСР от 4 февраля 1924 г. «О передаче Беларуси районов с преимущественно белорусским населением» и резолюцией VI Всебелорусского чрезвычайного съезда Советов БССР от 13 марта 1924 г. [18, с. 484; 21, с. 7–10].

Гомельский и Речицкий уезды не были переданы, так как местное руководство оперировало данными двух переписей населения. Например, на территории Гомельского уезда число белорусов в 1920 г. составляло всего лишь 16 %, хотя по переписи 1897 г. их количество составляло 74 % [22, с. 33–34].

Руководство же БССР объясняло это несоответствие тем, что для основной массы населения Российской империи понятия «белорус» и «русский» были синонимичными, и если при данной переписи задавался вопрос «вы русские?», ответом могло быть «мы русские». Это позже подтвердили работы комиссий в данном регионе и последующие переписи населения [18, с. 484]. В итоге, 23 ноября 1926 г. было принято окончательное решение о присоединении Гомельского и Речицкого уездов (включая Гомель) к Белорусской ССР.

После достижения поставленных задач по включению в состав БССР белорусских этнических земель, руководство республики обратило свое внимание на достижение более высоких темпов белорусизации, в то время как в УССР украинизация уже проводилась более быстрыми темпами, однако все равно не устраивала И. В. Сталина, так как лидер Советского Союза хотел заручиться поддержкой второй по численности партийной организации, как уже было сказано выше.

В связи с этим Э. И. Квиринг был снят с должности первого секретаря ЦК КП(б)У, которая теперь стала называться "Генеральный". Генеральным секретарем ЦК КП(б)У стал Л. М. Каганович, так как И. В. Сталин знал его лично, считал преданным работником. Л. М. Каганович родился и вырос на Украине, хорошо знал республику. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) был уверен в том, что именно Л. М. Каганович сможет укрепить его позиции в этой республике. Последний начал «чистку» партийно-государственного аппарата путем замены кадров на лояльных «вождю» и готовых проводить в жизнь политику украинизации, а также тех, которые действительно содействовали делу коренизации в республике [12, с. 89].

И. В. Сталин, вступивший в борьбу со своими политическими противниками, нуждался в поддержке партии, второй по величине после РСФСР. Он через Л. М. Кагановича «устранил» оппонентов на Украине, в лице «великороссийских шовинистов» и украинских националистов. Разобравшись с «великодержавными шовинистами», И. В. Сталин заручился поддержкой сторонников украинизации, а устранив украинских националистов, показал, что политика украинизации носит перманентный характер [23].

Именно Л. М. Каганович с помощью административного воздействия поспособствовал ускоренному проведению политики украинизации, что дало впоследствии высокие результаты в ходе ее проведения. Например, уже в 1926 г. украинцы составляли 82,2 % в среде металлистов, 72,7 % железнодорожников, 37,9 % строителей, 32,5 % типографов, 82,2 % среди сельскохозяйственных работников [14, с. 75]. На 1 января 1926 г. в партийной организации в сравнении с числом членов партии украинцев было 43,9 %, 1 января 1927 г. 45 %. То есть в 1926 г. за девять месяцев среди принятых в партию украинцев было 54,8 %. Среди индустриальных групп населения украинцев было 41,6 %, связь и транспорт 64,6 % [9, с. 24].

В составе окружных исполкомов после последних перевыборов украинцы составляли 60 % перед 1927 г., на 1927 г. в райисполкомах украинцев уже было 80,3 %, а в сельсоветах 88,5 % [9, с. 28]. В составе сельских и промышленных райкомов украинцы составляли большинство (64,5 % и 46,1 % соответственно). Время созыва окружных пленумов партийных комитетов и их национальный состав выглядел таким образом: 1923 г. – украинцев было 31,9 %, 1924 г. – 34,3 %, 1925 г. – 38,9 %, 1926 г. – 48,8 % [9, с. 25].

Успехи национально-культурного строительства отразились и на искусстве. В 1928 г. в целом по Украинской ССР было 54 театра, а в 1931 г. уже 88, то есть стационарных 37, передвижных 51. По языку, на котором они выступали, они разделялись следующим образом: украинских 63, еврейских 8, русских 11, польский 1, болгарский 1 и смешанных 4 [24, с. 130]. Таким образом, процент украинских театров значительно увеличился. Если в 1928 г. было 25 %, то в 1931 г. уже 75 % [24, с. 133].

Несмотря на то, что руководство Советского Союза постепенно сворачивало проведение политики украинизации, она

по инерции еще продолжала давать некоторые результаты определенное время. Так, в 1925/26 уч. г. на Украине на русском языке функционировало всего 3312 ликбезов, а на украинском языке 13350, однако в 1927/28 уч. году, уже 78 % ликбезов были украинскими [23, с. 55]. Весьма интересными являются и другие показатели. В 1922 г. насчитывалось 6105 украинских школ, а в 1930 г. уже 14430 [12, с. 150].

Украинизация прессы к 1932 г. достигла 87,5 %. К 1930 г. на Украине осталось только 3 крупные газеты на русском языке. Относительно журналов, в 1928 г. 71,2 % их издавалось на украинском языке, а в следующем году эта цифра достигла уже 84 %. Книги на украинском языке в общей массе книжной продукции составляли к 1931 г. 76,9 % [25, с. 215].

Также в УССР развивался украинский кинематограф, за 1927–1929 гг. в Киеве была создана самая большая по площади в Европе киностудия. В киноискусстве республики продолжала доминировать украинская проблематика. Продолжалась украинизация и театрального искусства [23, с. 55].

Положение И. В. Сталина во власти к началу 1930-х гг. существенным образом отличалось от положения на момент начала 1920-х гг. Если сначала он принимал активное участие в борьбе за власть, то потом И. В. Сталин, заручившись поддержкой партии в Украине и в центре, стал активно назначать своих сторонников на ключевые посты в партии и органах советской власти. Данная ситуация в корне изменила отношение центра к политике украинизации, что привело к ее свертыванию.

Что касается темпов белорусизации в аналогичное время, то В. М. Игнатовский, академик Академии наук БССР, в своем докладе на XI съезде КП(б)Б очень ярко охарактеризовал состояние вещей в этом вопросе: «Мы достигли такого уровня культуры, какого Беларусь никогда не имела и не может иметь при буржуазной власти: университет, академия, техникумы, школы, десятки журналов. Институт Белорусской культуры, театры, музеи, сотни статей в год, литературы и т. д. ...» [11, с. 99].

Однако В. М. Игнатовский также отмечал такие серьезные проблемы в сфере белорусизации, как нехватка педагогических кадров, материально-технического обеспечения, отсутствие учебников и учебных пособий на белорусском языке, вину за все это он возлагал на руководителей местных советских органов

и партийных организаций, в связи с чем высказывался: «В этом роде с деятельностью российского великодержавничества мы сталкиваемся почти каждый день у нас в БССР, особенно тогда, как выезжаем за границу БССР в РСФСР и т. д.» [11, с. 101].

Несмотря на это, политика белорусизации все же проводилась, однако по показателям отставала от аналогичных по сравнению с украинизацией. Так, состав окружных советских аппаратов на апрель 1927 г. выглядел следующим образом: среди административных органов 60,1 % белорусов было в ответственных и 61,4 % в технических органах. Среди земельных органов в ответственных органах белорусов было 77,3 %, а в технических 75,8 % [26, с. 17].

На апрель 1927 г. в составе районного административного аппарата белорусов было 79,2 %. В составе судебных органов на местах на апрель 1927 г. белорусов было 65 % в окружных судах и 70 % в народных [26, с. 17].

Общий процент сотрудников, владеющих белорусским языком, в учреждениях БССР в 1925 г. выражается в следующих цифрах: в центральных органах 21,9 %, окружных и районных 36,2 %, центральных, окружных и районных вместе взятых 29,5 %. К апрелю 1926 г. показатель несколько изменился. В центральных органах, хорошо владеющих белорусским языком, было 54 %, слабо владеющих 19 % и плохо владеющих 27 %, в окружных и районных органах 42 %, 9,4 % и 48,6 % соответственно [26, с. 17]. В 1927 г. процент сотрудников, владеющих белорусским языком, увеличился и достиг: в центральных органах 80 %, в окружных и районных 70 %. Можно сделать вывод, что показатели владения белорусским языком в органах власти к 1927 г. достигли значительного уровня [26, с. 18].

К июлю 1925 г. полностью перевели на белорусский язык работу своих аппаратов: ЦИК и существующие при нем комиссии, наркомат просвещения и его отделы на местах, Белорусский Государственный Музей, Белорусское государственное издательство, Калининский Окружной исполком и его отделы, а также почти все районные исполкомы и сельсоветы Калининского округа. Аппарат Совнаркома был переведен на белорусский язык к этому времени на 75 %, наркомат земледелия на 30 % [26, с. 19].

К июлю 1926 г. полностью проводили работу на белорусском языке также Совнарком, секретариаты всех окрисполкомов

и земотделы некоторых окрисполкомов. В остальных учреждениях и организациях процент белорусизации к этому времени составил 30–60 %. Наркомат земледелия был белорусизирован к этому времени на 50 %, наркомат внутренних дел на 60 %, наркомат социального обеспечения на 50 %, наркомат юстиции на 50 % [26, с. 19].

Сильное воздействие на сотрудников оказывалось проверяющими центральными и окружными нацкомиссиями. Белорусизацию планировалось закончить к 1928 г. [26, с. 19].

Также постепенно изживалось отношение к белорусскому языку как к языку только официальному. Белорусский язык весьма часто можно было слышать в частных беседах, главным образом среди молодых общественных, советских и партийных работников и т. д., часто даже не белорусов по национальности [26, с. 19].

Однако встречалось и сопротивление белорусизации, за время проверки по всем округам и центрам за упорное нежелание изучать белорусский язык и за враждебное отношение к белорусизации было уволено 27 чел. [25, с. 20].

Наряду с органами власти белорусизация проводилась в частях Красной Армии. Так, Военная школа имени ЦИК БССР была укомплектована на 75 % из белорусов. Систематически изучался белорусский язык. Переписка школы с местными органами проводилась в значительной степени на белорусском языке. Низший командный состав более чем на половину был укомплектован белорусами. В составе кадровых белорусских частей красноармейцев белорусов насчитывалось 73,2 %, а среди переменного состава 85,2 %. Политизация в белорусских частях проводилась на белорусском языке на 72 % [26, с. 20].

Полностью на белорусском языке проводились конференции всебелорусские, окружные и районные. Частично культурно-массовая работа также проводилась на белорусском языке и в других союзных организациях [26, с. 21].

Часть союзов проводили свое делопроизводство на смешанных языках: медсантруд, совторгслужащие, наркомсвязь, деревообделочники, наркомпит. По союзу железнодорожников аппарат Бюро ЦК полностью работал на белорусском языке, а профсоюзы и месткомы «только частично» [26, с. 22].

О национальном составе членов потребительской кооперации имеются данные лишь по 8 ЦРК (из 12) на 1 октября

1927 г. Из общего количества 37 497 членов (без военных) белорусов было 38,8 %, русских – 12,4 %, евреев – 43,2 %, поляков – 2 % и прочих – 3,6 % [26, с. 23]. Из 20 647 пайщиков (10 % всех пайщиков), присутствовавших на отчетных собраниях, белорусов было 90,6 %, русских – 1,4 %, евреев – 5,3 % и прочих – 1,1 % [26, с. 26].

Со стороны руководства БССР признавалось необходимым «всю работу партийного и комсомольского аппарата перевести до 1 января 1927 г. на белорусский язык» [13, с. 119].

Но существовали различного рода проблемы и сложности на пути белорусизации, которые приходилось преодолевать через большие усилия. Тут можно указать на довольно значительное территориальное разнообразие лексики и фонетики белорусского языка, неразработанность технической, политической, юридической, педагогической, медицинской и других терминологий. По причине всего этого укоренение белорусского языка в общественной жизни республики происходило значительно сложнее, чем еврейской и польской [13, с. 120].

На момент перехода к белорусизации государственного, партийного, профсоюзного и комсомольского аппаратов, всех звеньев управления знание белорусского языка их работниками находилось на низком уровне, потому что никто из них специально не занимался его изучением. Однако если в 1925 г. в республиканских учреждениях только 22 % общей численности работников владело белорусским языком, а в окружных и районных 36 %, то уже в 1926 г. соответственно 54 % и 42 %, в 1927 г. 80 % и 70 % [26, с. 56].

Выполнялись сроки белорусизации в высшей и средней специальной школе, особенно по педагогическому профилю. Так, в 1926/27 уч. г. из 14 педагогических техникумов на белорусском языке работали 10. Преподавание в сельскохозяйственных техниках удалось белорусизировать на 63 %, сельскохозяйственных школах на 67 %, профшколах на 60 %, на рабфаках 69 % и только в БГУ им. В. И. Ленина на 31 % [27, с. 9].

Уже в 1927 г. в общей численности членов местечковых Советов депутатов из рабочих белорусов было 53,2 %, евреев 40,5 %, поляков 2,2 % и русских 2,5 %, в городских Советах соответственно 45,1 %, 30,6 %, 2,5 % и 14,5 %. В том же году среди членов райисполкомов белорусов было 60 %, ЦИК БССР 53 % [13, с. 123].

Одновременно с белорусизацией осуществлялась ликвидация неграмотности. Помимо этого требовалось развивать литературу и искусство, создавая тем самым основу для дальнейшего развития культуры. В 1920-е годы по причине ограниченных возможностей, нехватки культурных сил эти задачи не могли быть полностью выполнены. Хотя БССР относилась к числу республик с достаточно высоким уровнем грамотности (в 1920 г. было 47,4 % грамотных в возрасте от 9 до 29 лет) [13, с. 129]. Однако развитие образования, как и всей культуры, тормозилось из-за нехватки средств, которые шли в первую очередь на самые необходимые потребности развития промышленности, транспорта и сельского хозяйства.

Приходилось экономить буквально на всем, даже на школах, количество которых уменьшилось. Если в 1921 г. в республике насчитывалось до 6 тыс. школ, то в 1922/23 уч. году осталось 4 157. В них обучалось 270,6 тыс. (38 %) детей. Сужение сетки школ происходило и по причине реорганизации школьной системы [28, с. 371; 29, с. 10]. Уже с 1924/25 уч. годов началось увеличение средств, которые выделялись на народное образование. В результате усилий государственных органов, местных Советов и населения численность школ в республике в 1924–1926 гг. увеличилась до 4 860, а учеников в них до 431, 9 тыс. [28, с. 406, 407; 29, с. 31].

Большие сложности возникали с подбором и комплектованием школ учителями, организацией их работы, созданием бытовых условий. В 1925/26 уч. г. 62,3 % учителей БССР не имели специальной подготовки, 26 % – среднего образования. За годы революции и войн значительно ухудшилась методическая работа. Учителей разъединяло разное понимание задач школы и подходов к их осуществлению [28, с. 416].

В 1928/29 уч. году в республике насчитывалось 5 723 общеобразовательные школы, в которых обучалось 485 тыс. детей. 79 % детей в возрасте 8–12 лет посещали школу. Это был значительный шаг вперед в осуществлении всеобщего образования. Другим важным шагом стало его содержание. Постепенно формировались новые кадры учителей. В основном был осуществлён переход обучения на белорусский язык [29; с. 10–11].

В результате за девять лет мирной жизни около 200 тыс. человек взрослого населения БССР стали грамотными. Од-

нако были выявлены существенные недочёты в организации работы по ликвидации неграмотности – непродуманность и поспешность. Поэтому впоследствии важное значение отдавалось политическому направлению образования и воспитания. Первое место здесь занимало разъяснение сути НЭПа, необходимости усиления союза рабочих и крестьян, пропаганда идей социализма.

Что касается книжной продукции, то в 1929 г. фонд книг насчитывал 1,5 млн экземпляров. В 1925 г. в БССР издавалось 20 газет и 15 журналов, общий тираж которых составлял 130 тыс. экземпляров. Среди них 11 газет и 10 журналов издавались на белорусском языке [29, с. 7, 43; 18, с. 315].

С начала 1925 г. главой Инбелкульта был назначен известный ученый-историк и общественный деятель В. М. Игнатовский, который сменил на этой должности С. М. Некрашевича. В 1925–1926 гг. существенно увеличился специальный состав института. В нем работало 206 научных работников, 59 % среди них составляли белорусы [18, с. 324, 325].

В мае-июне 1929 г. Белорусскую ССР на протяжении 52 дней обследовала Центральная контрольная комиссия ВКП(б) во главе с В. П. Затонским. Эта комиссия также обследовала Украинскую ССР. 27 июня 1929 г. В. П. Затонский прочитал на заседании ЦК КП(б)Б доклад, в котором раскритиковал почитание белорусским руководством сменовеховской белорусской интеллигенции, которая вернулась в Беларусь при советской власти. В. П. Затонский указал, что в Беларуси проводится линия на создание «крепкого хуторского, по сути кулацкого хозяйства». В 1930 г. в Беларуси прошли аресты представителей интеллигенции, которых судили в рамках «Союза освобождения Беларуси». Одновременно шло дело «Союза освобождения Украины», сформированное после визита комиссии В. П. Затонского. Оба дела были похожи, но по «Союзу освобождения Беларуси» проходили три народных комиссара Белорусской ССР, тогда как в Украинской ССР не было ни одного [30, с. 113].

Судьба политики украинизации и белорусизации была окончательно решена на XVI съезде ВКП(б), после которого началась активная борьба с «контрреволюционными элементами», принявшая форму «очищения» рядов партии. Она началась в декабре 1932 г.

Обсуждение и выводы

Несмотря на определенные успехи в ходе проведения политики белорусизации, она проводилась значительно меньше по времени и не имела таких последствий в дальнейшем, как политика украинизации. В последней также в большей степени был заинтересован И. В. Сталин, так как принимая участие в борьбе за власть, нуждался в поддержке парторганизации на Украине, в связи с чем через Л. М. Кагановича, с одной стороны, провел замену кадров на лояльных ему, а с другой – путем административных методов повысил результаты политики украинизации. Также стоит отметить, что в практическом смысле политика белорусизации началась на несколько лет позже, чем политика украинизации, так как до 1926 г. руководство БССР было занято вопросами укрупнения республики.

Список литературы

1. Дённингхаус В. Советская национальная политика и проблема этнодисперсных групп (1922–1930 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международной научной конференции, 10–12 октября 2013 г., г. Киев. – М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014. – С. 115–125.
2. Шайдуров В. Н. Немецкое население Сибири в условиях общественных трансформаций 1900-х – 1920-х гг. // Журнал фронтирных исследований. – 2021. – Т. 6. – № 4 (24). – С. 155–178.
3. Ломанов В. А. Хозяйственная деятельность немцев Северо-Запада в 1920-е гг. (на примере совхоза «Средняя Рогатка») // История повседневности. – 2022. – № 4. – С. 82–98.
4. Каменских М. С. «Мы должны отменить тот антагонизм, который существует в тундрах между русскими, зырянами и самоедами»: повседневность советской кооперации на Тобольском Севере в 1920-е гг. // История повседневности. – 2022. – № 3. – С. 24–40.
5. Черных А. В. Каменских М. С. Фрониты советских переселений: культурные границы и кросскультурное взаимодействие русских и чувашей в Южном Прикамье в 1920-е – 1930-е гг. // Журнал фронтирных исследований. – 2021. – Т. 6. – № 4 (24). – С. 117–134.
6. Шайдуров В. Н., Сапронова Н. А., Гончаров Ю. М., Новгородский Т. А. Цыгане в Сибири (конец XVIII в. – XX в.) // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2022. – № 2. – С. 60–72.
7. Базарова В. В. О проблемах коренизации в национальных автономиях Восточной Сибири в 1920-е – 1930-х гг. // Власть. – 2013. – № 12. – С. 174–177.
8. Диманштейн С. М. Идеологическая борьба в национальном вопросе // Революция и Национальность. – 1930. – № 3. – С. 5–22.
9. Затонський В. П. Матеріали до українського національного питання // Більшовик України. – 1927. – № 6. – С. 9–33.
10. Хвиля А. А. Пролетаріат і практичне розгортання національно-культурного будівництва // Більшовик України. – 1930. – № 13–14. – С. 38–56.
11. Каплан Л. Проблема культурної революції і національна культура // Полымя. – 1928. – № 1. – 232 с.
12. Українізація 1920–1930-х рр.: передумови, здобутки, уроки (Колективна монографія) / За ред. В. А. Смоля. К.: Інститут історії України НАН України. 2003. 392 с.
13. Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Ч. 2 / М. П. Касцюк, І. М. Ігнацэка, У. І. Выштынскі і інш; Інстытут гісторыі АНБ. Мн.: Беларусь. 1995. 560 с.

14. Мінаев С. В. До основних підсумків поголовного перепису населення України // Більшовик України. – 1928. – № 15–16. – С. 51–83.
15. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР. 1927–1929. Т. 10. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. 138 с.
16. Коряков Ю. В. Языковая ситуация в Белоруссии // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2. – С. 109–127.
17. 12-й съезд РКП(б) (17–22 апреля 1923 года): стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1968. 904 с.
18. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; [рэдкалегія: А. А. Каваленя (галюўны рэдактар) і др.]. Мінск: Беларуская навука. 2011. 583 с.
19. Борисёнок Ю. А. Белорусско-российское пограничье в 1918–44 гг. // Вопросы истории. – 2004. – № 12. – С. 105–112.
20. Короткова Д. А. «Укрупнение БССР» в 1923–1924 годы: фактор советского влияния в Польше // Журнал Славяноведение. – 2018. – № 5. – С. 48–59.
21. РСФСР. Центральный исполнительный комитет. Созыв (11). Сборник постановлений и распоряжений Всероссийского центрального исполнительного комитета XI созыва и его Президиума / РСФСР. М.: Тип. «Красный пролетарий», 1924. № 1. 80 с.
22. Отчет Гомельского губернского исполнительного комитета, декабрь 1921 г. – ноябрь 1922 г.: [VI-му губернскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов]. Гомель: б. и., 1922. 417 с.
23. Лушин И. А., Осипов Н. А., Политика коренизации в рамках национального строительства СССР в 1920–1930-е гг. на примере Польского Мархлевского национального района // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. – 2021. – № 2(10). – С. 51–58.
24. Потапчик М. Робітніцка кляса України в національно-культурному будівництві // Більшовик України. – 1932. – № 5–6. – С. 123–134.
25. Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы М.: Европа, 2006. 256 с.
26. Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. Часть 1. Белоруссизация. Минск: Издание Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР, 1927. Ч. 1. 151 с.
27. Камуністычнае выхаванне. – 1931. – № 5.
28. Белорусская ССР в 1923/24 г. К V съезду Советов. Минск: б. и., 1924. 478 с.
29. Культурное строительство в БССР. Минск: изд. УНХУ. БССР, 1940. 111 с.
30. Дроздов К. С. Большевики против белорусской интеллигенции: деятельность комиссии Затонского в мае-июне 1929 г. и «крутой поворот» в национальной политике в БССР // 1929: «Великий перелом» и его последствия: материалы XII международной научной конференции. Екатеринбург 26–28 сентября 2019 г. – М.: Политическая энциклопедия, 2020. – С. 109–115.

Comparative Analysis of the USSR National Policy in the 1920s – 1930s on the Example of Ukrainization and Belarusization

Nikita A. Osipov

After the end of the 1918–1922 Civil War and creation of the Soviet Union, Ukrainian and Belorussian SSR faced similar tasks, to build a national state within the framework of Soviet power, but the course of the korenization policy depended on different circumstances. The results of such policy in the Soviet republics were different. To evaluate them, it is advisable to compare the concrete historical specifics of development and the course of national policy in two republics. This article contains a comparative analysis of the implementation and results of national policy in USSR and BSSR, based on sources such as statistical data, periodical press materials of 1925–1933, various articles and monographs by Russian, Ukrainian and Belarussian scientists. It is concluded that the pace of the indigenization policy was different from the very beginning and was actually started at different times in these Soviet republics. If in Ukraine the policy in the field of culture was combined with an attempt to gain more power on the ground, in Belarus the emphasis was primarily placed on the enlargement of the republic.

Key words: ukrainization, Ukrainian SSR, belorusization, Belorussian SSR, Bolsheviks, district, urban population, rural population.

For citation: Osipov, N. A. (2023) Sravnitel'nyj analiz nacional'noj politiki SSSR v 1920–1930-e gg. na primere ukrainizacii i belorusizacii [Comparative Analysis of the USSR National Policy in the 1920s – 1930s on the Example of Ukrainization and Belarusization]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 28–46. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_3_28. EDN: YFKLTU

References

- Denninghouse, V. (2014) *Sovetskaya natsional'naya politika i problema ètnodispersnykh grupp (1922–1930 gg.)* [Soviet national politics and the problem of ethnodisperse groups (1922–1930)]. *Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-e gody* [Soviet nations and national politics in the 1920s–1950s]. Proceedings of the VI International Scientific Conference (Kiev, October 10–12, 2013 g.). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Fond «Prezidentsky tsentr B. N. El'tsina». Pp. 115–125. (in Russ.)
- Shaidurov, V. N. (2021) *Nemetskoe naselenie Sibiri v usloviyakh obshchestvennykh transformatsiy 1900-kh – 1920-kh gg.* [The German population of Siberia in the conditions of social transformations of the 1900s – 1920s]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies]. Vol. 6. No. 4 (24). Pp. 155–178. (in Russ.)
- Lomanov, V. A. (2022) *Khozyaystvennaya deyatel'nost' nemtsev Severo-Zapada v 1920-e gg. (na primere sovkhosa «Srednyaya Rogatka»)* [Economic activity of the Germans of the North-West in the 1920s. (on the example of the state farm "Srednyaya Slingshot")]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 4. Pp. 82–98. (in Russ.)
- Kamenskikh, M. S. (2022) *«My dolzhny otmenit' tot antagonizm, kotory sushchestvuet v tundrakh mezhdru russkimi, zyryanami i sameodami»: povsednevnost' sovetskoy kooperatsii na Tobol'skom Severe v 1920-e gg.* [“We must abolish the antagonism that exists in the tundra between Russians, Zyryans and Samoyeds”: the everyday life of Soviet cooperation in the Tobolsk North in the 1920s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 24–40. (in Russ.)

5. Chernykh, A. V., Kamenskikh, M. S. (2021) *Frontity sovetskikh pereseleny: kul'turnye granitsy i krosskul'turnoe vzaimodeystviye russkikh i chuvashyey v Yuzhnom Prikamyey v 1920-e-1930-e gg.* [Frontiers of Soviet resettlement: cultural boundaries and cross-cultural interaction of Russians and Chuvash in the Southern Kama region in the 1920s-1930s]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies]. Vol. 6. No. 4 (24). Pp. 117–134. (in Russ.)

6. Shaidurov, V. N., Saponova, N. A., Goncharov, Yu. M., Novogrodsky, T. A. (2022) *Tsygane v Sibiri (konets XVIII v. – XX v.)* [Gypsies in Siberia (the end of the 18th century – 20th century)]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Journal of the Belarusian State University. History]. No. 2. Pp. 60–72. (in Russ.)

7. Bazarova, V. V. (2013) *On the problems of root formation in the national autonomies of Eastern Siberia in the 1920s-1930s*. *Vlast' [Power]*. No. 12. Pp. 174–177 (in Russ.)

8. Dimanstein, S. M. (1930) *Ideologicheskaya bor'ba v natsional'nom voprose* [Ideological struggle in the national question]. *Revolutsiya i Natsional'nosti* [Revolution and Nationalities]. No. 3. Pp. 5–22. (in Russ.)

9. Zatonsky, V. P. (1927) *Materiali do ukrayins'kogo natsional'nogo pitannya* [Materials to the Ukrainian National Nutrition]. *Bil'shovyk Ukrainy* [Bolshevik of Ukraine]. No. 6. Pp. 9–33. (in Ukr.)

10. Khvilya, A. A. (1930) *Proletariat i praktichne rozgortannya natsional'no-kul'turnogo budivmystva* [Proletariat and practical deployment of national and cultural construction]. *Bil'shovyk Ukrainy* [Bolshevik of Ukraine]. No. 13–14. Pp. 38–56. (in Ukr.)

11. Kaplan, L. (1928) *Problema kul'turnay revolyutsiyi i natsyynal'naya kul'tura* [The problem of the cultural revolution and national culture]. *Polymya* [The Flame]. No. 1. Pp. 100–119 (in Bel.)

12. Smoliy, V. A. (2003) (ed.) *Ukrayinizatsiya 1920–1930-kh rr.: peredumovi, zdobutki, uroki (Kolektivna monografiya)* [Ukrainization of the 1920s-1930s: prerequisites, achievements, lessons (collective monograph)]. Kiev: Institute of history of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine. (in Ukr.)

13. Kostyuk, M. P., Ignatseka, I. M., Vyshtynski, U. I. and etc (1995) (eds.) *Narysy gistoryi Belarusi: U 2 ch. Ch. 2* [Essays on the history of Belarus: in 2 parts. Part 2]. Instytut histories of the NSA. Minsk: Belarus. (in Bel.)

14. Minaev, S. V. (1928) *Do osnovnykh pidsumkiv pogolovnogo perepisu naselennya Ukrainy* [To the main results of the general census of the population of Ukraine]. *Bil'shovyk Ukrainy* [Bolshevik of Ukraine]. No. 15–16. Pp. 51–83. (in Ukr.)

15. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda (1927–1929)* [All-Union Population Census of 1926]. Moscow: Edition of the CSU of the USSR. (in Russ.)

16. Koryakov, Yu. B. (2002) *Yazykovaya situatsiya v Belorussii* [Language situation in Belarus]. *Voprosy yazykoznaninya* [Questions of linguistics]. No. 2. Pp. 109–127. (in Russ.)

17. *12-y syezd RKP(b) (17–22 aprelya 1923 goda): Stenografichesky otchet* (1968) [The 12th Congress of the RCP(b) (April 17–22, 1923): Verbatim report]. Moscow: Gospolitizdat. (in Russ.)

18. *Gistoryya belaruskay dzyarzhavnasti u kantsy XVIII – pachatku XXI st.: u 2 kn.* (2011) [The history of the Belarusian statehood at the end of the 18th–beginning of the 21st century: in 2 books.]. Minsk: Belarusian Science. (in Bel.)

19. Borisyonok, Yu. A. (2004) *Belorussko-rossiyskoe pograniche v 1918–44 gg.* [The Belarusian-Russian borderland in 1918–44]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. No. 12. Pp. 105–112. (in Russ.)

20. Korotkova, D. A. (2018) «Ukrupnenie BSSR» v 1923–1924 gody: faktor sovetskogo vliyaniya v Pol'she [«Enlargement of the BSSR» in 1923–1924: the factor of Soviet influence in Poland]. *Zhurnal Slavyanovedenie* [Journal of Slavic Studies]. No. 5. Pp. 48–59. (in Russ.)

21. *RSFSR. Tsentral'ny ispolnitel'ny komitet. Sozyv (11). Sbornik postanovleny i rasporyazheny Vserossiyskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta XI sozyva i ego Prezidiuma* (1924) [RSFSR. The Central Executive Committee. Convocation (11). Collection of resolutions and orders of the All-Russian Central Executive Committee of the XI convocation and its Presidium]. Moscow: Typ. Red proletarian. (in Russ.)

22. *Otchet Gomel'skogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta, dekabr' 1921 g. – noyabr' 1922 g.: (VI-mu gubernskomu syezdu Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov)* (1922) [Report of the Gomel Provincial Executive Committee, December 1921 – November 1922: (to the VI-th Provincial Congress of Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies)]. Gomel. (in Russ.)

23. Lushin, I. A., Osipov, N. A. (2021) *Politika korenizatsii v ramkakh natsional'nogo stroitel'stva SSSR v 1920–1930-e gg. na primere Pol'skogo Markhlevskogo natsional'nogo rayona* [The policy of korenization within the framework of national construction of the USSR in the 1920s – 1930s. on the example of the Polish Markhlevsky National District]. *Nauchnoe obozrenie. Mezhdunarodny nauchno-praktichesky zhurnal* [Scientific Review. International Scientific and Practical journal]. No. 2 (10). Pp. 51–58. (in Russ.)

24. Potapchik, M. (1932) *Potapchik M. Robitnits'ka klyasa Ukrayini v natsional'no-kul'turnomu budivnitstvi* [Worker class of Ukraine in national and cultural construction]. *Bil'shovyk Ukrayini* [Bolshevik of Ukraine]. No. 5–6. Pp. 123–134. (in Ukr.)

25. Borisenok, E. Yu. (2006) *Fenomen sovetskoj ukrainizatsii. 1920–1930-e gody* [The phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920–1930s]. Moscow: Europe. (in Russ.)

26. *Prakticheskoe razreshenie natsional'nogo voprosa v Belorusskoy Sotsialisticheskoy Sovetskoj Respublike. Chast' 1. Belorussizatsiya* (1927) [Practical resolution of the national question in the Belarussian Socialist Soviet Republic. Part 1. Belarusization]. *Mensk: Izdanie Central'noj Natsional'noj Komissii CIK BSSR* [Mensk: Publication of the Central National Commission of the CEC of the BSSR]. (in Russ.)

27. *Kamunistychnae vykhavanne* (1931) [Communist education]. No. 5. (in Bel.)

28. *Belorusskaya SSR v 1923/24 g. K V syezdu Sovetov* (1924) [Belorussian SSR in 1923/24. To the 5th Congress of Soviets]. Minsk. (in Russ.)

29. *Kul'turnoe stroitel'stvo v BSSR* (1940) [Cultural construction in the BSSR]. Minsk: ed. UNHU. BSSR. (in Russ.)

30. Drozdov, K. S. (2020) *Bol'sheviki protiv belorusskoy intelligentsii: deyatel'nost' komissii Zatonskogo v mae – iyune 1929 g. i «krutoy povorot» v natsional'noy politike v BSSR* [Bolsheviks against the Belarussian intelligentsia: the activities of the Zatonsky Commission in May – June 1929 and the "sharp turn" in national policy in the BSSR]. 1929: «The Great Turning point» and its consequences: *Materialy XII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Yekaterinburg, September 26–28, 2019* [1929: «The Great Turning point» and its consequences: Proceedings of the XII International Scientific Conference. Yekaterinburg, September 26–28, 2019]. Moscow: Political Encyclopedia. Pp. 109–115. (in Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.05.2023

Одобрена после рецензирования 30.05.2023

Принята к публикации 14.06.2023

Культурная революция среди закавказских курдов: межреспубликанское соперничество в советской национальной политике

А. О. Победоносцева-Кая

Статья посвящена анализу советской национальной политики в 1920–1930-х гг. на примере курдов Закавказья, ситуация с которыми отличалась особой сложностью. У курдского меньшинства практически отсутствовали образованные кадры, вдобавок оно стало объектом споров между союзным центром, Азербайджаном и Арменией. Развитие противоречий политики в отношении курдов проанализировано на примере форсированной подготовки курдских кадров в 1920-е и 1930-е гг., для осуществления которой из-за отсутствия экспертной базы и межреспубликанских конфликтов потребовалось вмешательство союзных научных центров, прежде всего ленинградских. В рамках данной статьи сделана попытка отойти от методологического подхода ключевых работ по советской национальной политике последнего времени (Т. Мартин, Ф. Хирш и пр.), для которого характерно внимание к решениям союзных органов, и сосредоточиться на активной роли разнообразных акторов, непосредственно вовлеченных в реализацию национальной политики. Работа основана на ранее не использованных архивных данных, а также публикациях тех лет на русском и курдском языках.

Ключевые слова: курды, езиды, культурная революция, коренизация, национальная политика, Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР), Красный Курдистан.

Для цитирования: Победоносцева-Кая А. О. Культурная революция среди закавказских курдов: межреспубликанское соперничество в советской национальной политике // История повседневности. – 2023. – № 3. – С. 47–71. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_47. EDN: OYCDTL

Введение

Нехватка квалифицированных кадров в сфере образования, которая стала остро ощущаться в период культурной революции 1920-х гг. в СССР, имела первостепенную важность для руководителей Советского государства, видевших в просвещении инструмент построения нового общества. Понятие "культурная революция" включало в себя ряд мер, направленных на преобразование поведения и мышления в соответствии с нормами идеологии нового, советского общества. Основными направлениями культурной революции стали ликвидация безграмотности населения, создание новой интеллигенции из крестьян и рабочих, а также подготовка кадров из числа представителей соответствующих этнических групп, населяющих СССР. Марксистская идеология нового государства требовала учета национальных различий в территориальной и институциональной организации, хотя во многих регионах бывшей Российской империи национальные идентичности только начинали развиваться.

К 1923 г. были сформированы основные аспекты советской национальной политики, созданы национальные территориальные образования для большинства крупных советских национальностей [1, р. 10], а в рамках модернизации – предприняты усилия по преодолению «культурной отсталости» многих этнических групп, особенно «восточных» [1, р. 126]. Но сама концепция национальности в Советском Союзе окончательно сложилась лишь ко второй половине 1930-х гг. Она подразумевала этническую группу, имевшую собственную национальную территорию от республики до сельсовета, собственную письменность, обеспечивающую издательскую деятельность на данном языке [2, с. 246]. Советское государство начало следить за обеспечением наличия этих атрибутов у многочисленных этнических групп страны.

Вопросы подготовки национальных кадров рассматривались в существующей литературе по вопросам организации этнического многообразия в молодом советском государстве: от территориального устройства до создания политических элит [1–4]. Хотя эти работы прекрасно освещают целый ряд аспектов советской национальной политики, но они слишком часто концентрируются на решениях центральных советских органов, в то время

как фактически национальную политику в значительной, если не решающей степени формировали решения и действия органов власти и государственных организаций, непосредственно вовлеченных в ее реализацию на местах. Шаг в этом направлении был сделан в самое последнее время, когда появились исследования, указывавшие, что в действительности вмешательство центра зачастую имело место на поверхностном уровне, а на местах реализация директив зависела от позиции местных элит из титульных национальностей [5]. В Советском Закавказье это было связано с соперничеством между Арменией и Азербайджаном, расхоронившихся в своем понимании процесса советизации и решения культурного и национального вопросов в Закавказье [6–10].

Другому аспекту данной темы – становлению советского востоковедения во взаимодействии с внутренней и внешней политикой СССР были также посвящены комплексные монографии [11–16], которые, однако, не касаются рассмотренной нами конкретной темы.

В этой статье предпринята попытка дополнить исследования Т. Мартина, Ф. Хирш, Дж. Кадио, В. Тольц и др. авторов через рассмотрение одного из ключевых компонентов советской национальной политики – обеспечения конкретной этнической группы кадрами при помощи организации системы их усиленной подготовки в центральных и республиканских учебных заведениях. Методология данного исследования основана на анализе административных мер, направленных на реализацию общих директив союзного руководства, а также решений и действий органов и структур, непосредственно вовлеченных в осуществление этого направления национальной политики. Для того чтобы рассмотреть эти процессы и сопутствующие им события, были привлечены различные архивные источники, периодические издания, комплексные монографии и справочники.

В первую очередь следует упомянуть неопубликованные и в большинстве случаев никем ранее не использованные архивные материалы Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН), центральных архивов Санкт-Петербурга (ЦГА СПб, ЦГАЛИ СПб) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), документы которых относятся к 1920–1930 гг. и представляют собой переписку, приказы и прения в различных учреждениях о подготовке курдских национальных ка-

дров. Другая группа материалов представлена публикациями в периодических изданиях 1920–1930 гг. Третья группа состоит из справочников и сборников документов по советской национальной политике [17–18] и ее отдельных аспектов [19–20]. Кроме того, использовались монографии курдов-выпускников учебных заведений того времени, содержащие в себе ценные сведения о тогдашних реалиях [21–22].

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что курдский вопрос всегда был острым вопросом как во внутренней национальной политике, так и во внешней политике России и СССР. Каждая страна, в составе которой оказывались курды, имела свои взгляды на решение курдского вопроса. В этой связи наиболее ярко проявилось соперничество двух соседних республик – Азербайджана и Армении, которые не только обладали значительным курдским населением, но и граничили с Турцией и Ираном, где также проживали курды. В связи с этим на упомянутые республики возлагалась в некотором роде миссия по поддержанию контактов с представителями данной национальности за рубежом, что также отразилось на их отношении к курдским проектам.

Курды между Арменией и Азербайджаном

Проведение национальной политики в отношении курдского населения бывшей Российской империи после 1917 г. затруднялось его разобщенностью, социально-культурной разнородностью и проживанием в слаборазвитых районах страны. Согласно статистическим данным, численность курдов в СССР составляла 69 184 чел. на момент переписи 1926 г. [23] и 45 877 чел. при переписи 1939 г.¹, большая часть которых проживала в ЗСФСР (см. табл.).

Курды Закавказья разделялись на мусульман и езидов, которые отличались не только в религиозном, но и хозяйственном и экономическом отношении. М. Лезенберг говорит о наметившемся уже в 1930-е гг. в Советской Армении стремлении властей провести разделительную черту между курдами-мусульманами (суннитами) и езидами [6, р. 94], которому со-

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по республикам СССР. Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php (дата обращения: 28.04.2023).

юзный центр особо не препятствовал. На самом деле о такой тенденции следует говорить по меньшей мере с момента установления Советской власти в Армении.

Таблица

Численность курдов в Закавказье в 1926 и 1939 гг.

Год переписи	Место проживания	Всего
Перепись 1926 г. (ЗСФСР): 66 692 курдов и езидов	Азербайджанская ССР	41 193 курдов
	Нахичеванский край	7 355 курдов
	ССР Армении	15 262 (12 237 езидов, 3 025 курдов)
	ССР Грузии	10 217 (2 262 езидов, 7 955 курдов)
	Аджарская АССР	3 295 курдов
Перепись 1939 г. (ЗСФСР): 39 401 курдов	Армянская ССР	20 481 курдов
	Грузинская ССР	12 915 курдов
	Азербайджанская ССР	6 005 курдов

В отличие от гораздо менее конфликтных грузино-курдских или грузино-азербайджанских отношений, история курдско-армянских взаимоотношений была весьма противоречивой и зачастую включала в себя значительный элемент антагонизма, связанный с насилием. Армянская интеллигенция искала пути решения этих проблем, в т. ч. и через взаимодействие с курдами в культурной сфере. Например, Евангелие было переведено армянами на курдский язык на основе армянской графики и трижды издано в XIX в. [24, p. 179].

Однако эти усилия имели ограниченный успех, а масштабы насилия в курдско-армянских отношениях продолжали нарастать с конца XIX в., достигнув пика во время Первой мировой войны и существования первой Армянской республики в 1918–1920 гг. В ходе тех драматических событий возник также своеобразный альянс армянских националистов и части немусульманского, этнически курдского населения – езидов. Последние столкнулись с гонениями со стороны мусульманских акторов одновременно с армянами, что способ-

ствовало сотрудничеству армянских националистов и езидов в т. ч. в военной сфере.

Советизация Армении в 1920 г. не положила конец интересу армянских элит к курдским вопросам, но способствовала его трансформации и переходу в другие области. Прежде всего это касалось народного просвещения как части советской культурной революции. По некоторым подсчетам уже в 1920–1921 гг. в Армении было открыто 8 курдских школ¹, где учились около 300 детей [8, с. 296], но здесь, вероятно, включены школы и на территориях, которые не вошли в состав Советской Армении. Очевидец писал о существовании в 1921 г. в Армении пяти курдских школ, где обучалось 267 детей [22, с. 115].

Приказом Наркомата просвещения от 23 апреля 1921 г. вводилось обязательное обучение во всех школах первой и второй ступени на родном языке, и в том же году был подготовлен проект алфавита на армянской графике для курдского населения Армении и Грузии и составлен учебник для обучения курдских детей грамоте на основе армянской графики “Шамс”. Автором выступил армянский этнограф, краевед и знаток курдского языка Акоп Казарян (Лазо) [22, с. 114]. Соответствующие меры действительно реализовывались, но до создания даже системы начального образования было далеко. Бакаев писал, что в детском доме для детей курдов-езидов, где он оказался в начале 1920-х гг., первой книгой, по которой дети учились писать, был вышеупомянутый учебник курдского языка “Шамс”, но с 1923 г. курдских детей отправили в армянскую школу, несмотря на слабое знание ими армянского языка [21, с. 257].

Не хватало не только учебных материалов, но и педагогических кадров. В октябре 1921 г. из восьми выпускников 2,5-месячных курдских учительских курсов в Армении только один был курдом, остальные были армянами, знавшими курдский [22, с. 114]. Даже в 1927 г. из 13 учителей курдских школ лишь один был курдом – будущий этнограф и писатель Аминне Авдал [22, с. 118]. Следует учитывать и негативные социальные факторы – традиционно сложное отношение езидов к письменной культуре, антисоветские настроения и пр. Тем не менее процесс шел

¹ Официальная статистика показывает следующее развитие сети школ в Армении: 1921/22–5 курдских школ, в 1924/25–12, в 1927/28–11, в 1930/31–23, в 1931/32–34, в 1932/33–38, в которых количество курдских учащихся в 1921/22 было 151 чел., в 1924/25–305, в 1927/28–395, в 1930/31–1 289, в 1931/32–2 050, 1932/33–2 344 [66, с. 202].

и, несмотря на сопротивление духовных лидеров и крупных курдских землевладельцев, к 1930 г. в Армении было открыто уже 18 школ, в которых обучалось 560 курдских детей [25, с. 88].

В конце 1920 г. в Армении была установлена советская власть, а в 1922 г. она вместе с Грузией и Азербайджаном вошла в состав Закавказской Федерации (ЗСФСР). Вскоре усилия армянской интеллигенции в направлении целенаправленного приближения курдов к армянской культуре начали сталкиваться с общесоюзными политическими установками. Поскольку в рамках СССР отдельные республики *de facto* получали в свое ведение национальные проекты малочисленных этнических групп, для которых создавались административно-территориальные единицы более низкого уровня, вопрос создания курдской автономии включал в себя другой важный вопрос о том, в составе какой республики она должна быть создана.

Проживание в Азербайджане более 40 тыс. курдов стало основанием для учреждения указом президиума Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Азербайджанской ССР от 16 июля 1923 г. такой административной единицы, как Курдистанский уезд [20; с. 154–155]. Этот уезд, известный также как Красный Курдистан, с центром в городе Лачине, был создан на границе советского Азербайджана и Армении. Тем самым Баку начал выходить на первые роли в советской политике в отношении курдов.

Ереван параллельно выстраивал свои курдские проекты, добиваясь оседания на территории республики курдских езидских кочевников и беженцев времен войны. Армянские элиты не сдавались и в вопросах культурного строительства, например, когда центральные советские власти сделали ставку на латинизацию алфавитов народов СССР, к 1928 г. в Армении был представлен новый проект курдского алфавита уже на основе латиницы, разработанный ассирийцем Исааком Марогуловым и курдом Арабом Шамиловым. Такая расторопность обеспечила переход на этот алфавит всех курдов СССР, которые использовали его до 1945 г. [22, с. 5].

Четко обозначившееся намерение Москвы фактически передать курдский вопрос в ведение Азербайджана вызвало реакцию в Армении. С этим столкнулся в ходе своей поездки в Закавказье в 1930 г. Олег Вильчевский, сотрудник Института языка

и мышления АН СССР (ИЯМ), отвечавший за экспертное обеспечение советской национальной политики [26, с. 96–97]. Он был командирован в Закавказье для решения ряда вопросов по культурному строительству у курдов и прежде всего вопроса о подготовке курдских кадров. В Азербайджане Вильчевский провел успешные переговоры с республиканским руководством, была достигнута договоренность о получении Азербайджаном мест для курдов (а также талышей и татов) на Восточном отделении рабфака ЛВИ, получено согласие правительства Азербайджана на национализацию курдских школ в Азербайджане и срочный созыв закавказского Съезда курдских работников для координации культурного строительства у курдов [27, л. 46].

В Армении же Вильчевский столкнулся с крайне недоброжелательным приемом в ЦИК Армении, который практически сорвал его работу [27; л. 47–48]. Визит чиновника из центра явно раздражал представителей армянских советских органов. В итоге в Армении Вильчевскому все же удалось *«окончательно оформить и включить в советское русло это, до сих пор шедшее самотеком, дело»* [27, л. 48]. Однако сделано это было ценой компромисса: Вильчевский разработал совместно с наркомом просвещения Армении Артаваздом Егиазаряном и инструктором ЦК Шамиловым масштабный пятилетний план подготовки курдских кадров не только в Армении, но и во всем Закавказье [27, л. 47]. Иными словами, армянские советские власти добивались определяющей роли в решении ключевого вопроса советской курдской политики.

Посещая затем третью закавказскую республику, Грузию, где находилась столица всей Закавказской Федерации, Вильчевский уже решал соответствующие вопросы с сотрудниками Совета национальных меньшинств, отталкиваясь от выработанного в Армении плана подготовки кадров. Местные чиновники принимали в обсуждении *«деятельное участие»* [27, л. 47], проблем не возникало, так как для Грузии курдский вопрос не имел той остроты, которая была характерна для Армении и Азербайджана.

Подготовка кадров в Закавказье

Потребность в учителях стремительно увеличивалась с расширением сети начальных школ. Поскольку эти школы становились школами родного языка, требовались педагоги-

носители местного языка. Их готовили главным образом в техникумах соответствующих республик.

В 1931 г. был открыт первый Курдский педагогический техникум в Ереване (см. рис.), в котором получали образование курды Армении и включенного в состав Азербайджана региона Нахичевани [28, с. 121; 21, с. 269]. Создание техникума включало в себя привлечение средств извне: власти Закавказской Федерации и Армении инвестировали по 60 тыс. руб. В год открытия в техникуме обучалось 63 студента, из которых четыре девушки [29, р. 2].

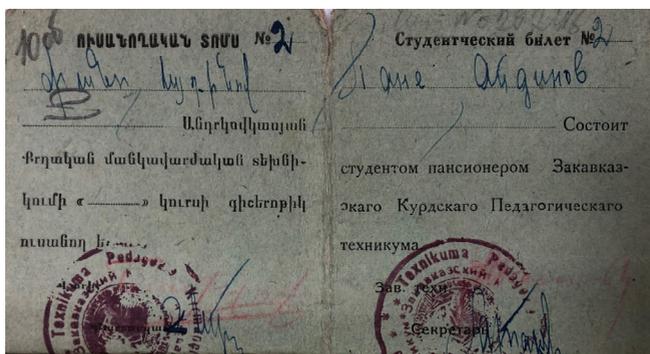

Рис. Студенческий билет Закавказского курдского педагогического техникума [67, л. 10 об.]

В то же время советские эксперты сетовали, что в подготовке кадров отсутствует всякая координация даже внутри ЗСФСР: «Недостает кадров для нацмен: курдов, греков, осетин. Необходимо по общему плану организовать подготовку для отдельных малых национальностей так, чтобы республики взаимно помогали друг другу» [30, с. 16].

Открытие вышеупомянутого техникума было, вероятно, связано и с далеко идущими соображениями властей советской Армении – они продолжали выстраивать свои отношения с курдским населением, прежде всего езидского вероисповедания. Действуя в рамках общесоюзной системы государственного управления, Ереван боролся за первенство

в реализации культурных и прочих проектов, ориентированных на курдов. В случае успеха это позволяло надеяться на усиление позиций Армении в регионе и на укрупнение территории Армении за счет курдских районов Азербайджана с созданием коридора между основной территорией Армянской республики и Карабахской автономией.

Этому способствовала административная нестабильность того времени, например, Курдистанский уезд (позднее округ) в составе Азербайджана просуществовал до 1930 г. Эта административная единица, в которой на момент переписи в 1926 г. проживало 51 075 чел., в т. ч. 37 470 курдов [31, с. 13], т. е. 90 % всего курдского населения Азербайджана, имела важнейшее стратегическое значение для межреспубликанских отношений внутри Союза СССР. Включение этой территории в состав той или иной республики позволяло влиять на решение вопроса об административно-территориальной принадлежности Карабаха, выход к которому интересовал Армению, претендующую на ведущую роль в решении вопросов, связанных с курдским населением, внутри советской системы.

Несмотря на упразднение Курдистанского округа, наличие относительно многочисленного курдского населения в районе Карабаха по-прежнему требовало подготовки национальных педагогических кадров. Поэтому в 1931 г. при Шущинском педагогическом техникуме [21, с. 269] были организованы сначала подготовительные курсы, а затем курдское отделение [9, с. 82]. В 1933 г. там обучалось 517 студентов, более половины которых были армянами – 317 чел., а остальные тюрками и курдами [28, с. 121].

В 1933 г. был открыт Курдский педагогический техникум в Лачине [32], директором которого стал Мусеиб Ахундов, один из старейших курдов-партийцев Азербайджана [10, с. 206]. Таким образом, в 1934–1935 уч. г. функционировало уже два курдских педагогических техникума, в которых обучались 203 студента [33, л. 18].

Меньше возможностей существовало для подготовки кадров непедагогических специальностей. В Закавказье курды получали ориентированное на них (в том числе в языковом отношении) образование, например, в трудовых школах [34, л. 3], на краткосрочных трехмесячных подготовительных курсах при Нарком-

просе Грузии [35, л. 19 об.] и восьмимесячных педагогических курсах при НКП Армении [36, л. 17], в военной школе в Баку [37, л. 19], в национальных сельских школах Армении [38, л. 4].

Армянская сторона всячески демонстрировала свое внимание к образованию меньшинств, и, например, в официальных публикациях, касавшихся Закавказья, подчеркивалось, что удельный вес «курдов и езидов» в высших и средних специальных учебных учреждениях Армении возрос с 0 в 1928 г. до 1,3 % в 1935 г. Для сравнения в Азербайджане эта цифра возросла с 0,01 % в 1928 г. до 0,1 % в 1935 г. Речь, впрочем, идет о небольшом количестве студентов – во всем Закавказье в вузах, техникумах, рабфаках ЗСФСР количество курдов увеличилось с 3 в 1928 г. до 183 в 1935 г. (для сравнения, абхазцев с 129 до 501) [39, с. 65].

То, что инициатива армянских властей в развитии курдских проектов имела значение, видно и по тому факту, что в третьей республике ЗСФСР – Грузии – курдские проекты в области просвещения особого развития не получили. Помимо немногочисленных трудовых школ, в Грузии существовали лишь вышеупомянутые краткосрочные подготовительные курсы при НКПросе Грузии. Все это – несмотря на наличие в Грузии почти такого же числа курдов, как в Армении, и на статус Тбилиси как центра ЗСФСР и города с заметным курдским езидским населением.

Вмешательство союзного Центра

Создание системы начального и базового образования для ряда этнических групп, не относившихся к так называемым титульным национальностям, было лишь первым этапом культурной революции в сфере просвещения. Следующий этап требовал обеспечения возможности получения высшего и среднего специального образования в важнейших областях.

Изменение образовательных программ и методов преподавания и заполнение вузов рабочими и крестьянами становится в 1920-х гг. ключевой задачей для Народного комиссариата просвещения. Принятая в 1918 г. «Декларация о правилах приема в высшие учебные заведения»¹ подчеркивала связь школы с политикой и предоставляла право поступления в вузы лицам любого уровня образования или даже без образования. Но от-

¹ Декларация о единой трудовой школе [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/history/619635> (дата обращения: 28.04.2023).

сутствие соответствующей подготовки не позволило «пролетариям хлынуть в высшую школу», и, чтобы сделать высшее образование доступным для всех, были организованы рабочие факультеты [18, с. 109] практически при всех вузах.

В подготовке кадров для курдов и ряда других этнических групп из южных и восточных республик СССР присутствовала своя специфика в силу практически полного отсутствия представителей этих национальностей, которые обладали бы достаточным уровнем образования хотя бы для начала реализации мероприятий советской национальной политики, в частности, массовой подготовки кадров. Это становилось все более острой проблемой на фоне общесоветской политики интенсивной модернизации окраинных территорий бывшей Российской империи и «коренизации», понимаемой как привлечение к управлению населением определенной территории кадров из числа представителей этого населения. Подготовить соответствующие кадры непосредственно в регионах было сложно, особенно в случае миноритарных этнических групп. Для этого отсутствовала научная база – очевидцы говорили о крайней слабости даже в конце 1920-х гг. научных учреждений в советской Армении [40, с. 24]. Вряд ли ситуация сильно отличалась и в соседних республиках – сказывалось длительное существование в роли имперской периферии.

Формально для подготовки коммунистических кадров для «народов Востока» в новой столице РСФСР и СССР – Москве – существовали специальные учебные заведения. Прежде всего это был Коммунистический университет трудящихся Востока имени И. В. Сталина (КУТВ), куда принимались не только коммунистическо-революционные кадры из стран зарубежного Востока, но и советские граждане [14, с. 202]. Но КУТВ фактически ориентировался на работу прежде всего с титульными нациями соответствующих зарубежных стран, а не с миноритарными этническими группами оттуда. Специальной курдской группы не было, небольшое число курдов могло обучаться в числе студентов из Персии или Турции [15, с. 121]. Что касается советских курдов, то в КУТВе их учились единицы: известно, например, что согласно разверстке на 1927/28 г. из Нахичеванской АССР предлагалось отправить на обучение в КУТВ одного курда (и двух тюрков) [41, с. 106]. Вопрос о создании курдской

подготовительной группы при КУТВе вновь встал на повестке дня в 1930 г. [27, л. 47; 19, с. 106], при этом рассматривалась возможность привлечения ресурсов Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева. Привлечение последней обосновывалось необходимостью работы среди кочевых и полукочевых курдов Армении [19, с. 107].

Но курдская группа в КУТВе так и не появилась. Возможно, дело было в стремлении дистанцировать КУТВ от курдского вопроса, поскольку отдельное обучение советских курдов было чревато влиянием на зарубежных слушателей-курдов и некурдов из стран со значительным курдским населением (Иран, Ирак, Турция), а советское правительство не хотело создавать впечатления, что оно склонно поддерживать курдский сепаратизм. Возможно, что проблема была и в отсутствии в Москве на тот момент соответствующих академических кадров, инфраструктуры и научных материалов.

Ленинград как центр подготовки курдских кадров

Более пригодной площадкой для необходимой советской системе подготовки кадров из числа курдов и некоторых других миноритарных этнических групп оказалась бывшая столица империи – Ленинград, где еще до 1917 г. существовал известный научный центр востоковедения, в т. ч. курдоведения, развитие которого было связано с потребностями огромного государства. Сразу же после завершения Гражданской войны советские власти приступили к созданию совершенно новой системы востоковедного образования и исследований.

Декретом СНК РСФСР от 7 сентября 1920 г. был открыт Центральный институт живых восточных языков (ЦИЖВЯ), перед которым были поставлены задачи готовить специалистов-практиков и академических ученых-востоковедов [12, с. 38]. Институт пытались административно закрепить в Москве, но по объективным причинам¹ его изначально пришлось открывать и временно размещать в Петрограде², а лишь часть его структур работала в Москве. С 1922 г. петроградская часть

¹ Этими причинами стали административные конфликты о месторасположении главного востоковедного учреждения страны после слияния бывшего Лазаревского института и Факультета восточных языков Петроградского университета, а также отказ петроградских ученых переезжать в Москву [11, с. 54].

² 7 сентября. Постановление СНК о Центральном институте живых восточных языков // Декреты Советской власти. Т. X. Август-сентябрь 1920 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. М.: Политгиздат, 1980. С. 80.

ЦИЖВЯ стала самостоятельным вузом – Петроградским (Ленинградским) институтом живых восточных языков (ЛИЖВЯ), а с 1927 г. до расформирования в 1938 г. – Ленинградским восточным институтом им. А. С. Енукидзе (ЛВИ).

Наличие специалистов соответствующего профиля, а в штате Института были и курдоведы [13, с. 229], позволяло не только изучать «свой» и зарубежный Восток, но и организовать образовательный процесс для представителей соответствующих национальностей. Это стало острой необходимостью к 1930-м гг. по мере того как становились очевидными проблемы с подготовкой кадров для ряда этнических групп, проживавших внутри СССР. Курды были тому примером, и в силу отсутствия соответствующих институтов, кадров и учебных материалов, и в силу вышеописанных коллизий политики в отношении курдов со стороны Еревана, Баку, Тбилиси и Москвы.

Вероятно, первым специализированным учреждением по подготовке в Ленинграде национальных кадров «отсталых» народов СССР стал рабфак при Ленинградском госуниверситете, на который в 1925 г. было принято 25 представителей народов Крайнего Севера. Уже в следующем году рабфак ЛГУ был переведен в состав ЛИЖВЯ в качестве его Северного отделения [16, с. 53], а еще через год переименован в Северный факультет ЛВИ [42, л. 85].

До 1930 г. Северный факультет обеспечивал обучение представителей коренных народов Севера на уровне среднего образования, после чего они должны были вернуться в родные места для педагогической, хозяйственно-кооперативной работы и советского строительства [16, с. 53]. Вскоре опыт такой ускоренной подготовки был перенесен и на другие миноритарные этнические группы, проживавшие в южных и восточных районах СССР: на Северный факультет стали принимать сначала абхазов [43, л. 9–16], а затем и курдов [44, л. 1–3].

При этом следует отметить роль инициативы, исходившей от армянской стороны. Напоминая, что в Санкт-Петербурге еще до революции было разработано курдоведческое направление [45, л. 34], и подчеркивая, что Ленинград является *«единственным местом, где достаточно полно представлены Иранистика вообще и Курдистановедение, в частности»*, курдская секция отдела нацменьшинств агитационно-

пропагандистского отдела ЦК КП Армении неоднократно требовала от ЛВИ организовать при Институте курдское отделение [44, л. 2]. Отделение при Севфаке ЛВИ открылось в 1928–29 учебном году, когда на нем начали учиться 13 курдов, командированных Наркоматом просвещения Армении [27, л. 51; 46, л. 27; 47; 48, л. 1; 22; с. 120–121]. О качестве отбора и подготовки говорит тот факт, что уже в первой группе оказался будущий известный курдский языковед Канат Курдоев.

Другие студенты после подготовки на рабфаке и обучения в ленинградских вузах в основном возвращались на родину и занимали заметные посты в Закавказье, например, направленный Наркоматом просвещения Армении в Ленинград в 1929 г. Бро Мамаев, окончив Горный институт, вернулся в Ереван и стал директором Курдского педагогического техникума [21, с. 269].

«Больше других здесь учится тунгусов»

К началу 1930-х гг. Севфак превратился в уникальное учебное учреждение для представителей национальных меньшинств, но и оно было далеко не идеальным с точки зрения эмансипации и преодоления неравенства – порой там звучала открыто цивилизаторская риторика вроде *«Институт дает им вместе с культурой и имена. В 1930 г. на Севфаке училось 320 человек: двести – с севера и сто двадцать – с востока. Больше других здесь учится тунгусов»* [49, с. 32].

Очевидные различия в подходах к обучению представителей северных и восточных народов СССР потребовали преобразования Северного отделения рабфака ЛВИ. В 1930–31 гг. на его базе были созданы отдельные Институт народов Севера и Курсы Нацменьшинств Советского Востока (КНСВ). Курсы, которые проработали с 1932 по 1936 гг., дали образование более чем 70 советским курдам. Согласно постановлению Президиума ЦИК Союза ССР от 17 сентября 1932 г. и постановлению Президиума Ученого Комитета от 25 сентября 1932 г. на Курсах Нацмен Советского Востока могли обучаться только студенты, которые принадлежали к национальностям, не имеющим своего государственного устройства [50, л. 22], т. е. республики или области [50, л. 93]. Но на практике это требование соблюдалось не всегда.

КНСВ безуспешно претендовали на статус вуза [51, л. 257]. В результате дальнейшего преобразования были организованы только две программы обучения: 10-месячные колхозные курсы и четырёхлетний курс на педагогическом отделении. Столь минималистичный подход и постепенное сворачивание курсов следует связывать с вышеупомянутым разворачиванием сети техникумов в Закавказье, в которых курды могли получить образование.

Последним образовательным проектом в рамках срочной подготовки курдских кадров стало обучение курдов и некурдов в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), созданном в 1931 г. на базе выделившегося из состава Ленинградского университета Историко-лингвистического факультета. После реорганизации рабфака часть студентов отправили доучиваться на КНСВ, а наиболее отличившихся в учебе направили продолжать обучение в ЛИФЛИ [52, л. 11; 53, л. 6].

ЛИФЛИ фактически стал колыбелью курдского высшего образования, поскольку там были *«впервые организованы циклы по не так давно еще бесписьменным языкам»*, в т. ч. и курдскому [14, с. 246]. Однако фактически был произведен только один набор на курдский цикл с обучением в 1931–1936 гг. студентов, которые прошли предварительное обучение на рабфаке ЛВИ. Наряду с курдами на курдском цикле учились и некурды, ставшие в будущем известными курдоведами: Юлия Авалиани и Исаак Цукерман [54, л. 115]. Вероятно, благодаря соответствующему лоббированию – на это указывает участие в данной деятельности бывшего инструктора ЦК КП Армении А. Шамилова, этот образовательный проект без каких-либо объективных причин также оказался аффилированным с Арменией – студенты курдского цикла [55; л. 164–166] регулярно выезжали на летнюю практику исключительно в Армению.

Угасание курдских проектов внутри СССР

К концу 1930-х гг. программы коренизации и эмансипации народов СССР подверглись пересмотру с сокращением ряда из них и отказом от наиболее радикальных мер, в частности, от интенсивного всестороннего культурного развития народов, чья численность в пределах СССР была невысока, или от создания и сохранения административно-территориальных единиц, связанных с этими народами. Как уже отмечалось выше, к кон-

цу 1930-х завершились форсированные программы образования для курдов и представителей ряда других миноритарных этнических групп в Ленинграде.

Одновременно сворачивались курдские проекты в Закавказье. Начиная со второй половины 1930-х гг. они оказались связаны преимущественно с Арменией. Армянская советская интеллигенция, взаимодействовавшая с властью, никогда не отказывалась от попыток интегрировать курдов в армянскую нацию даже в ее советском варианте. Именно в этом контексте следует рассматривать попытки концептуального ревизионизма в отношении курдского вопроса с ее стороны, особенно заметные в моменты административных изменений в Закавказье. Несмотря на то, что коренизация высшей школы испытывала более серьезные трудности, чем коренизация средней, из-за отсутствия достаточного количества кадров высококвалифицированных научных работников, считалось, что в Грузии и Армении этот вопрос был решен [66, с. 184].

Официальная точка зрения советских центральных органов в отношении езидов к середине 1930-х гг. основывалась на экспертном мнении ИЯМ, который рассматривал их как сугубо религиозную группу в составе курдского народа, причем подчеркивалось, «в советской действительности это название потеряло свое значение» [56, с. 78–79, 86]. При этом признавалось, что вопрос езидов – «спорный» [57, с. 68], а потому их можно учитывать как обособленную часть курдов [58, с. 76].

Это позволяло армянской стороне вновь и вновь возобновлять попытки говорить о езидах как об отдельной «национальности» наряду с курдами [59, с. 171; 60, с. 46]. Трудно сказать, насколько эта политика Еревана опиралась на реальную идентичность или наоборот, она ее и формировала. Например, в списке учащихся КНСВ, прилагаемом к годовому отчету за 1933 г., упоминаются 24 курда и шесть езидов [61, л. 39 об.]. Анализ личных дел показывает, что учащиеся, обозначенные (возможно, на основе самоидентификации) как «езиды», прибыли преимущественно из Армении, в то время как «курдами-езидами» были названы в основном студенты из Грузии [62, л. 12; 63, л. 194].

Курс советского армянского руководства на поддержку отдельной езидской идентичности следует рассматривать в контексте роспуска ЗСФСР в 1936 г. с одновременным созданием

трех союзных республик в Закавказье, что означало возможность территориальных изменений и пересмотра субординации менее крупных территориальных единиц внутри союзных республик. В этом смысле для Еревана имело смысл настаивать на отделении езидов от курдов, поскольку последние оставались *de facto* переданными в ведение АзССР. Одновременно на фоне упразднения курдского района в Азербайджане обсуждался вопрос о выделении специального курдского национального района в Армении [64, с. 87], что позволило бы республике выступить в авангарде в определении общей советской политики в отношении курдов, оттеснив в этом Азербайджан. Ереван мог на это надеяться, поскольку чуть ранее ему удалось провести у себя в 1934 г. Первую всесоюзную курдоведческую конференцию. Примечательно, что вторая конференция, запланированная в Баку в 1935 г., так никогда и не состоялась [19, с. 118], что имеет смысл связывать с отношением властей Азербайджана к этому мероприятию.

Указывая на уменьшение официальной численности курдов в Азербайджане, согласно переписи, с 41 193 в 1926 г. до 6 005 в 1939 г., Поль отмечает, что это массовое уменьшение официальной численности произошло в первую очередь из-за изменения самоидентификации людей. По его мнению, это было связано с отношением азербайджанских властей, которые обращали советскую национальную политику в пользу азербайджанских тюрков, игнорируя этнические меньшинства, в т. ч. курдов [6, р. 36]. Впрочем, даже в более позднее время иностранные исследователи отмечали подчеркнутое внимание к курдскому меньшинству именно со стороны Армянской ССР [65, р. 5], которое слабо коррелировало с численностью курдов (в основном езидов), проживавших в республике.

Обсуждение и выводы

Проведенное исследование подготовки национальных кадров в раннесоветский период показывает важность дальнейшей децентрализации и деконструкции действующих сил при изучении истории СССР. Советская национальная политика не ограничивалась постановлениями центральных органов власти СССР, она была тесно связана с ситуацией на местах, которая определялась не диктатом союзного центра, а уров-

нем социально-экономического и культурного развития, действиями республиканских и местных органов власти и прочих акторов (активистов, интеллигенции и т. п.).

Власти Азербайджанской и Армянской советских республик имели свои взгляды на курдский вопрос и его решение, которые отличались от мнения союзных органов власти. При этом многие особенности советской национальной политики были связаны с многоуровневыми и многослойными структурами неравенства внутри страны, которые проявляли себя в процессе имплементации решений союзного центра, неизбежно носивших лишь общий характер. Помимо эмансипации более крупных этнических групп, создавших в советское время свои союзные республики, автономные республики, области или хотя бы районы, существовала проблема более малочисленных или дисперсно проживающих этносов, интересы которых расходились с интересами так называемых титульных наций, что вело к антагонизму. Особенно сильно эти расхождения и конфликты проявлялись в менее консолидированных нациях, проживавших на юге и востоке СССР.

Иными словами, политика коренизации вела к множеству столкновений, причем не только по линии «Центр – союзная республика», но и между властями, связанными с титульными нациями соответствующих административно-территориальных районов, и миноритарными этническими группами, а также между союзными республиками за право определять политику в рамках общесоюзной системы в отношении той или иной миноритарной этнической группы. Этому способствовало и отсутствие пригодных для использования при разработке и реализации соответствующей государственной политики экспертизы и экспертов по вопросам истории, культуры, экономики и общественной жизни этих меньшинств.

Эта экспертиза, пусть и в недостаточном объеме, имела в бывших научных центрах Российской империи, прежде всего в Ленинграде. В результате подготовка кадров для ряда миноритарных этнических групп была организована именно там. Это не было простым откатом к имперской традиции, поскольку академические центры были радикально реформированы в интересах ранее социально ущемленных слоев. Вдобавок интенсивное участие востоковедных вузов в подготовке кадров

«восточных народов» способствовало структурной перестройке советского востоковедения в фундаментальной отливии от западной ориенталистики.

Список литературы

1. Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell University Press, 2001. 528 p.
2. Кадио Дж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1890–1940. М.: НЛО, 2010. 336 с.
3. Tolz V. Russia's own Orient: the politics of identity and Oriental studies in the late imperial and early Soviet periods. Oxford University Press, 2011. 224 p.
4. Hirsch F. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Cornell University Press, 2005. 392 p.
5. Fedtke G. Roter Orient. Muslimkommunisten und Bolschewiki in Turkestan (1917–1924). Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 2020. 471 s.
6. Leezenberg M. Soviet Kurdology and Kurdish Orientalism // The Heritage of Soviet Oriental Studies. Eds. by M. Kemper & S. Conermann. – New York: Routledge, 2011. Pp. 86–102.
7. Pohl J. O. Kurds in the USSR, 1917–1956 // Kurdish Studies. – 2017. – Vol. 5. – № 2. – Pp. 32–55.
8. Агаян Ц. П. Вековая дружба народов Закавказья. Т. 2. Ереван: Айтастан, 1970. 402 с.
9. Букшпан А. С. Азербайджанские курды. Заметки. Баку, 1932. 92 с.
10. Аристов Т. Ф. Курды Закавказья (историко-этнографический очерк). М.: Наука, 1966. 216 с.
11. Базиянц А. П. Из истории советского востоковедения // Становление советского востоковедения. – М.: Наука, 1983. – С. 29–84.
12. Кононов А. Н., Иорш И. И. Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения. М.: Наука, 1977. 136 с.
13. Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Из истории советского востоковедения. 1917–1967. М.: Наука, ГРВЛ, 1970. 252 с.
14. Панин Е. В. Коммунистический университет трудящихся Востока // Известия МГТУ. – 2013. – Т. 7 – № 4–2. – С. 201–206.
15. Сибгатуллина А. Т. Турецкий контингент в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Часть I. Вестник Института востоковедения РАН. – 2020. – № 3. – С. 113–125. DOI:10.31696/2618-7302-2020-3-113-125.
16. Смирнова Т. М. Институт народов Севера в Ленинграде – учебное заведение нового типа // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 4. – № 2. – С. 51–65.
17. Университеты и научные учреждения / Наркомпрос РСФСР. М.; Л.: Объедин. науч.-техн. изд-во, 1935. 583 с.
18. XV лет диктатуры пролетариата. Экономико-статистический сборник по гор. Ленинграду и Ленинградской Области. Л.: Издание Облсполкома и Ленсовета, 1932. 213 с.
19. Курды СССР – России: трасса длиной в 100 лет. Документальная история / сост. Н. Ф. Бугай, М. И. Мамаев. Москва; Тула: Аквариус, 2014. 564 с.
20. К истории образования Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. 1918–1925: Документы и материалы. Баку: Азернешр, 1989. 334 с.
21. Бакаев Ч. Х. Основы курдской орфографии, М.: Наука, 1983. 272 с.
22. Чагоев Х. М. Курды Советской Армении: исторический очерк, 1920–1940. Ереван: Изд-во Академии наук Армянской ССР, 1965. 152 с.
23. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1927–1929. – 10 т. – В надзаг.: Центр. статист. упр. СССР. Отд. Переписи. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. 1928. XXIX. 138 с.
24. Bailey N. The Lord's Prayer in Northern Kurdish: Lexical and orthographic journeys since 1787 // Родной язык. – 2021. – № 2. – С. 152–218.

25. Шамякин А. Курды Закавказья // Революция и культура. – 1930. – № 15–16. – С. 86–89.
26. Совещание по культурному развитию языков национальностей // Революция и национальности. – 1935. – № 5 (63). – С. 96–97.
27. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 222. Оп. 2. Д. 79.
28. Арустамян. Социалистическое строительство в Нагорном Карабахе // Революционный Восток. – 1933. – № 1 (17). – С. 116–122.
29. Rja Təza. – 1931. – № 18. – С. 2.
30. Орлова Р. Очередные задачи в борьбе за всеобщее образование // Коммунистическая революция. – 1931. – № 5–6. – С. 13–18.
31. Население Азербайджана по переписи 17 декабря 1926 года: предварительные итоги. Баку: Бакин. центр. стат. упр., 1927. 17 с.
32. Маммадова Ш. Курдский вопрос в политике советского государства в 1920–1930 гг. // Вопросы истории. – 2013. – № 6. – С. 135–141.
33. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 1008.
34. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 160.
35. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 59.
36. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 177.
37. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 40.
38. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 16.
39. Тодрия С. Подготовка национальных кадров в ЗСФСР // Революция и национальности. – 1936. – № 1 (71). – С. 63–66.
40. Кольцов Н. Советская Армения // Наши достижения. – 1929. – № 6. – С. 23–31.
41. Разверстка в московские и ленинградские комвузы на 1927/28 учебный год. Коммунистический университет трудящихся Востока им. Сталина // Коммунистическая революция. – 1927. – № 12. – С. 106.
42. ЦГА СПб. Ф. 6951. Оп. 1. Д. 2.
43. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р3316. Оп. 20. Д. 119.
44. ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 20. Д. 118.
45. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-328. Оп. 2. Д. 1180.
46. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 585.
47. ЦГА СПб. Ф. 7222. Оп. 9. Д. 8.
48. ЦГА СПб. Ф. 7222. Оп. 30. Д. 2146.
49. Польский Л. Тайга и Лавра // Наши достижения. – 1930. – № 7. – С. 31–34.
50. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 1005.
51. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 991.
52. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 803.
53. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 840.
54. ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 1. Д. 21.
55. ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 1. Д. 41.
56. Гранде Б. Материалы для уточнения списка народов СССР // Революция и национальности. – 1935. – № 4 (62). – С. 77–87.
57. Красовский Л. Чем надо руководствоваться при составлении списка народностей СССР (в порядке обсуждения) // Революция и национальности. – 1936. – № 4 (74). – С. 67–71.
58. Гранде Б. Список народностей СССР // Революция и национальности. – 1936. – № 4 (74). – С. 74–85.
59. Лалаян А. Социалистическое развитие Армении в системе СССР (К 15-летию Советской Армении) // Революционный Восток. – 1935. – № 3 (31). – С. 163–175.
60. Лалаян А. Проект Сталинской конституции и расцвет Советской Армении // Революционный Восток. – 1936. – № 4 (38). – С. 31–55.
61. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 1006.
62. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 560.
63. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 998.
64. О состоянии работы среди нацменьшинств в Армянской ССР. Постановление Президиума Совета Национальностей ЦИК Союза ССР // Революция и национальности. – 1936. – № 12 (82). – С. 86–87.

65. Kinnane D. *The Kurds and Kurdistan*. Oxford University Press, 1964. 94 p.
66. Итоги разрешения национального вопроса в СССР / под ред. С. Диманштейна. Науч.-исслед. ин-т национальностей СССР при ЦИК Союза ССР. Москва: Власть Советов, 1936. 223 с.
67. ЦГА СПб. Ф. 4363 Оп. 1. Д. 32.

Cultural Revolution Among Transcaucasian Kurds: Inter-Republican Rivalry in Soviet Nationalities Policy

Angelika O. Pobedonostseva-Kaya

The article investigates the Soviet nationalities policy in 1920 and 1930s focusing on the case of the Kurds of Transcaucasia, whose situation was particularly complicated. The Kurdish minority had practically no educated specialists, and Soviet central authorities, Azerbaijan and Armenia held different views on its development. The development of the Soviet Kurdish policy is investigated by exploring the experience of the accelerated training of Kurdish cadres in 1920s and 1930s, which, due to the lack of an expert base and inter-republican conflicts, was done through the intervention of the Soviet scholarly centers outside the region. By this study an attempt is made to move away from the methodological approach of the key works on Soviet nationalities policy (T. Martin, F. Hirsh, etc.) which focused on the decisions of the central Soviet actors, and to focus on the activities of lower-level actors, directly involved in the implementation of nationalities policy. The work is based on previously unused archival data, as well as publications of those years in Russ. and Kurdish.

Key words: Kurds, Yezidis, cultural revolution, korenizatsiya, national policy, Transcaucasian Soviet Federative Socialist Republic (TSFSR), Red Kurdistan.

For citation: Pobedonostseva-Kaya, A. O. (2023) Kul'turnaya revolyutsiya sredi zakavkazskikh kurdov: mezhrespublikanskoye sopernichestvo v sovetskoy natsional'noy politike [Cultural Revolution Among Transcaucasian Kurds: Inter-Republican Rivalry in Soviet Nationalities Policy]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 47–71. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_3_47. EDN: OYCDTL

References

1. Martin, T. (2001) *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Cornell University Press.
2. Cadiot, J. (2010) *Laboratoriya imperii: Rossiya / SSSR, 1890–1940* [Empire Laboratory: Russia / USSR, 1870–1940]. Moscow: NLO. (in Russ.)
3. Tolz, V. (2011) *Russia's own Orient: the politics of identity and Oriental studies in the late imperial and early Soviet periods*. Oxford University Press.
4. Hirsch, F. (2005) *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Cornell University Press.
5. Fedtke, G. (2020) *Roter Orient. Muslimkommunisten und Bolschewiki in Turkestan (1917–1924)*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau. (in Germ.)
6. Leezenberg, M. (2011) *Soviet Kurdology and Kurdish Orientalism. The Heritage of Soviet Oriental Studies*. Eds. by M. Kemper & S. Conermann. New York: Routledge. Pp. 86–102.

7. Pohl, J. O. (2017) Kurds in the USSR, 1917–1956. *Kurdish Studies*. Vol. 5. No. 2. Pp. 32–55.
8. Agayan, Ts. P. (1970) *Yevovaya družhba narodov Zakavkaz'ya* [Age-old friendship of the peoples of Transcaucasia]. Vol. 2. Erevan: Ayastan. (in Russ.)
9. Bukshpan, A. S. (1932) *Azerbaydzhanskiye kurdy. Zametki* [Azerbaijani Kurds. Notes]. Baku. (in Russ.)
10. Aristova, T. F. (1966) *Kurdy Zakavkaz'ya (istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [Kurds of Transcaucasia (A historical and ethnographic essay)]. Moscow: Nauka. (in Russ.)
11. Baziyan, A. P. (1983) *Iz istorii sovetskogo vostokovedeniya* [From the history of Soviet oriental studies]. *Stanovleniye sovetskogo vostokovedeniya* [The formation of Soviet oriental studies]. Moscow: Nauka. Pp. 29–84. (in Russ.)
12. Kononov, A. N., Iorish, I. I. (1977) *Leningrad Oriental Institute. A page from the history of Soviet oriental studies* [Leningradskiy vostochnyy institut. Stranitsa istorii sovetskogo vostokovedeniya]. Moscow: Nauka. (in Russ.)
13. Kuznetsova, N. A., Kulagina, L. M. (1970) *Iz istorii sovetskogo vostokovedeniya. 1917–1967* [From the history of Soviet oriental studies. 1917–1967]. Moscow: Nauka. (in Russ.)
14. Panin, E. V. (2013) *Kommunisticheskiy universitet trudyashchikhnya Vostoka* [Communist University of the Toilers of the East]. *Izvestiya MGTU MAMI* [Izvestiya MGTU MAMI]. Vol. 7. No. 4–2. Pp. 201–206. (in Russ.)
15. Sibgatullina, A. T. (2020) *Turetskiy kontingent v Kommunisticheskom universitete trudyashchikhnya Vostoka. Chast' I* [Turkish Contingent at the Communist University of Workers of the East. Part I]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* [Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN]. No. 3. Pp. 113–125. (in Russ.)
16. Smirnova, T. M. (2012) *Institut narodov Severa v Leningrade – uchebnoye zavedeniye novogo tipa* [The Institute of Peoples of the North in Leningrad as an educational institution of the new type]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State Journal]. Vol. 4. No. 2. Pp. 51–65. (in Russ.)
17. *Universitety i nauchnyye uchrezhdeniya* (1935) [Universities and scientific institutions]. *Narkompros RSFSR* [People's Commissariat for Education of the RSFSR]. Moscow; Leningrad: United. sci.-tech. publishing house. (in Russ.)
18. *XV let diktatury proletariata. Ekonomiko-statisticheskiy sbornik po gor. Leningradu i Leningradskoy Oblasti* (1932) [15 years of the dictatorship of the proletariat. Economic and statistical collection on Leningrad City and the Leningrad Region]. Leningrad, Publication of the Regional Executive Committee and Lensoviet. (in Russ.)
19. Bugay, N. F., Mamayev, M. I. (2014) (eds.) *Kurdy SSSR – Rossii: trassa dlinoyu v 100 let. Dokumental'naya istoriya* [Kurds of the USSR – Russia: a route 100 years long. Documentary history]. Moscow, Tula, Akvarius. (in Russ.)
20. *K istorii obrazovaniya Nagorno-Karabakhskoy avtonomnoy oblasti Azerbaydzhanskoy SSR. 1918–1925: Dokumenty i materialy* (1989) [On the history of the formation of the Nagorno-Karabakh Autonomous Region of the Azerbaijan SSR. 1918–1925: Documents and materials]. Baku: Azernehr. (in Russ.)
21. Bakaev, Ch. Kh. (1983) *Osnovy kurdskey orfografiy* [Fundamentals of Kurdish orthography]. Moscow: Nauka. (in Russ.)
22. Chatoev, Kh. M. (1965) *Kurdy Sovetskoy Armenii: istoricheskiy ocherk, 1920–1940* [Kurds of Soviet Armenia: a historical sketch, 1920–1940]. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. (in Russ.)
23. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkiye svodki. Vyp. 4: Narodnost' i rodnoy yazyk naseleniya SSSR. XXIX.* (1928) [All-Union population census December 17, 1926: brief summaries. Vol. 4: Nationality and native language of the population of the USSR. XXIX]. Moscow. (in Russ.)
24. Bailey, N. (2021) The Lord's Prayer in Northern Kurdish: Lexical and orthographic journeys since 1787. *Rodnoy yazyk* [Native language]. No. 2. Pp. 152–218.
25. Shamilov, A. (1930) *Kurdy Zakavkaz'ya* [Kurds of Transcaucasia]. *Revolyutsiya i kul'tura* [Revolution and culture]. No. 15–16. Pp. 86–89. (in Russ.)
26. n. a. (1935) *Soveshchaniye po kul'turnomu razvitiyu yazykov natsional'nostey* [Conference on the cultural development of languages of nationalities]. *Revolyutsiya i natsional'nosti* [Revolution and nationalities]. No. 5 (63). Pp. 96–97. (in Russ.)

27. *Sankt-Peterburgskij filial Arhiva RAN (SPbF ARAN)* [St. Petersburg Branch of the Archive of RAS (SPbF ARAN)]. F. 222. Op. 2. D. 79.

28. Arustamyan (1933) *Sotsialisticheskoye stroitel'stvo v Nagornom Karabakhe* [Socialist construction in Nagorno-Karabakh]. *Revolyutsionnyy Vostok* [Revolutionary East]. No. 1 (17). Pp. 116–122. (in Russ.)

29. n.a. (1931) *Rja Təzə*. No. 18. P. 2. (in Kurd.)

30. Orlova, R. (1931) *Ocherednyye zadachi v bor'be za vseobuch* [Next tasks in the struggle for universal education]. *Kommunisticheskaya revolyutsiya* [Communist revolution]. No. 5–6. Pp. 13–18. (in Russ.)

31. *Naseleniye Azerbaydzhana po perepisi 17 dekabrya 1926 goda: predvaritel'nyye itogi* (1927) [The population of Azerbaijan according to the census of December 17, 1926: preliminary results]. Baku: Baku centr. stat. upr. (in Russ.)

32. Mammadova, Sh. (2013) *Kurdskiy vopros v politike sovetского gosudarstva v 1920–1930-kh gg.* [The Kurdish question in the policy of the Soviet state in the 1920–1930s]. *Voprosy Istorii* [Voprosy Istorii]. No. 6. Pp. 135–141. (in Russ.)

33. *Central'nyy gosudarstvennyy arhiv Sankt-Peterburga (CGA SPb)* [Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb)]. F. 4363. Op. 1. D. 1008.

34. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 160.

35. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 59.

36. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 177.

37. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 40.

38. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 16.

39. Todria, S. (1936) *Podgotovka natsional'nykh kadrov v ZSFSR* [Training of national specialists in the ZSFSR]. *Revolyutsiya i natsional'nosti* [Revolution and nationalities]. No. 1 (71). Pp. 63–66. (in Russ.)

40. Koltsov, N. (1929) *Sovetskaya Armeniya* [Soviet Armenia]. *Nashi dostizheniya* [Our achievements]. No. 6. Pp. 23–31. (in Russ.)

41. n.a. (1927) *Razverotka v moskovskiy i leningradskiy komvuzy na 1927/28 uchebnyy god. Kommunisticheskii universitet trudyashchikhsya Vostoka im. Stalina* (1927) [Distribution of places in Moscow and Leningrad Communist colleges for 1927/28 academic year. The Stalin Communist University of the Workers of the East]. *Kommunisticheskaya revolyutsiya* [Communist revolution]. No. 12. P. 106. (in Russ.)

42. TsGA SPb. F. 6951. Op. 1. D. 2.

43. *Gosudarstvennyy arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. P3316. Op. 20. D. 119.

44. GARF. F. P3316. Op. 20. D. 118.

45. *Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TsGALI SPb)* [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TsGALI SPb)]. F. P-328. Op. 2. D. 1180.

46. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 585.

47. TsGA SPb. F. 7222. Op. 9. D. 8.

48. TsGA SPb. F. 7222. Op. 30. D. 2146.

49. Pol'skiy, L. (1930) *Tayga i Lavra* [Taiga and Lavra]. *Nashi dostizheniya* [Our achievements]. No. 7. Pp. 31–34. (in Russ.)

50. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 1005.

51. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 991.

52. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 803.

53. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 840.

54. TsGALI SPb. F. 328. Op. 1. D. 21.

55. TsGALI SPb. F. 328. Op. 1. D. 41.

56. Grande, B. (1935) *Materialy dlya utochneniya spiska narodov SSSR* [Materials for clarifying the list of peoples of the USSR]. *Revolyutsiya i natsional'nosti* [Revolution and nationalities]. No. 4 (62). Pp. 77–87. (in Russ.)

57. Krasovskiy, L. (1936) *Chem nado rukovodstvovat'sya pri sostavlenii spiska narodnostey SSSR (V poryadke obsuzhdeniya)* [What should be followed when compiling a list of nationalities of the USSR (A discussion material)]. *Revolyutsiya i natsional'nosti* [Revolution and nationalities]. No. 4 (74). Pp. 67–71. (in Russ.)

58. Grande, B. (1936) *Spisok narodnostey SSSR* [List of nationalities of the USSR]. *Revolyutsiya i natsional'nosti* [Revolution and nationalities]. No. 4 (74). Pp. 74–85. (in Russ.)

59. Lalayan, A. (1935) *Sotsialisticheskoye razvitiye Armenii v sisteme SSSR (K 15-letiyu Sovetskoy Armenii)* [Socialist development of Armenia in the Soviet Union system (To the 15th anniversary of Soviet Armenia)]. *Revolyutsionnyy Vostok* [Revolutionary East]. No. 3 (31). Pp. 163–175. (in Russ.)

60. Lalayan, A. (1936) *Proyekt Stalinskoy konstitutsii i rastsvet Sovetskoy Armenii* [A draft of the Stalin's constitution and the rise of Soviet Armenia]. *Revolyutsionnyy Vostok* [Revolutionary East]. No. 4 (38). Pp. 31–55. (in Russ.)

61. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 1006.

62. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 560.

63. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 998.

64. n.a. (1936) *O sostoyanii raboty sredi natsmen'shinstv v Armyanskoy SSR. Postanovleniye Prezidiuma Soveta Natsional'nostey TSIK Soyuza SSR* [On the state of work among ethnic minorities in the Armenian SSR. Decree of the Presidium of the Council of Nationalities of the Central Executive Committee of the USSR]. *Revolyutsiya i natsional'nosti* [Revolution and nationalities]. No. 12 (82). Pp. 86–87. (in Russ.)

65. Kinnane, D. (1964) *The Kurds and Kurdistan*. Oxford University Press.

66. Dimanstein, S. (1936) (ed.) *Itogi razresheniya natsional'nogo voprosa v SSSR* [Results of the solution of the national question in the USSR]. Scientific research Institute of Nationalities of the USSR at the Central Executive Committee of the USSR. Moscow: Vlast Sovetov. (in Russ.)

67. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 32.

Статья поступила в редакцию 06.06.2023

Одобрена после рецензирования 23.06.2023

Принята к публикации 10.07.2023

Атеистическая пропаганда в Хакасской автономной области как направление советской государственно-конфессиональной политики во второй половине 1970-х гг.

П. К. Дашковский, А. Н. Ожиганов

На основе анализа нормативно-правовых документов, постановлений ЦК КПСС и местных партийных органов, материалов Национального архива Республики Хакасия и Государственного архива Красноярского края в статье рассматривается реализация атеистической пропаганды в Хакасской автономной области с учетом основных тенденций государственно-конфессиональной политики СССР во второй половине 1970-х гг. В ходе исследования установлено, что атеистической работой в Хакасии занимались региональные исполнительные и партийные органы власти, областной совет научного атеизма, областная организация общества «Знание», региональный комитет ВЛКСМ, библиотеки, учреждения культуры и медицинские учреждения. Большое значение имела деятельность клуба «Атеист» при Абаканском государственном педагогическом институте. Основными формами ведения атеистической пропаганды, как и в предшествующий период, являлись публичные лекции, коллективные и индивидуальные беседы, вечера вопросов и ответов, кинолектории, проведение безрелигиозных праздников и др. Особое внимание уделялось атеистическому воспитанию учащихся в регионе. Атеистическая пропаганда, наряду с освещением уровня жизни в капиталистических странах, использовалась в качестве инструмента борьбы с эмигрантскими настроениями, которые были распространены в определенных кругах последователей протестантских деноминаций. В рассматриваемый период наблюдались попытки улучшения эффективности атеистической пропаганды через формирование отношений сотрудничества между атеистами и верующими, однако фактически все еще имели место быть факты дискриминации верующих. Несмотря на предпринимаемые меры со стороны региональных органов исполнительной и партийной власти, полного искоренения религиозного мировоззрения среди жителей Хакассии достичь не удалось, хотя отдельные результаты в этом направлении были достигнуты.

Ключевые слова: Хакасия, государственно-конфессиональная политика, атеистическая пропаганда, религиозные общины, Сибирь.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ в рамках реализации проекта № 23-18-00117.

Для цитирования: Дашковский П. К., Ожиганов А. Н. Атеистическая пропаганда в Хакасской автономной области как направление советской государственно-конфессиональной политики во второй половине 1970-х гг. // История повседневности. – 2023. – № 3. – С. 72–91. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_72. EDN: XNXADA

Введение

Одним из направлений реализации государственно-конфессиональной политики являлась атеистическая пропаганда, которая в разные периоды истории СССР претерпевала определенные изменения: от воинствующего атеизма к научному обоснованию историчности, а не божественности и религиозных явлений. Некоторые аспекты проведения атеистической пропаганды в Сибири рассматривали Л. И. Сосковец [1–2], А. В. Горбатов [3], В. П. Ключева [4], П. К. Дашковский, Н. П. Зиберт, Н. С. Дворянчикова [5–6], Е. Е. Жеребятъева [7] и другие исследователи. В тоже время особенности проведения атеистической пропаганды в национальных автономиях Сибири, в том числе в Хакасской автономной области, изучены недостаточно, хотя исследования в этом направлении постепенно начинают проводиться [8]. В данной статье на основе анализа нормативно-правовых документов, постановлений ЦК КПСС, фондов Национального архива Республики Хакасия и Государственного архива Красноярского края рассматриваются особенности проведения атеистической пропаганды в Хакасии во второй половине 1970-х гг.

Результаты

Ведение атеистической пропаганды в 1970-е гг., как и в 1960-е гг., продолжалось с разной интенсивностью [9, с. 226]. При этом преодоление религиозных пережитков считалось возможным благодаря терпеливой и умелой пропаганде [1, с. 190]. Новая Конституция СССР 1977 г. давала право вести атеистическую, а не антирелигиозную пропаганду. В деле борьбы с религией ставки делались на пропаганду атеистического учения марксизма-ленинизма, мировоззренческих аспектов научно-технической революции, советского образа жизни, проблем нравственности [10, л. 13].

Атеистическая пропаганда в Хакасской автономной области находилась в ведении отдела пропаганды и агитации обкома КПСС и проводилась в соответствии с постановлением ЦК КПСС «Об усилении атеистического воспитания населения», принятым еще 16 июня 1971 г. Атеистической работой руководил областной совет научного атеизма. Например, в 1977 г. на нем был заслушан вопрос об атеистическом воспитании школьников

в области и о подготовке атеистов в Абаканском государственном педагогическом институте [11, л. 19]. Во второй половине 1970-х проводилась работа по предотвращению распространения религиозных взглядов, по преодолению т. н. религиозных пережитков. При этом предполагалось использование исторической критики религии как части всех исторических дисциплин, а также применение данных из естественнонаучной, социально-нравственной и философской областей науки. Отдельное внимание планировалось уделять работе с различными категориями населения – комсомольцами из семей верующих, которые могли бы проводить специальные беседы для пожилых родственников, домохозяек. При этом исключить религиозное влияние полностью не удавалось. Молодые люди в СССР придерживались одновременно атеизма в общественной деятельности и религиозности в быту. Они достаточно лояльно относились к активным верующим, особенно из числа родственников. Кроме того, ставка делалась на активизацию работы женских советов, более частое проведение слетов, собраний, встреч женщин [12, л. 38].

В середине 1970-х гг. сотрудники обкома КПСС предпринимали попытку реанимировать систему атеистической пропаганды через подробное и детальное планирование. Во второй половине 1970-х гг. областной комитет партии активизировал атеистическую работу. Меры по улучшению атеистического воспитания населения рассматривались на бюро обкома, горкомов, райкомов партии. Так, в 1977 г. на бюро обкома КПСС был рассмотрен вопрос «О работе Орджоникидзевского райкома партии по атеистическому воспитанию трудящихся». В постановлении партийным организациям была рекомендована программа усиления атеистического воспитания трудящихся. Отмечалось, что работа осуществлялась планомерно, применялся дифференцированный подход к разным категориям верующих, различным слоям населения. Для атеистической пропаганды были использованы средства радио, телевидения, учреждений культуры, искусства и кино [11, л. 19].

Кроме того, новой формой агитационной работы стал атеистический агитпоезд. В 1977 г. были организованы выезды в Таштыпский и Алтайский районы Хакасской автономной области. Такой же выезд прошел в Орджоникидзевском районе.

В нем участвовали четыре ученых и четыре лектора, которые организовали 23 лекции, два вечера вопросов и ответов, четыре просмотра кинофильма [11, л. 21]. Работа атеистического агитпоезда в Орджоникидзевском районе освещалась в областной газете «Советская Хакасия» [13, с. 3]. В 1979 г. были организованы агитпоезда в Орджоникидзевский и в Богградский районы области. Активное участие в них принимали доцент Абаканского государственного педагогического института А. Н. Гладышевский и кандидат биологических наук, доцент, заведующая кафедрой в Абаканском государственном педагогическом институте И. В. Иванова [10, л. 60].

В 1977 г. президиум правления областной организации общества «Знание» рассмотрел вопрос «О работе научно-методического атеистического совета при правлении с кадрами лекторов-атеистов» [11, л. 19]. В районах области активно функционировали местные отделения общества «Знание». Так, ширинское районное общество «Знание» организовывало «Ленинские пятницы». Заведующий кабинетом политпросвещения разработал лекцию «Об идеологических диверсиях капиталистических стран» с использованием местного материала и фактов туристической поездки во Францию [11, л. 10]. В Аскизском районе за 1977 г. районным отделением общества «Знание» было прочитано 247 лекций по темам «Религия и дети», «Секты и их верования» и др. [11, л. 1].

Следует подчеркнуть, что в 1977 г. в области работали 224 лектора, 595 агитаторов, 150 пропагандистов, 520 организаторов атеистической работы в коллективах. Кроме того, действовало 45 советов и штабов по атеизму. Всего в области в это время было около 2000 активистов атеистической работы [11, л. 19]. Важно отметить, что обком партии, горкомы, райкомы КПСС уделяли большое внимание подбору и обучению кадров атеизму. Еще с конца 1950-х стала складываться система подготовки кадров атеистов, обладающих более высокой квалификацией. На местах к атеистической пропаганде привлекались люди с высшим образованием, имеющие ученую степень [1, с. 191]. Система подготовки кадров атеистов в области включала проведение городских, районных, областных семинаров. Так, в 1977 г. было проведено 48 семинаров различного уровня. Областные семинары в Хакасии проводились с участием извест-

ных ученых. Например, в 1977 г. в работе областного семинара атеистов принимали участие научный сотрудник Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, к. ф. н. Ю. Б. Пищик, старший преподаватель Лесосибирского пединститута Красноярского края Т. Е. Стороженко. В семинарах атеистов участвовали д. ф. н. Е. К. Дулуман, кандидаты философских наук из Москвы, Новосибирска, Иркутска [11, л. 19]. Подобный семинар был также проведен в 1979 г. В нем приняли участие доцент кафедры Минского института повышения квалификации преподавателей общественных наук М. Я. Ленсу, доктор биологических наук, профессор Института физики СО АН СССР Б. Г. Ковров и другие известные ученые [10, л. 60]. Немного позднее в 1982 г. в Абакане возобновил свою работу факультет научного атеизма при вечернем университете марксизма-ленинизма [14, л. 86].

Атеистическую работу на местах также организовывали районные комитеты КПСС. С целью усиления атеистического воспитания трудящихся на бюро райкома КПСС в Орджоникидзевском районе ежегодно заслушивался вопрос о состоянии атеистической работы среди населения. В указанном районе были созданы общественный совет по атеистической работе при райкоме КПСС и научно-методическая секция по пропаганде атеистических знаний среди населения [11, л. 1]. В Бейском районе к атеистической работе привлекали атеистов из числа партийного актива. В пропаганде участвовали районная и сельские библиотеки, коллективы школ, сельские дома культуры и клубы, районная киносеть [15, л. 2]. В 1978 г. при райкоме КПСС Аскизкого района был создан координационный совет по атеистической работе, в который входили партийные, советские, комсомольские деятели, работники просвещения, культуры, здравоохранения и административных органов [11, л. 14].

Особое внимание в атеистической работе отводилось изучению целевой аудитории, т. е. непосредственно верующих. Например, для работы с верующими Орджоникидзевский райисполком составлял точные списки по Июсскому, Устинкинскому сельским советам и п. Копьево. Кроме того, группы баптистов, свидетелей Иеговы, лютеран находились под постоянным контролем комиссий содействия по соблюдению законодательства

о культурах, созданных при исполкомах сельских поселковых советов [11, л. 1]. Внимательно изучала верующих и партийная организация КПСС г. Абакана. Так, в 1979 г. был проведен анализ состава верующих, который показал, что 65 % из них являются пенсионерами и домохозяйками. Помимо этого, была составлена карта их проживания по микрорайонам [16, л. 1] и проведен социально-демографический анализ всех верующих за исключением православных [10, л. 60].

В рамках атеистической пропаганды горкомы и райкомы КПСС уделяли большое внимание пропаганде научных знаний. В области действовало 42 атеистических лектория, из них 22 – в Черногорске, 11 – в Орджоникидзевском районе. В работе по утверждению атеистического мировоззрения стали активнее использоваться разнообразные формы: вечера вопросов и ответов, тематические вечера, читательские конференции, внедрение и пропаганда советских праздников и обрядов. Пропагандисты атеизма попытались отделить от религии народные традиции, приспособить их под пропаганду коммунистической идеологии и советского образа жизни. В 1977 г. в области было проведено 498 тематических вечеров, вечеров вопросов и ответов, 3346 торжественных регистраций брака, 2431 праздников имянаречений. В регионе в данный период действовали 1109 кружков художественной самодеятельности [11, л. 21].

Важно подчеркнуть, что во второй половине 1970-х гг. продолжала играть важную роль атеистическая работа, которая проводилась индивидуально. Работа организовывалась таким образом, чтобы наставник и подопечный находились в постоянном контакте [11, л. 28]. Аналогичная индивидуальная работа практиковалась в Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях еще с конца 1950-х г. [1, с. 192].

Большую роль в атеистической работе с комсомольцами и молодежью играл Хакасский обком ВЛКСМ. Коммунистический союз молодежи с первых лет своего существования проявил себя как передовая сила в борьбе с религией [17, с. 32]. В школах, средних учебных заведениях члены ВЛКСМ также планировали усилить работу по атеистическому воспитанию. Кроме того, в плане работы была намечена разработка цикла лекций на антирелигиозные темы, проведение бесед с комсомольцами из семей верующих, нацеливающих на укрепление

их атеистического влияния в семье, внедрение советских обрядов – комсомольские свадьбы, посвящение в рабочие [18; л. 1–2].

Одной из форм работы по привитию навыков атеистической пропаганды являлось функционирование клуба «Атеист» при Абаканском государственном педагогическом институте. В 1976 г. в клубе «Атеист» занимались 43 студента. Из членов клуба была создана лекторская группа. Выпускники клуба выступали с лекциями во время педагогической практики, а первокурсники – у себя в группах [18; л. 5–6]. Существенным вкладом работы клуба «Атеист» в области атеистической пропаганды стало проведение атеистических мероприятий. На таких мероприятиях студенты получали навыки пропаганды научного атеизма среди населения, навыки лекторского мастерства и индивидуальной работы с верующими. Наряду с тематическими мероприятиями клуб совместно с обществом «Знание» проводил лекции на предприятиях, в общежитиях города, лекции в училищах и школах городов и сел [15; л. 61–63]. Подобные атеистические клубы функционировали и в других регионах Сибири. К примеру, в Иркутской области атеистические мероприятия организовывал клуб атеиста при иркутской студии телевидения [19, с. 207].

Наряду с работой местных отделений ВЛКСМ, клуба «Атеист», атеистической работой среди молодежи в Абакане занималась молодежная комиссия во главе с секретарем горкома ВЛКСМ В. А. Никулиным. Комиссия следила за тематической направленностью лекций, читаемых в молодежных аудиториях. В рассматриваемый период в городе работали свыше 150 лекторов, выступающих по молодежной проблематике [20, л. 100].

Важной проблемой атеистического воспитания были случаи крещения детей [11; л. 6; 15, л. 2]. В этой связи атеистическая работа с детьми начиналась в детских дошкольных учреждениях. Например, в детских садах Ширинского района проводились атеистические беседы, утренники, формировалось правильное представление о мире через художественную деятельность [11, л. 9].

Одним из направлений атеистической работы в системе образования являлось атеистическое воспитание школьников. Советская общеобразовательная школа на протяжении всего времени своего существования осуществляла задачи коммуни-

стического воспитания детей и подростков [21, с. 112]. Учителя старались подавать материал таким образом, чтобы формировать у учащихся твердые антирелигиозные убеждения, представления о несовместимости научных и религиозных знаний [10, л. 30]. Направления атеистической работы в школах включали в себя атеистическое воспитание в процессе обучения – все уроки должны были формировать у школьников атеистическое мировоззрение. Проводилась атеистическая внеклассная, внешкольная и индивидуальная работа [12; л. 51–55]. Кроме того, были организованы спортивные секции, районные соревнования, экскурсии на предприятия района, поездки по городам области и страны [11, л. 9].

Особенно интенсивная атеистическая работа проводилась в трех школах г. Черногорска, где училось наибольшее количество детей верующих. Всего в школах города в 1976 г. по официальным данным обучалось 155 детей из семей верующих. Все учащиеся были записаны в библиотеку. В результате атеистической работы стали лучше посещать уроки иностранного языка, физической культуры и пения [18; л. 11, 13–14]. Нередко на фоне разной информации в школе и семье, между родителями и детьми возникали конфликты. Так, в средней школе № 7 г. Абакана мать называла детей раскольниками, отмечая, что они испорчены школой [12, л. 39].

В школах г. Черногорска в целях атеистического воспитания учителя подчеркивали преимущества социалистической системы хозяйства пред капиталистической, противопоставляли агрессивную внешнюю политику США и миролюбивую политику СССР, ситуацию безработицы в «западных» странах, прививали чувство патриотизма, преимущества советского образа жизни перед капиталистическим. По этим темам проводились политинформации, классные часы, пионерские сборы, конференции. На политинформациях приводились примеры из газет о трагедии людей, выезжающих за границу и об их желании вернуться назад [22; л. 12–13]. Публикации в газетах специально имели яркие названия с целью привлечения читателей [1, с. 194].

При этом атеистическая работа не ограничивалась уроками и внеклассными мероприятиями. Значительное влияние на учеников оказывали областные, городские, районные, сель-

ские, школьные библиотеки, в задачи которых также входило атеистическое воспитание [18, л. 11]. По мнению некоторых исследователей, фактически в СССР атеистической пропаганды и атеистического воспитания не было, а проводилась антирелигиозная борьба, в том числе средствами пропаганды [1, с. 189].

Примечательно, что в задачи школьных библиотек входило предлагать детям незаметно атеистическую литературу [23, л. 23]. В библиотеках Бейского района области были оформлены выставки «Великие еретики», «Календарь атеизма». В библиотеках г. Саяногорска были организованы читательские конференции по книгам Э. Аленника «Анастасия», С. Львова «Спасите наши души», В. Тендрякова «Чудотворная» и др. [15; л. 24, 52]. Библиотекарь с. Очуры Аскизского района читала лекции и проводила беседы по темам «Наука и религия», «Вероисповедание пятидесятников» и др. В библиотеке школы действовал стенд «Опиум народа», демонстрирующий атеистическую литературу [11, л. 13]. В других регионах Сибири, например Алтайском крае, районные и сельские библиотеки также активно использовали в атеистическом воспитании книги, организовывали выставки [18, л. 54].

Для классных руководителей, библиотечных работников, ответственных за атеистическую работу городской отдел народного образования совместно с методическим кабинетом, отделом пропаганды и агитации горкома КПСС организовывали обучение и мероприятия по обмену опытом [15, л. 44]. Одним из важнейших каналов атеистической пропаганды в Хакасии являлась местная пресса. В частности, в газете «Советская Хакасия» за 1976 г. планировалось поднимать вопросы атеизма в формате статей и корреспонденции местных ученых, пропагандистов и журналистов. Материалы газеты планировалось наполнить информацией об обобщении опыта атеистической работы, о методах и формах индивидуальной работы, об атеистическом воспитании в школах. Кроме того, планировалось включение материалов о реакционной сущности сектантства, бесед с верующими, аннотаций книг и брошюр на антирелигиозные темы. Газета также популяризировала журнал «Наука и религия». Помимо этого, к публикации готовились статьи по темам «Наука против религии», «Жизнь против религии» [15, л. 53].

Редакцией другой областной газеты «Ленин-Чолы» в рамках научно-атеистической пропаганды в 1976 г. планировалось наполнить разными материалами тематический раздел «В помощь атеисту». В газете публиковались материалы о формах и методах атеистической работы, авторами которых были научные работники, преподаватели пединститута, средних учебных заведений, работники областного комитета КПСС, отдела культуры, областной библиотеки. Особое внимание уделялось информации о внедрении новых советских праздников и обрядов. Ряд публикаций был посвящен религиозной обрядности, например, «Хакасская свадьба, ее красочные стороны и некоторые недостатки», «Отрицательная роль поминок и борьба с ними» [15, л. 56].

Районные и городские газеты в Хакасии также продолжали публиковать материалы по атеистической работе. Так, в местной газете «Пламя коммунизма» Ширинского района в 1978 г. вышли статьи «Атеистическое воспитание в школе на уроках физики», «Кто есть Христос?», «Ритуал – дело серьезное». В них давалась информация «об антиобщественной деятельности некоторых сектантов, присутствовали дискуссии на атеистические темы [11, л. 10]. Статьи, нацеленные на атеистическую пропаганду», публиковались также в районной газете Алтайского района «Сельская правда» в рубрике «Беседы атеиста» [25, л. 21].

Существенное значение имели организация и проведение атеистической пропаганды в учреждениях культуры. Так, в учреждениях культуры Бейского района в 1975 г. было проведено 40 лекций и бесед на атеистические темы «Как человек создал Бога», «Государство Ватикан», «Чудеса и явления» и др. Кроме того, в районе проводились читательские конференции, тематические вечера, сходы граждан, на базе автоклубов работал кинолекторий по общественно-политической тематике [15, л. 24].

В г. Саяногорске совместно с обществом «Знание» проводились лекции «Религия – враг человечества», «Реакционная сущность религии», «Происхождение человека», «Религия и дети» и др. В доме культуры г. Саяногорска размещались стенды, плакаты, книжные вставки «От мрака к свету», «В поисках истины», «Природа и человек» и др. Кроме того, организовывались беседы и обзоры «Разоблачение тайн», «Мы порвали с религией», «Сотворение мира», «Секты и сек-

танство», проводились тематические вечера «Наука о Земле, небе и человеке», «Наука и религия о жизни и смерти», «Человек, космос, религия» и др. Лектории атеизма при народных университетах проводились на базе ДК Абазы, Сорска, Теи, Аскизкого ЛПК, Абакана [15, л. 52]. При ДК в Ширинском районе в 1978 г. функционировало 93 различных кружка, которые посещали 1229 человек [11, л. 11].

Для формирования материалистического мировоззрения также организовывался показ тематических фильмов. Например, в 1976 г. в Орджоникидзевском районе демонстрировались фильмы «Божьи Свидетели. С тех пор как помнит история», «Эмиссары. Нищие духом». В Ширинском районе показывали фильмы под названием «Тучи над Борском», «Чудотворная». Абаканская студия телевидения показывала короткометражные фильмы: «Божий Свидетель», «Липкая паутина», «Дом на окраине». Кроме того, планировалось показывать лекции по атеизму. Студия телевидения должна была их создавать совместно с обществом «Знание», используя местные фотоматериалы и киносъемки [15; л. 54–55].

На рубеже 1970–1980-гг. в атеистической пропаганде в Хакасии продолжали применяться культурно-просветительские формы и методы, внедрение советских традиций и культурно-художественной самодеятельности [15; л. 64–65]. Новые гражданские обряды в СССР создавались и активно внедрялись с целью заменить и вытеснить религиозную обрядность [26, с. 408].

В г. Черногорске в целях распространения новых советских ритуалов проводились праздники: «Слава труду», «Проводы в армию», «Народ и армия едины», «День памяти погибших черногорцев в ВОв и умерших труженников города», «Вручение советского паспорта». Кроме того, организовывались торжественные регистрации бракосочетаний [11, л. 27].

Отдельно следует упомянуть, что в районах Хакасии проводилась работа не только по внедрению советских обрядов в быт граждан в виде торжественных регистраций, обрядов имянаречения, праздников первой борозды, урожая. При райкомах и исполкомах КПСС в первой половине 1980-х г. действовали комиссии по традициям, например, в Аскизском районе. Такая комиссия занималась ежегодным проведением праздника «Тун пайрам» [27, л. 54].

Результативность атеистической работы оценивалась рядом показателей. Одним из таких важных моментов была массовая информированность. Считалось, что большое число проданных книг, телевизоров, радиоприемников, подписок на газеты и журналы, количество радиоточек имеют определенное влияние на постепенное отмирание религиозных предрассудков, старых обычаев и обрядов [15, л. 25]. Важным результатом качественно проведенной атеистической работы также считалось отсутствие роста верующих или снижение их численности, участие в общественных мероприятиях, выборах, служба в армии [11; л. 2–3, 21 и др.].

Особенно ценным показателем успешности атеистической пропаганды были конкретные примеры отхода людей от веры [28, л. 4; 23, л. 22]. При этом в ходе проведения атеистической пропаганды возникали некоторые трудности. Так, например, в Орджоникидзевском районе области в 1978 г. работа с лекторским составом по атеизму с комсомольскими профсоюзными организациями была признана недостаточной [11, л. 3]. В г. Абакане среди недостатков отмечались слабое ведение индивидуальной работы по месту жительства верующих и случаи совершения религиозных обрядов, особенно крещения детей [28, л. 5].

Важно подчеркнуть, что большую атеистическую работу в Хакасской автономной области проводили медицинские учреждения [11, л. 14]. В здравпунктах предприятий и в учреждениях города, в стационарах и поликлиниках городской больницы медики оформляли уголки, читали лекции, проводили беседы на атеистические темы [28, л. 4].

В детской больнице и роддоме г. Абакана атеистическая пропаганда среди населения велась в соответствии с разработанными планами. Например, в детской больнице работал лекторий «Атеист», а в роддоме был создан совет по атеизму, оформлена «Комната счастья», где проводилась торжественная выписка новорожденных [20, л. 52]. На базе горздравотдела области был создан народный университет «Здоровье». Научно-атеистическую пропаганду в городе вели 18 лекторов городского звена [20, л. 91]. В других регионах Сибири медики также оказывали существенное влияние на распространение научного атеизма. Так, на юге Западной Сибири большую работу проводил отдел здравоохранения и медицинские учреждения [6, с. 100].

Большую озабоченность в областной партийной организации вызывали эмиграционные настроения некоторых пятидесятников г. Черногорска. Кроме того, в общинах пятидесятников было много молодых людей. В связи с этим в городе проводилась интенсивная атеистическая пропаганда. Пропаганду в г. Черногорске продолжали вести городской совет атеистов при горкоме КПСС, городская организация общества «Знание», газета «Черногорский рабочий», учебные заведения, учреждения культуры [11, л. 27]. В 1977 г. горком КПСС усилил атеистическую работу среди трудящихся города. Были организованы массово-политические мероприятия, индивидуальная работа в семьях верующих. Более активно стали работать административные органы и комиссия по контролю за соблюдением законодательства о культах при горисполкоме [11; л. 21, 27].

Существенную работу проводили первичные партийные организации Черногорска. В трудовых коллективах и по месту жительства трудящихся предпринимались меры по созданию атеистического общественного мнения по вопросам жизни и поведения трудящихся. Партийные структуры организовывали обсуждение газетных статей в коллективах, проводили рабочие собрания. Так, на шахте «Енисейская», на заводе строительных материалов и конструкций, в автобазе объединения «Красноярскуголь» и других предприятиях проводилось обсуждение по поводу написания заявлений с просьбой о выезде за границу отдельными верующими [11, л. 28].

Следует отметить, что официальная регистрация религиозных общин способствовала тому, что они соблюдали законодательство. В этой связи одним из основных путей снижения эмиграционных настроений являлась работа комиссий содействия по контролю за соблюдением законодательства о культах. Итогом работы, например, стала регистрация в августе 1975 г. общины пятидесятников А. А. Миллера [29, л. 31]. К 1979 г. пятидесятники в большинстве своем стали признавать советское гражданство, получать паспорта, обучать детей в школах, служить в рядах Советской Армии, посещать рабочие и школьные родительские собрания. Кроме того, многодетные семьи стали получать пособия, выписывать газеты и журналы, получать квартиры, пользоваться медицинской помощью и санаторно-курортным лечением

[29, л. 38]. Если в 1975–1977 гг. верующие активно ходатайствовали о выезде в капиталистические страны, то с 1979 г. некоторое время таких заявлений не поступало [30, л. 54].

Процесс омоложения баптистских и пятидесятнических общин на стыке 1970–1980-х гг. привел к усилению атеистического воспитания молодежи. Так, в 1979 г. в г. Абакане велась работа с молодыми людьми, проживавшими в общежитиях вагонного депо, трикотажной фабрики «Хакасия», кооперативного училища, педагогического института. В них были оформлены уголки, работал клуб «Атеист» при пединституте – проводились лекции, вечера вопросов и ответов газеты по атеистической проблематике, а также диспуты, посвященные вопросам мировоззрения [16, л. 4]. Мероприятия по отвлечению молодежи от религии проводились и в других регионах страны. Так, в Оренбургской области была улучшена культурно-просветительская работа клубов и красных уголков. В Шадринском педагогическом институте Курганской области для студентов был оборудован планетарий, организовывались атеистические вечера, выставки на сатирические темы [31, с. 144].

Прямая критика религии, которая еще занимала большое место, признавалась неэффективной, т. к. не только оскорбляла чувства верующих, но и вредила дальнейшему проведению атеистической пропаганды. В этой связи акцент в атеистической работе делался на рассмотрении проблем, позитивно утверждающих материалистическое мировоззрение, научный атеизм [10, л. 13]. Агитаторы подчёркивали, что индивидуальная работа неэффективна в силу неправильного подхода, основанного на критике несостоятельности религиозных идей. Попытка выстроить взаимодействие между агитатором и верующим не приводила к налаживанию контакта. Сами агитаторы отмечали, что допускались дискриминационные действия в отношении верующих, что мешало их атеистическому воспитанию. Кроме того, было зафиксировано, что в коллективах не создана атмосфера дружбы и сотрудничества, уважения, а чувство одиночества, неудовлетворенности, беспомощности заставляло людей идти в религию. По мнению исследователей, научный атеизм в большинстве случаев сводился к критике и разоблачению сущности религии, а атеистическая пропаганда заменялась антирелигиозной

борьбой, которая характеризовалась неуважением к людям, нетактичностью и нередко оскорбительным тоном [1, с. 198].

Значительный ущерб делу атеистического воспитания наносили факты нарушения отдельными руководителями принципов политики КПСС в отношении верующих, советского законодательства о религиозных культах [10; л. 14–16]. В этой связи предлагалось не преодолевать «религиозные пережитки» административными мерами, а вести настойчивую атеистическую пропаганду. Пример такого доброжелательного отношения, теплого психологического микроклимата, заботы и внимания вместо лекций атеистического содержания был реализован в 1979 г. на Абаканском производственном швейном объединении, сотрудница которого благодаря такому чуткому подходу отошла от религии [29; л. 27–28].

Наряду со случаями перегибов со стороны региональных органов власти и руководства организаций все чаще отмечалось снижение внимания к деятельности самих религиозных общин. В Черногорске, Абакане, в ряде районов проводились нелегальные собрания т. н. сектантов, к которым в советское время относились преимущественно последователи разных протестантских направлений. В служебных документах отмечалось, что содержание проповедей, которые произносились на них, не изучалось. Кроме того, принципы свободы совести и законодательства о культах разъяснялись слабо. Функции комиссии содействия по соблюдению законодательства о культах и советов при партийных комитетах по организации атеистического воспитания стали смешиваться, как это было, например, в с. Копьево [10, л. 16].

Важно отметить, что при отсутствии т. н. сект в населенном пункте атеистическая работа носила профилактический характер. Выявлялись семьи верующих или склонных к вере, за которыми закреплялись агитаторы. Подобная ситуация сложилась с одной семьей на предприятии «Саянмрамор» [11; л. 39–40]. Кроме того, одним из важных направлений атеистической работы являлась пропаганда среди неверующей части населения, поскольку считалось, что отсутствие активной позиции по отношению к традициям и предрассудкам приводило к индифферентизму и мировоззренческой беспринципности [32; л. 33–34].

Обсуждение и выводы

Таким образом, в Хакасской автономной области атеистической работой во второй половине 1970-х гг. занимался отдел пропаганды и агитации областного комитета и районные комитеты КПСС, областной совет научного атеизма, областная организация общества «Знание», областной комитет ВЛКСМ, библиотеки, учреждения культуры и медицинские учреждения. Большое значение имела деятельность клуба «Атеист» при Абаканском государственном педагогическом институте. Существенное внимание уделялось атеистическому воспитанию в детских садах и школах, поскольку основной задачей являлось сокращение воспроизводства религии в новых поколениях. Другой важной задачей атеистической пропаганды была ликвидация эмиграционных настроений среди пятидесятников Черногорска. Директивное усиление атеистической работы приводило к широкомасштабному планированию, часть которого так и оставалась невыполненной. В рассматриваемый период наблюдались попытки улучшения эффективности атеистической пропаганды через формирование отношений дружбы и сотрудничества между атеистами и верующими, однако фактически все еще имели место быть факты грубого отношения и дискриминации верующих. Как и ранее, еще с начала 1950-х гг. эффективной считалась индивидуальная работа, при этом все чаще стал применяться комплексный подход к атеистической работе.

Список литературы

1. Сосковец Л. И. Феномен советского антирелигиозного агитпропа // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2005. – № 288. – С. 189–199.
2. Сосковец Л. И. Антирелигиозные практики советского государства: цели, структура, этапы, средства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9 (35): Ч. II. – С. 178–182.
3. Горбатов А. В. Пропаганда и СМИ в период хрущевской антирелигиозной кампании (1954–1964 гг.) // Вестник КемГУ. – 2014. – № 3 (59). – С. 157–160.
4. Ключева В. П. «В настоящее время религия переживает серьезный кризис»: реакция советских верующих на антирелигиозную пропаганду // ВИАЭ. – 2015. – № 4 (31). – С. 143–150.
5. Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 – середине 1960-х гг. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 140 с.
6. Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 152 с.

7. Жеребятъева Е. Е. Правовое положение протестантских организаций и атеистической работа в Алтайском крае (1945–1980-е гг.) // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2009. – № 4–1. – С. 79–82.

8. Дашковский П. К., Ожиганов А. Н. Атеистическая пропаганда в Хакасии в середине 1960 – середине 1970-х гг. // Народы и религии Евразии. – 2022. – № 27(3). – С. 144–161.

9. Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 356 с.

10. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-2. Оп. 14. Д. 103

11. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-2. Оп. 14. Д. 70.

12. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-2. Оп. 14. Д. 51.

13. Васильева Л. Атеистический агитпоезд // Советская Хакасия. – 1977. – 8 апреля. – С. 3.

14. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-2. Оп. 13. Д. 32.

15. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-2. Оп. 14. Д. 50.

16. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-11. Оп. 46. Д. 25.

17. Баланцев А. В., Слезин А. А. Антирелигиозная деятельность раннего комсомола как фактор формирования общественных настроений российской провинции // Альманах современной науки и образования. – 2012. – № 10. – С. 30–33.

18. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-12. Оп. 50. Д. 85.

19. Желновакова М. Ф. Методы борьбы советской власти с протестантизмом в 1920–1980-х годах на примере Иркутского региона // Вестник ИрГТУ. – № 3 (43). – 2010. – С. 203–207.

20. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-2. Оп. 14. Д. 161.

21. Сажин П. Д. Атеизм в теории и практике советской школы 1950–1960-х гг. (на примере Горьковской области) // Вестник ПСТГУ. Богословие. Философия. – 2013. – Вып 3 (47). – С. 112–124.

22. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-4. Оп. 61. Д. 36.

23. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-31. Оп. 48. Д. 21.

24. Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Атеистическая пропаганда на Алтае как элемент государственно-конфессиональной политики в 1964–1982 гг. // Религиоведение. – 2019. – № 2. – С. 47–55.

25. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-2. Оп. 13. Д. 92.

26. Жидкова Е. С. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 2 (30). – С. 408–429.

27. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-2. Оп. 16. Д. 120.

28. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-11. Оп. 46. Д. 25.

29. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-2. Оп. 9. Д. 25.

30. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. П-2. Оп. 13. Д. 31.

31. Шакирова Э. З. Работа партийных организаций КПСС с верующими в 1950-х – 1980-е годы (на материалах Оренбургской, Челябинской, Курганской и Куйбышевской областей) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2009. – № 37 (175). – С. 142–150.

32. ГКУ РХ «Национальный». Ф. П-9. Оп. 75. Д. 32. Л. 33–34.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Atheistic Propaganda in the Khakass Autonomous Region as a Direction of Soviet State-confessional Policy in the Second Half of the 1970s

Petr K. Dashkovskiy, Aleksandr N. Ozhiganov

Based on the analysis of normative legal documents, resolutions of the Central Committee of the CPSU and local party bodies, materials of the National Archive of the Republic of Khakassia and the State Archive of the Krasnoyarsk Territory, the article examines the implementation of atheistic propaganda in the Khakass Autonomous Region, taking into account the main trends of the USSR state-confessional policy in the second half of the 1970s. The study found that regional executive and party authorities, the regional council of scientific atheism, the regional organization of the society "Knowledge", the regional committee of the Komsomol, libraries, cultural institutions and medical institutions were engaged in atheistic work in Khakassia. The activity of the Atheist club at the Abakan State Pedagogical Institute was of great importance. The main forms of conducting atheistic propaganda, as in the previous period, were public lectures, collective and individual conversations, evenings of questions and answers, film lectures, holding non-religious holidays, etc. Particular attention was paid to the atheistic education of students in the region. Atheistic propaganda, along with coverage of the standard of living in capitalist countries, was used as a tool to combat emigrant sentiments that were widespread in certain circles of Protestant denominations followers. During the period under review, there were attempts to improve the effectiveness of atheist propaganda through the formation of cooperative relations between atheists and believers, but actually there were still facts of discrimination against believers. Despite the measures taken by the regional executive and party authorities, nevertheless, it was not possible to achieve the complete eradication of the religious worldview among the residents of Khakassia, although some local positive results were achieved.

Key words: Khakassia, state-confessional policy, atheistic propaganda, religious communities, Siberia.

Acknowledgements: The research was supported financially by the Russian Science Foundation within the project № 23-18-00117.

For citation: Dashkovskiy, P. K., Ozhiganov, A. N. (2023) Ateisticheskaya propaganda v Hakasskoj avtonomnoj oblasti kak napravlenie sovetsskoy gosudarstvenno-konfessional'noj politiki vo vtoroj polovine 1970-h gg. [Atheistic Propaganda in the Khakass Autonomous Region as a Direction of Soviet State-confessional Policy in the Second Half of the 1970s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 72-91. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_3_72. EDN: XNXADA

References

1. Soskovets, L. I. (2005) *Fenomen sovetskogo antireligioznogo agitpropa* [The phenomenon of Soviet antireligious agitprop]. *Vestn. Tom. gos. un-ta* [Bulletin of the Tomsk State University]. No. 288. Pp. 189–199. (In Russ.)
2. Soskovets, L. I. (2013) *Antireligioznye praktiki sovetskogo gosudarstva: celi, struktura, etapy, sredstva* [Antireligious practices of the Soviet state: goals, structure, stages, means]. *Istoricheskie*,

filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. No. 9 (35): Part 2. Pp. 178–182. (In Russ.)

3. Gorbatov, A. V. (2014) *Propaganda i SMI v period hrushchevskoj antireligioznoj kampanii (1954–1964 gg.)* [Propaganda and the media during the Khrushchev anti-religious campaign (1954–1964)]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of KemSU]. No. 3 (59). Pp. 157–160. (In Russ.)

4. Klyueva, V. P. (2015) «*V nastoyashchee vremya religiya perezhivaet ser'eznyj krizis*»: reakciya sovetских veruyushchih na antireligioznyuyu propagandu ["Religion is currently experiencing a serious crisis": the reaction of Soviet believers to anti-religious propaganda]. *VAAE* [VAAE]. No. 4 (31). Pp. 143–150. (In Russ.)

5. Dashkovsky, P. K., Siebert, N. P. (2020) *Gosudarstvenno-konfessional'naya politika na yuge Zapadnoj Sibiri v konce 1917 – seredine 1960-h gg.* [State-confessional policy in the South of Western Siberia at the end 1917 – mid-1960s] Barnaul: Publishing house of Alt. un. (In Russ.)

6. Dashkovsky, P. K., Dvoryanchikova, N. S. (2022) *Sovetskaya i Rossijskaya gosudarstvenno-konfessional'naya politika na yuge Zapadnoj Sibiri* [Soviet and Russian state-confessional policy in the South of Western Siberia]. Barnaul: Publishing house of Alt. un-ta. (In Russ.)

7. Zherebyatyeva, E. E. (2009) *Pravovoe polozhenie protestantskih organizacij i ateisticheskaya rabota v Altajskom krae (1945–1980-e gg.)* [The legal status of Protestant organizations and atheistic work in the Altai Territory (1945–1980s)]. *Izvestiya Altajskogo gos. un-ta* [Bulletin the Altai State University]. No. 4–1. Pp. 79–82. (In Russ.)

8. Dashkovsky, P. K., Ozhiganov, A. N. (2022) *Ateisticheskaya propaganda v Hakasii v seredine 1960 – seredine 1970-h gg.* [Atheistic propaganda in Khakassia in the mid-1960s – mid-1970s]. *Narody i religii Evrazii* [Nationals and Religions of Eurasia]. No. 27 (3). Pp. 144–161. (In Russ.)

9. Nikolskaya, T. K. (2009) *Russkij protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 godah* [Russian Protestantism and state power in 1905–1991]. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. (In Russ.)

10. GKU RH "National Archive". F. P-2. Op. 14. D. 103. (In Russ.)

11. GKU RH "National Archive". F. P-2. Op. 14. D. 70. (In Russ.)

12. GKU RH "National Archive". F. P-2. Op. 14. D. 51. (In Russ.)

13. Vasilyeva, L. (1977) *Ateisticheskij agitpoezd* [Atheistic propaganda train]. *Sovetskaya Hakasiya* [Soviet Khakassia]. April 8, 1977. P. 3. (In Russ.)

14. GKU RH "National Archive". F. P-2. Op. 13. D. 32. (In Russ.)

15. GKU RH "National Archive". F. P-2. Op. 14. D. 50. (In Russ.)

16. GKU RH "National Archive". F. P-11. Op. 46. D. 25. (In Russ.)

17. Balantsev, A. V., Slezin, A. A. (2012) *Antireligioznaya deyatel'nost' rannego komsomola kak faktor formirovaniya obshchestvennyh nastroyenij Rossijskoj provincii* [Antireligious activity of the early Komsomol as a factor in the formation of public sentiment in the Russian province]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education]. No. 10. Pp. 30–33. (In Russ.)

18. GKU RH "National Archive". F. P-12. Op. 50. D. 85. (In Russ.)

19. Zhelnovakova, M. F. (2010) *Metody bor'by sovetskoj vlasti s protestantizmom v 1920–1980-h godah na primere Irkutskogo regiona* [Methods of struggle of the Soviet government against Protestantism in the 1920s-1980s on the example of the Irkutsk region]. *Vestnik IrGTU* [Bulletin of IrSTU]. No. 3 (43). Pp. 203–207. (In Russ.)

20. GKU RH "National Archive". F. P-2. Op. 14. D. 161. (In Russ.)

21. Sazhin, P. D. (2013) *Ateizm v teorii i praktike sovetskoj shkoly 1950–1960-h gg. (na primere Gor'kovskoj oblasti)* [Atheism in theory and practice of the Soviet school of the 1950s-1960s (on the example of the Gorky region)]. *Vestnik PSTGU. Bogoslovie. Filosofiya* [Vestnik PSTSU. Theology. Philosophy]. No. 3 (47). Pp. 112–124. (In Russ.)

22. GKU RH "National Archive". F. P-4. Op. 61. D. 36. (In Russ.)

23. GKU RH "National Archive". F. P-31. Op. 48. D. 21. (In Russ.)

24. Dashkovsky, P.K., Dvoryanchikova, N.S. (2019) *Ateisticheskaya propaganda na Altae kak element gosudarstvenno-konfessional'noj politiki v 1964–1982 gg.* [Atheistic propaganda in Altai as an element of state-confessional policy in 1964–1982]. *Religiovedenie* [Religious Studies]. No. 2. Pp. 47–55. (In Russ.)

25. GKU RH "National Archive". F. P-2. Op. 13. D. 92. (In Russ.)

26. Zhidkova, E. S. (2012) *Sovetskaya grazhdanskaya obryadnost' kak al'ternativa obryadnosti religioznoj* [Soviet civil rite as an alternative to religious rite]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. No. 2 (30). Pp. 408–429. (In Russ.)
27. GKU RH "National Archive". F. P-2. Op. 16. D. 120. (In Russ.)
28. GKU RH "National Archive". F. P-11. Op. 46. D. 25. (In Russ.)
29. GKU RH "National Archive". F. P-2. Op. 9. D. 25. (In Russ.)
30. GKU RH "National Archive". F. P-2. Op. 13. D. 31. (In Russ.)
31. Shakirova, E. Z. (2009) *Rabota partijnyh organizacij KPSS s veruyushchimi v seredine 1950-h – 1980-e gody (na materialah Orenburgskoj, CHelyabinskoj, Kurganskoj i Kujbyshevskoj oblastej)* [The work of party organizations of the CPSU with believers in the mid-1950s – 1980s (based on the materials of the Orenburg, Chelyabinsk, Kurgan and Kuibyshev regions)]. *Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* [Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archeology]. No. 37 (175). Pp. 142–150. (In Russ.)
32. GKU RH "National Archive". F. P-9. Op. 75. D. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.05.2023
Одобрена после рецензирования 14.05.2023
Принята к публикации 06.06.2023

«Евреев на жительство и временном пребывании не находится»: к вопросу о положении национальных меньшинств в российской провинции в первой половине XIX века (по материалам Смоленской губернии)

Н. В. Никитина, С. С. Чиков

Статья подготовлена на основе анализа неопубликованного документального материала, отложившегося в Государственном архиве Смоленской области, характеризующего разные аспекты пребывания еврейского населения в российской провинции в первой половине XIX века. Авторы обращают внимание на позицию официальной власти в этом вопросе, а также приводят факты, свидетельствующие о вполне прочном жительстве представителей еврейской общины вне черты оседлости, выявляя причины этого процесса в регионе. Одной из важнейших особенностей Смоленской губернии является ее приграничное положение, что обусловило достаточно активное участие еврейского населения в ее хозяйственной и социальной жизни. Анализ архивного материала свидетельствует о том, что чаще всего евреи попадали в поле зрения властных структур в связи с нарушением закона, совершением противоправных действий. Однако вполне успешные примеры существования еврейских фамилий в разных профессиональных сферах прослеживаются в документах ГАСО. Анализируя особенности жизни евреев в пределах Смоленской губернии, авторы обращаются к специфике социального бытования этой группы населения в инновационной и инонациональной среде, акцентируя внимание на ее взаимоотношениях с властными структурами.

Ключевые слова: Смоленская губерния; первая половина XIX века; социальная история; еврейское население.

Для цитирования: Никитина Н. В., Чиков С. С. «Евреев на жительство и временном пребывании не находится»: к вопросу о положении национальных меньшинств в российской провинции в первой половине XIX века (по материалам Смоленской губернии) // История повседневности. – 2023. – № 3. – С. 92–108. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_92. EDN: QIOTVK

Введение

Сегодня в российском академическом сообществе наметилась устойчивая тенденция повышения внимания к истории евреев, проживавших в Российской империи в различные исторические периоды. Интерес исследователей обращен в том числе к правовым и социальным аспектам истории евреев в провинциальной России. Смоленская губерния первой половины XIX века – сложный конгломерат взаимоотношений населяющих ее народов и национальностей. Для изучения и всестороннего анализа этноконфессиональных отношений необходимо обращаться к истории края с многовековым опытом различного взаимодействия этносов между собой.

В настоящее время как в России, так и в мире в силу различных социально-экономических проблем вновь возникают идеи превосходства отдельных народов над другими, обвинение одного конкретного этноса во всех бедах, в попытках увязать его конфессиональные, культурные, расовые особенности с этими проблемами. Именно поэтому так необходимо обращаться сегодня к уникальному опыту взаимоотношений этнического меньшинства с инонациональным окружением: какие проблемы взаимоотношений и пути их решений были найдены.

История бытования еврейской диаспоры вне черты оседлости в первой половине XIX века в последние годы становилась предметом научного осмысления, в основном в региональном аспекте. Необходимо отметить монографию В. Н. Шайдурова, в которой особенности положения еврейской общины в дореформенный период представлены на материалах Западной Сибири [1]. Исследователи В. И. Пашнева и И. Е. Паршичева анализируют социально-экономическое и правовое положение евреев в Крыму в XIX веке [2]. В статье Е. М. Главацкой и Е. А. Заболотных представлен анализ браков в еврейской среде вне черты оседлости на материалах Екатеринбурга в том числе и за 1830–1840-е гг. [3].

История евреев, проживающих на территории российско-белорусского приграничья в первой половине XIX века, до настоящего времени лакуарна, изучена крайне неравномерно. Отчасти это можно объяснить плохой документированностью этого периода, поскольку евреи редко попадали в поле зрения официальной власти вне черты оседлости, информация о них

«рассыпана» по многим архивным фондам, отложившимся в Государственном архиве Смоленской области (далее – ГАСО). Однако тема «молчаливого присутствия» евреев на территории Смоленской губернии в XVIII – первой половине XIX века поднималась в ряде статей В. А. Герасимовой [4; 5]. Авторы данной статьи ранее обращались к данной проблематике, но основное внимание было уделено анализу информационного потенциала архивных фондов Государственного архива Смоленской области для исследования социокультурной жизни еврейского населения [6; 7]. Приходится признать, что в настоящий момент остаётся множество «белых пятен», касающихся правового и социального положения евреев в Смоленской губернии, их вклада в культурное и экономическое развитие региона в первой половине XIX столетия.

В предлагаемой работе впервые вводится в научный оборот документальный материал из шести фондов ГАСО. Нами были проанализированы делопроизводственные источники, отложившиеся в фонде 1 – Канцелярия смоленского губернатора, где сосредоточены рапорты городничих и земских судов о количестве проживающих, временно пребывающих евреев на территориях губернии. Также крайне информативными стали фонд 2 – Смоленского губернского правления, фонд 10 – Смоленской казённой палаты и фонд 1260 – Смоленской городской думы, в которых отложились дела о взаимоотношениях местного населения и евреев: жалобы, принятие на работу и т. д. Особенно интересные документы были обнаружены в фонде 28 – Рославльского городского магистрата, который дал возможность показать данную проблематику на уровне отдельного уезда.

Результаты

Изучаемый нами регион Российской империи находился за пределами черты оседлости, однако приграничность его положения вносила свои коррективы в пребывание иудеев на его территории. Самая заметная тенденция конца XVIII – первой половины XIX вв. – постоянное увеличение численности еврейского населения, которое вопреки официальным запретам вполне устойчиво себя здесь проявляло. Анализ документальных материалов позволяет с полным основанием утверждать, что первые сплоченные группы еврейско-

го населения появились на Смоленской губернии в конце XVIII – начале XIX вв., то есть значительно раньше, чем это отмечено в большинстве источников [6; с. 389–390]. Со времен Екатерины II евреи уже играли весьма заметную роль, прежде всего, в хозяйственной жизни региона.

Установлено, что первые упоминания о достаточно устойчивом пребывании евреев на территории Смоленской губернии относят к городу Рославлю и датируются 1780-ми гг. [7, с. 404]. Этот уездный центр граничил с белорусскими землями, поэтому раньше, чем в других частях губернии, в нем расселялись представители еврейского населения. В дальнейшем Рославль стал третьим, а во второй половине XIX в. вторым городом губернии по численности проживающих в нем евреев. Самое раннее задокументированное свидетельство о пребывании еврейского населения в Рославле относится к 1789 г. [7, с. 404]. В нём говорится о судебном разбирательстве, возникшем из-за неоплаченного векселя на 100 рублей рославльским мещанином Иевлевым климовичкому купцу второй гильдии Лейбу Есиповичу [8, л. 10]. Словесный судья Пётр Швердин и присяжный ценовщик Фрол Петрушевский описали домовладение Иевлева, что свидетельствует о вполне устойчивом проживании мещанина Иевлева, еврея по национальности, в этом уездном городе. Стоит также отметить, что тяжба закончилась примирением и долг был возвращён через два года.

В этом же году произошло ещё одно показательное судебное разбирательство. Тяжба разразилась между рославльскими торговцами из значительных купеческих фамилий Шевериных и Мекешиных. В архивном деле содержатся сведения о том, что примирение купцов состоялось «в доме купца еврея Фоибисова при нем Фоибисове и жене его» [9, л. 34]. Из этого можно сделать вывод, что еврейская семья на законных основаниях проживала в собственном доме в Рославле. Более того, удалось установить, что для этого уездного города такое положение дел было не редкостью вплоть до конца XVIII века. Авторам удалось проанализировать более десяти судебных дел этого периода, где евреи выступают либо в качестве фигурантов, либо как свидетельская сторона.

Как уже отмечалось выше, в источниках начала XIX века постоянно встречаются упоминания о проживании предста-

вителей еврейского населения в разных городах губернии. Известно, что законодательство ограничивало пребывание евреев вне черты оседлости, основными способами получения разрешения на оседлое проживание иудеев на территории внутренних российских губерний являлись переход в православную веру, выдача срочного паспорта от гражданского губернатора для ведения торговой деятельности или открытие промышленного заведения.

«Положение об устройстве евреев» от 9 декабря 1804 г. обязывало местные власти регулярно предоставлять списки проживавших на территории губернии представителей этого национального меньшинства с обязательным указанием законности их пребывания. В официальных документах Смоленского губернского правления обнаружен подобный документ, датированный 1815 г., он содержит сведения по Рославльскому уезду. В нем сообщается только о трех евреях, которые проживали в уезде, причем городничий отметил, что в момент составления списка они уже выехали «на богомолье» в места постоянного проживания [7, с. 407; 10]. При этом нельзя не сказать, что официальные данные о проживании евреев на территории губернии или уезда не могут считаться достоверными, так как с одной стороны местные власти могли скрывать наличие евреев в городе или уезде, с другой – значительная часть евреев не была заинтересована оказаться в поле зрения властей, так как это было сопряжено с уплатой налогов и сборов, бюрократической волокитой, сопровождающей любые социальные практики. Поэтому местные чиновники, вероятно, скрывали наличие евреев, легальность положения которых могла быть поставлена под сомнения.

Еврейское население попадало в официальные документы, если так или иначе нарушало правовые условия своего пребывания на территории губернии или совершало уголовные правонарушения. Например, в 1815 г. гражданский губернатор К. И. Аш возбудил дело о сносе самовольно выстроенной неназванным в документе евреем на церковной земле избы в селе Иньково Поречского уезда. Возмущение губернатора вызвал тот факт, что еврей – арендатор местной мельницы не только без разрешения выстроил дом для собственного проживания, а еще и производил в нем продажу вина [11, л. 1]. Указ губерна-

тора гласил, что избу, выстроенную без всякого официального разрешения, немедленно снести, но дополнительных запретительных мер не последовало.

В послевоенном Смоленске обострились межнациональные противоречия, что находило отражение в жалобах смоленских купцов, и было связано с ухудшением экономического благосостояния с одной стороны и поиском виновных в своих неудачах – с другой. Это была лазейка устранить конкурента, хотя нельзя не отметить, что смоленские купцы и так пользовались серьёзной материальной поддержкой от властей (льготы, субсидии, прощение недоимок).

Среди материалов Смоленской городской думы обнаружено прошение и «Общественный приговор» на имя гражданского губернатора К. И. Аша от смоленского торгового сословия, которое даёт представление о причинах неприязненного отношения к еврейскому населению: «Хотя здешние 3 гильдии купцы производят торговлю в городе и уезде, на всех вообще ярмарках, ... известно думе, что имеют они в том ощутимые препятствия даже самые стеснения от водворении в здешнем городе и уезде его евреев, которые взяв у помещиков в арендное содержание дворы и мельницы и поместья себя по питейным домам к продаже напитков, живут там не в малолюдстве, по свойственной им лести и хитрости ведут обширную торговлю, у деревенских жителей закупают хлеб, пеньку, мед, лен, всякие кожи и прочие жизненные припасы, и все то перепродают уже с великим возвышением цен. Поэтому сами купцы не могут ничего купить из первых рук, а следственно имеют препятствие в торговле..., по городу производят тайную продажу ... галантерейных вещей под видом собственных изделий... Городска дума именем своим полагает, когда из здешнего города и уезда евреи будут высланы, тогда купцы 3 гильдии получают от свободной и беспрепятственной торговли приращение к своим капиталам» [12; л. 80–80 об.].

Конечно, таких радикальных мер коронные власти не предпринимали, однако отдельные эпизоды, связанные с полицейским преследованием евреев за незаконную питейную торговлю в архивных делах встречаются достаточно часто. Пореческий уездный суд инициировал дело против сурожского еврея Кохана Язикова, который «жительствовал в местечке

Яковичи» и занимался продажей вина, которое менял у местных крестьян на хлеб [13, л. 1]. Вино у Язикова было изъято в размере одного гарнца (3,28 литра), «оное отдано в Питейную контору», а с торговца взыскали три рубля штрафа. Такая линия поведения власти по отношению к незаконной торговле вином со стороны евреев в сельской местности объяснялась и заботой о народной нравственности, и способом поддержать экономическое положение дворянства, которое весьма активно занималось питейными откупками.

Активным участником торговых операций на территории Смоленской губернии в послевоенный период был велижский купец третьей гильдии Абель Левинсон. Велиж в этот период входил в состав Витебской губернии, но черта оседлости проходила через территорию этого уезда. Левинсон принимал деятельное участие в казенных откупных операциях, связанных с обслуживанием армии и гарнизона внутренней стражи в губернии. В 1816 г. он попал в неприятную историю: после смерти подполковника Устьянцева, который был командиром внутреннего гарнизонного батальона Смоленска, открылось, что он остался должным «по казенным делам» 3500 р. Эту сумму Смоленское губернское правление пыталось взыскать с велижского купца Левинсона [14; л. 48–48 об.]. Какие взаимоотношения были между подполковником и купцом и чем объясняется задолженность в казну, к сожалению, документально пока не установлено. В следующем 1817 г. смоленские купцы подали жалобу, из которой следовало, что Левинсон не только подобно другим купцам-евреям получил казённый подряд на обслуживание военного госпиталя незаконно, обойдя в этом деле местных купцов, так помимо этого ещё и не доставил половины припасов [12, л. 96].

Очень информативным в плане выявления причин негативного отношения к еврейскому купечеству является составленная в 1817 г. по предложению правительства «Записка» смоленского городского головы Ивана Филимонова. Глава города излагает свои мысли о способах восстановления промышленности и торговли в послевоенном Смоленске. Самым важным препятствием для роста благосостояния местных дельцов Филимонов считал исчезновение смоленских ярмарок (в январе и августе), которые перестали собираться после вой-

ны. При этом он отмечал, что воспользовались этим «поляки, а наиболее евреи», которые после разорения прежних торговых центров переместили ярмарки в новые и более выгодно расположенные (близко к Белорусским губерниям) в сельцах Любавичи и Хиславичи Могилёвской губернии [15; л. 2–4]. Отдельно стоит отметить, что большинство евреев в первой половине XIX века на Смоленщине будет происходить из этих мест и высылать их зачастую будут туда же [18]. В этом же году смоленские купцы просили гражданского губернатора ввести запрет на торговлю в губернском центре евреям. Особенно прочили ограничить возможность торговать сельдью некоему Еврею Кубликовскому [16; л. 259–261, 324]. Впрочем, никаких запретов со стороны властей в документах ГАСО обнаружено не было.

Усиление преследования евреев со стороны властей начинается в 1828 г., когда выходит Указ о воспрещении евреям, выходящим из Царства Польского, водворяться в России, в котором повторяется запрет о нарушении евреями черты осёдлости и распространяется данный закон на выходцев из Польши. При этом местные власти долгое время либо не замечали, либо скрывали наличие евреев, если те были по тем или иным причинам полезны местному хозяйству. Так, нами обнаружено дело 1833 г., в котором содержится запрос в канцелярию губернатора из Министерства внутренних дел от 1 февраля о количестве евреев, проживавших в городах и уездах губернии. В поступавших от нижних земских судов и городничих в течение месяца ответах все чиновники писали: «Евреев на жительстве и временном проживании не находится» [17; л. 1–19]. При этом в сентябре до губернатора дошли слухи, что на территории губернии незаконно проживают евреи, поэтому городничим и земским судам от губернатора поступило распоряжение о строжайшем запрещении иметь евреям не только постоянную в губернии осёдлость, но даже временное проживание без узаконенных паспортов, в случае нарушения запрета предписывалось немедленно выслать их за пределы черты осёдлости. За исполнением этих предписаний губернатор поручил особенно внимательно следить чиновникам по особым поручениям [18; л. 2–4].

Вероятно, запретительные меры и особый контроль за их исполнением возымели на местных чиновников определенное действие. Так, в 1834 г. из Юхновского уезда было выслано че-

тыре еврея мужского пола, которые проживали у дворянского заседателя Коровина в деревне Костюкова. В 1836 г. городничий и земский исправник Юхновского уезда подали рапорт о том, что евреев в уезде ни на временном пребывании, ни на жительстве нет [19; л. 3–6; 9–11]. Однако согласно донесению от 14 марта 1834 г. известно, что евреи проживали у многих помещиков в имениях на постоянной основе в Дорогобужском и Ельнинском уездах: у Гедеоновых, Энгельгардтов, Давыдова, Ермоловой и т. д. [18, л. 9].

Евреи проживали не только в уездах, но и в городах губернии. Так, ельнинский городничий Овсянников сообщал в июне 1834 г., что в Ельне проживает четыре еврейских семейства, занимающихся различными для города «нужными мастерствами», он писал: «... мною неоднократно были высылаемы, но вопли и слёзы их меня от того удерживали». При этом два семейства «ныне» высланы в Хиславичи, ещё два оставлены до особого поручения [18; л. 11–11 об.].

Губернскими властями предпринимались неоднократные попытки выслать евреев, проживавших в помещичьих имениях, однако даже сами власти признавали эти попытки неудачными [18; л. 47–48]. Так, в сентябре 1835 г. чиновник особых поручений несколько раз пробовал высылать семью евреев, проживавших на мельнице у помещика Энгельгардта, однако все эти меры не были реализованы. Чиновник особых поручений Ельчанинов оценивал численность проживавших в середине 1830-х гг. в Ельнинском уезде евреев до 180 семей, абсолютное большинство из которых работало или арендовало мельницы у помещиков. При этом ему удалось передать земскому суду для высылки по месту жительства 23 чел., состоящие в родстве (две семьи) [18; л. 69–70].

В губернском городе Смоленске в этот период евреи находились на первый взгляд легально: поверенный второй гильдии проскуравского купца Давида Ландеберга, полоцкий мещанин еврей Зильман Танхельсвич Коц, которому было разрешено заготовливать припасы и материалы для больных Смоленского военного госпиталя [18; л. 21–21 об.]. Также заготовкой припасов занимались ещё два еврея: Ицка Городецкий и Шик. Но в ноябре 1835 г. от генерал-губернатора пришло предписание о необходимости высылки евреев, так как помимо всего прочего

поступали жалобы от горожан: «под предлогом поставки в госпиталь припасов, помянутые евреи (Городецкий, Коц, Шик – прим. авторов) ... занимаются безбоязненно производством торговли всякого рода и делают другие вредные для местных жителей обороты». Генерал-губернатор был вынужден связаться с Военным министром, чтобы тот по делам о снабжении военного госпиталя сделал зависящие от него распоряжения о недопущении евреев к казенным военным поставкам [18; л. 84–84 об.]. В итоге дело было решено в пользу смоленских купцов: Коц был выслан, а Городецкому и Шику был поставлен предельный срок проживания в Смоленске – до августа [18; л. 86–86 об., 140; 20, л. 8]. К сожалению, содержание архивного дела не позволяет уточнить были ли в полном объеме и в срок выполнены предписания генерал-губернатора.

Иногда евреев в город для работ приглашала местная власть, так в 1835 г. по приглашению Смоленского правления в город прибыл еврей Шлёма Беркович Случ с сыном Давидом. К сожалению, в настоящий момент не удалось установить, зачем их приглашало Смоленское правление.

Официальные делопроизводственные документы часто фиксируют случаи, когда власти не знали, что на вверенной им территории находятся евреи, или же делали соответствующий вид. В поле зрения магистрата по поводу жалобы вяземского мещанина попал еврей Ицка Янкелевич: из расследования стало известно, что сделка между помещичьим крестьянином и Янкелевичем по покупке меди прошла в Смоленске и что Ицка, судя по всему, проживал в губернском центре. Соответствующий запрос был направлен губернатором Смоленскому полицмейстеру Юрову, на что тот ответил, что Ицка Янкелевич не имеет в Смоленске постоянного жительства, но при этом часто бывает в Смоленске. Вопрос о легальности нахождения Янкелевича полицмейстер адресовал Смоленскому земскому исправнику, на что получил ответ, о содержании которого можно судить по следующему письму начальника полиции: «...Г. исправник отозвался, что еврей Ицка весьма часто бывает в г. Смоленске, о квартировании его должно быть ведомо более мне, – каков отзыв его явно обнаруживает всю ту несправедливость, которую осмелился он представить на вид вашего превосходительства...». В связи с этим

полицмейстер был вынужден провести более доскональное расследование о местопребывании и обстоятельствах жизни еврея Ицки Янкелевича [18; л. 101–101 об., 133–136].

Были слухи, что евреи проживали в Гжатском уезде, откуда совершали поездки в ближайшие города, в том числе и в Москву, для заключения торговых сделок. После проверки Гжатского земского суда оказалось, что никаких евреев в уездном городе нет. Этому рапорту вполне можно доверять, т. к. маловероятно, чтобы евреи нелегально смогли проникнуть так далеко на запад губернии, на очень далёкое расстояние от черты осёдлости [15; л. 23–26]. В Рославль евреи приезжали нередко для покупки хлеба и последующей перепродаже его в белорусских губерниях [15, л. 35].

Исследование архивных документов дают представления о профессиональных занятиях евреев на территории Смоленской губернии. Большая часть по вполне понятным причинам занималась торговлей. Однако переход в православие «открывал двери» и для других профессиональных сфер представителям этой национальности. Прежде всего, в сферу медицины, поскольку работа «по медицинской части» была одной из тех социальных практик, в которой крещеные евреи вполне успешно могли себя реализовать, поскольку медицинские вузы (Хирургическая академия, Повивальный институт) давали возможность получить образование представителям этой национальности.

Долгие годы в (с 1803 по 1820-е гг.) подлекарем в Смоленской городской больнице вполне успешно трудился Филипп Новицкий. Этому способствовало то обстоятельство, что до 1803 года он крестился и сумел записаться в смоленское мещанство [20, л. 100]. В уездном городе Духовщина в 1820-е гг. работала повивальная бабка Анна Аронова, которая пользовалась доверием местных жителей [7, с. 409].

Но документы ГАСО позволяют утверждать, что даже не крещеные евреи могли трудиться в разных областях и были вполне востребованы. Например, в Смоленске «с позволения начальства» успешно работал ювелир Фатей Абрамович Бенштель, мещанин, который родился в городе Бабиновичи Могилевской губернии [21, л. 1]. Причем Смоленская ремесленная управа в 1815 г. взымала с него плату в пять рублей за производство

и продажу ювелирных изделий в городе. Вполне легально по указу Смоленского губернского правления в эти же годы практиковал часовщик Озик Мовшович Кроунрод, мещанин, уроженец Могилева [22, л. 65]. Надо заметить, что упомянутое нами Положение 1804 г. давало возможность представителям художественных профессий и механикам вполне легально проживать вне пределов черты оседлости, имея на руках срочный паспорт.

Еще одна сфера, в которой в эти годы проявили себя евреи – портновское мастерство. В Рославле обитала еврейская семья Ицки Хозяткина, который был в этом городе единственным портным [10; л. 1–1 об.]. Известно, что он имел плакатный (т. е. печатный) паспорт: «единственно ... по необходимости и по имению портных для шитья чиновникам мундиров и нижнего платья» [10; л. 1–1 об.]. В обозначенный период в Рославле работал и Абрам Красильников – профессионал «синельного мастерства», который несколько лет проживал в этом уездном городе вместе со своей семьей.

Известно, что евреи часто арендовали мельницы как у городских обществ, так и в дворянских имениях. Законность подобной формы хозяйствования не вызывает сомнений, что подтверждается и эпизодом из истории уездного города Красный, в котором в течение нескольких лет в 1820-е гг. работала единственная гостиница «при почтовом доме», содержанием которой был могилевский мещанин еврей Иван Бианки [23, л. 121 об.].

В 1830-е гг. практика лояльного отношения властей по отношению к профессионалам-евреям, даже не имевшим официального документа на срочное проживание в городах, была продолжена. Если евреи занимались в городе каким-либо важным для жителей ремеслом, местные власти старались найти предлог, чтобы не высылать их. Так, городничий Ельни Овсянников просил сначала губернатора не высылать серебряных дел мастера Иосила, но получил отказ. До последнего он пытался не высылать из города красильщика Израила: как предлог использовалась и болезнь жены мастера, и незавершенность работ по окраске сукна и материи, которую горожане сдали ему. Пока все дела Израилом не были закончены, он оставался в городе [18; л. 73–73 об., 75–75 об., 77–78 об.]. В 1835 г. из Витебска в Духовщину на год прибыл портной еврей Шмерка Шалимович Шерман.

Все эти представители еврейского населения не относились к категориям евреев, имевших законное право на длительное проживание на территории губернии, однако вполне легально это делали, что объясняется экономической необходимостью и лояльностью власти.

Как уже отмечалось, одной из форм легализации положения на территории Смоленской губернии со стороны еврейского населения было принятие православия. Подобные случаи единичны, документами фиксируются крайне редко. История смоленского купца Василия Алексеевича Добровольского показательна с данной точки зрения. Он принял крещение в 1797 г. в селе Хмара Ельнинского уезда, обряд был совершен священником Петром Лавровским. Интересно, что восприемниками Василия были местные помещики – Алексей Короткий и Елена Энгельгардт [16, л. 222]. Несомненно, новое имя, отчество и фамилию Добровольский получил в момент принятия православия, к сожалению, как он звался изначально, не установлено, не удалось пока обнаружить и обстоятельства появления его семьи в пределах Ельнинского уезда. Однако можно предположить, что они оказались в одном из ельнинских имений Энгельгардтов, тем более что и в 1830-е годы подобные случаи в документах отражены. Через 20 лет в 1817 г. Василий вступил в смоленское купечество и был зачислен сначала в третью, а в 1830-е годы во вторую купеческую гильдию. Он принимал активное участие в общественной жизни города, занимал ряд выборных должностей. Пока не удастся восстановить историю жизни «крещеного еврея Михаила Федорова», которому в 1829 г. было выделено место для постройки дома в Рославле на одной из центральных улиц – Большой Смоленской [24, л. 36]. Судьба этих семей вполне успешна, что позволяет утверждать, что принятие православия было тем социальным лифтом, который способствовал легальному проживанию еврейского населения на территории губернии в первой половине XIX века.

Обнаруженные документы свидетельствуют, что не всегда обращение в православие было добровольным актом. Вдова Ханна Бирекова, жительница местечка Шумячи отдала двух сыновей «в науки для научения грамоте» в имении князя Долгорукова. Она жаловалась в январе 1815 г. в прошении

на имя гражданского губернатора К. И. Аша, что рославльский мещанин Михай Кучкин выкрал ее малолетнего 12-летнего сына и удерживал у себя «с намерением уговорить на принятие греко-российской веры» [25; л. 1–1 об.]. Губернатор приказал рославльскому городничему произвести «аккуратнейше исследование» обстоятельств этого дела. В июне в рапорте на имя Смоленского губернского правления городничий отметил, что ребенок принял это решение самостоятельно и находился в доме Кучкина добровольно. К сожалению, другие обстоятельства дела и судьба сына Ханны в документах не указаны.

Обсуждение и выводы

На основании исследования отложившегося в разных фондах Государственного архива Смоленской области документального материала, можно сделать вывод, что правовое положение еврейского населения было двойственным, часто оно не фиксировалось официальными документами. Установлено, что социальная история евреев на территории Смоленской губернии шире хронологически и богаче фактологически, чем представлялось ранее. Архивные документы не позволяют установить точную численность этой национальной группы на территории региона, тем более, что она часто менялась и зависела от целого комплекса причин, среди которых определяющей является государственная политика, но не менее важна и реальная реакция местных властей на нормативные определения правительства. Чаще всего евреи попадали в поле зрения властных структур в связи с нарушением закона, совершением каких-то противоправных действий. Однако и вполне успешные примеры бытования еврейских фамилий в разных профессиональных сферах не редки в истории Смоленской губернии первой половины XIX века.

Изучение жизни евреев в контексте провинциальных городов российско-белорусского приграничья первой половины XIX века заставляет нас привлекать новые исторические источники, репрезентирующие повседневную жизнь евреев, позволяя выявить нюансы национальной политики государства по отношению к этой этноконфессиональной группе.

Список литературы

1. Шайдуров В. Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры. 2013. 260 с.
2. Пашнева В. А., Паршичева И. Е. Социально-экономическое положение и правовой статус еврейского населения в Крыму в XIX в. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6. – № 3. – С. 9–29.
3. Главацкая Е. М., Заболотных Е. А. «...По закону Моисея и Израиля»: брак за чертой оседлости (по материалам еврейской религиозной общины Екатеринбург) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 20. – № 4 (181). – С. 9–26.
4. Герасимова В. А. Евреи и христиане на Смоленщине в XVIII – начале XX вв.: многоликое соседство // Евреи пограничья: Смоленщина. М.: Сэфер, 2018. С. 167–190.
5. Герасимова В. А. Кровь в иудео-христианских отношениях на Смоленщине в XVIII – начале XX вв. // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 3. – С. 8–20.
6. Никитина Н. В. Документы Государственного архива Смоленской области об экономической и социальной истории еврейского населения Смоленской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра: сборник материалов II научно-практической конференции, Смоленск, 14 октября 2021 года. – Смоленск: Смоленский государственный университет, 2021. – С. 388–395.
7. Никитина Н. В. Хозяйственные и социальные аспекты жизни еврейского населения в Российской провинции первой половины XIX века (на материалах Смоленской губернии) // Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра: сборник материалов II научно-практической конференции, Смоленск, 18 октября 2022 года. – Смоленск: Смоленский государственный университет, 2022. – С. 403–411.
8. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 28. Оп. 1 (1789). Д. 425.
9. ГАСО. Ф. 28. Оп. 1 (1789). Д. 797.
10. ГАСО. Ф. 2. Оп. 16 (1815). Д. 16.
11. ГАСО. Ф. 2. Оп. 16 (1815). Д. 117.
12. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1 (1814). Д. 3.
13. ГАСО. Ф. 2. Оп. 14 (1813). Д. 388.
14. ГАСО. Ф. 2. Оп. 17 (1816). Д. 755.
15. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1 (1817). Д. 5.
16. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1 (1817). Д. 30.
17. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1 (1833). Д. 28.
18. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1 (1833). Д. 39.
19. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1 (1836). Д. 13.
20. ГАСО. Ф. 10. Оп. 1 (1811). Д. 78.
21. ГАСО. Ф. 2. Оп. 16 (1815). Д. 238.
22. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1 (1818). Д. 40.
23. ГАСО. Ф. 1069. Оп. 1 (1829). Д. 79.
24. ГАСО. Ф. 1065. Оп. 1 (1829). Д. 5.
25. ГАСО. Ф. 2. Оп. 16 (1815). Д. 89.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

"There Are no Jews in Residence and Temporary Stay": on the Issue of the Situation of National Minorities in the Russian Province in the First Half of the 19th Century (Based on the Smolensk Province Materials)

Natalya V. Nikitina, Sergei S. Chikov

The article is based on the analysis of unpublished documentary material deposited in the State Archive of the Smolensk region (GASO), characterizing various aspects of the stay of the Jewish population in the Russian province in the first half of the 19th century. The authors draw attention to the official authorities' position on this issue, and also cite facts indicating that representatives of the Jewish community were quite firmly settled outside the pale of settlement, identifying the causes of this process in the region. One of the most important features of the Smolensk province was its border position, which led to a rather active participation of the Jewish population in its economic and social life. Archival materials' analysis indicates that most often Jews came to the attention of the authorities in connection with law violation, commission of unlawful acts. However, quite successful examples of the existence of Jewish surnames in various professional fields can be traced in the GASO documents. Analyzing the peculiarities of the life of Jews within the Smolensk province, the authors turn to the specifics of social existence of this population group in another religion and nation environment, focusing on its relationship with the authorities.

Key words: Smolensk province, the first half of the 19th century, social history, Jewish population.

For citation: Nikitina, N. V., Chikov, S. S. (2023) "Evreev na zhitel'stve i vremennom prebyvanii ne nahoditsya": k voprosu o polozhenii nacional'nykh men'shinstv v rossijskoj provincii v pervoj polovine XIX veka (na materialah Smolenskoy gubernii) ["There are no Jews in Residence and Temporary Stay": on the Issue of the Situation of National Minorities in the Russian Province in the First Half of the XIX Century (Based on the Smolensk Province materials)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 92–108. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_92. EDN: QIOTVK

References

1. Shaidurov, V. N. (2013) *Evrei, nemcy, polyaki v Zapadnoj Sibiri XIX – nachala XX v.* [Jews, Germans, Poles in Western Siberia in the 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg: Publishing House of the Nevsky Institute of Language and Culture. (In Russ.)
2. Pashneva, V. A., Parshicheva, I. E. (2020) *Social'no-ekonomicheskoe polozhenie i pravovoj status evrejskogo naseleniya v Krymu v XIX v.* [Socio-economic situation and legal status of the Jewish population in Crimea in the 19th century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki* [Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences]. Vol. 6. No. 3. Pp. 9–29. (In Russ.)
3. Glavackaya, E. M., Zabolotnyh, E. A. (2018) «...Po zakonu Moiseya i Izraila»: brak za chertoy osedlosti (po materialam evrejskoj religioznoj obschiny Ekaterinburga) ["...According to the law of Moses and Israel": marriage beyond the Pale of Settlement (based on the materials of the Jewish religious community of Yekaterinburg)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki* [News of the Ural Federal University. Ser. 2, Humanities]. Vol. 20. No. 4 (181). Pp. 9–26. (In Russ.)

4. Gerasimova, V. A. (2018) *Evrei i hristiane na Smolenshchine v XVIII – nachale XX vv.: mnogolikoe soedstvo* [Jews and Christians in the Smolensk region in the 18th – early 20th centuries: a diverse neighborhood]. *Evrei pogranič'ya: Smolenshchina* [Jews of the borderlands: Smolensk region]. Moscow. Pp. 167–190. (In Russ.)

5. Gerasimova, V. A. (2018) *Krov' v iudeo-hristianskih otnosheniyah na Smolenshchine v XVIII – nachale XX vv.* [Blood in Judeo-Christian relations in the Smolensk region in the 18th – early 20th centuries]. *Etnograficheskoe obozreniya* [Ethnographic review]. No. 3. Pp. 8–20. (In Russ.)

6. Nikitina, N. V. (2021) *Dokumenty Gosudarstvennogo arhiva Smolenskoj oblasti ob ekonomicheskoy i social'noj istorii evrejskogo naseleniya Smolenskoj gubernii v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka* [Documents of the State Archive of the Smolensk Region on the economic and social history of the Jewish population of the Smolensk province at the end of the 18th – the first half of the 19th century]. *Mnogonacional'naya Rossiya: vchera, segodnya, zavtra: Sbornik materialov II nauchno-prakticheskoy konferencii* [Multinational Russia: Yesterday, Today, Tomorrow: Proceedings of the 2nd Scientific and Practical Conference]. Smolensk, October 14, 2021. Smolensk: Smolensk State University. Pp. 388–395. (In Russ.)

7. Nikitina, N. V. (2022) *Hozhaystvennye i social'nye aspekty zhizni evrejskogo naseleniya v Rossijskoj provincii pervoj poloviny XIX veka (na materialah Smolenskoj gubernii)* [Economic and social aspects of the life of Jewish population in the Russian province in the first half of the 19th century (based on the materials of the Smolensk province)]. *Mnogonacional'naya Rossiya: vchera, segodnya, zavtra: Sbornik materialov II nauchno-prakticheskoy konferencii* [Multinational Russia: Yesterday, Today, Tomorrow: Proceedings of the 2nd Scientific and Practical Conference]. Smolensk, October 18, 2022. Smolensk: Smolensk State University. Pp. 403–411. (In Russ.)

8. *Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti* [State archive of the Smolensk region] (hereinafter – GASO). F. 28. Op. 1 (1789). D. 425.

9. GASO. F. 28. Op. 1 (1789). D. 797.

10. GASO. F. 2. Op. 16 (1815). D. 16.

11. GASO. F. 2. Op. 16 (1815). D. 117.

12. GASO. F. 1260. Op. 1 (1814). D. 3.

13. GASO. F. 2. Op. 14 (1813). D. 388.

14. GASO. F. 2. Op. 17 (1816). D. 755.

15. GASO. F. 1260. Op. 1 (1817). D. 5.

16. GASO. F. 1260. Op. 1 (1817). D. 30.

17. GASO. F. 1. Op. 1 (1833). D. 28.

18. GASO. F. 1. Op. 1 (1833). D. 39.

19. GASO. F. 1. Op. 1 (1836). D. 13.

20. GASO. F. 10. Op. 1 (1811). D. 78.

21. GASO. F. 2. Op. 16 (1815). D. 238.

22. GASO. F. 1260. Op. 1 (1818). D. 40.

23. GASO. F. 1069. Op. 1 (1829). D. 79.

24. GASO. F. 1065. Op. 1 (1829). D. 5.

25. GASO. F. 2. Op. 16 (1815). D. 89.

Статья поступила в редакцию 29.04.2023

Одобрена после рецензирования 14.06.2023

Принята к публикации 25.06.2023

Карьеры и судьбы провинциальных евреев в годы Гражданской войны (по материалам Тамбовской губернии)

В. Б. Безгин

Цель статьи состоит в изучении роли евреев в повседневной жизни тамбовской провинции периода Гражданской войны. Исследование осуществлено в контексте истории повседневности посредством применения концепции «поколения революционного перелома» и методов социальной истории, просопографии и этнопсихологии. В изучаемой когорте рассмотрены различные сценарии поведения евреев в обыденности революционной эпохи. Определены как причина их миграции в Тамбовскую губернию, так и характер деятельности, к которой они прибегли с целью выживания в условиях общественного кризиса и гражданского противостояния. На основе биографий евреев-коммунистов и анкет местных ответственных работников установлены их возраст, место рождения, социальное происхождение, образование, профессия, партийность, а также послужной список и занимаемые должности. Прослежены конкретные судьбы евреев в борьбе с контрреволюцией и дезертирством, осуществлении продовольственной разверстки, подавлении крестьянского восстания, проведении репрессий в отношении мирного населения. Выявлены социальные лифты, использованные еврейской молодежью для встраивания в институты советской власти. Проявление юдофобии местного населения стало ответной реакцией на насилие коммунистического режима, олицетворением которого выступали евреи.

Ключевые слова: евреи, Тамбовская губерния, миграция, Гражданская война, спекуляция, социальные лифты, антисемитские настроения.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ в рамках реализации проекта № 22–18–00132.

Для цитирования: Безгин В. Б. Карьеры и судьбы провинциальных евреев в годы Гражданской войны (по материалам Тамбовской губернии) // История повседневности. – 2023. – № 3. – С. 109–131. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_109. EDN: TCDEDY

Введение

Судя по современной историографии, изучение «еврейского вопроса» в отечественной истории не утратило своей актуальности. Злободневность темы усилена и военными конфликтами на периферии имперского прошлого. Объясним исследовательский интерес к фактически табуированной в советский период проблеме, как и общественный запрос на выяснение роли инородческого фактора в судьбоносных событиях российской истории.

Если не брать в расчет публицистику периода «журнального бума», то научное осмысление данной темы началось в первое десятилетие XXI в. Закономерно, что уже первый вопрос о роли евреев в революции 1917 г. выявил различные оценки. Так, писатель А. С. Солженицын, основываясь на свидетельствах современников и материалах периодической печати, утверждал, что евреи оказали значительное влияние на ход и результаты революции 1917 г. в России [1]. По мнению историков И. М. Бухтоярова и А. Д. Савчука, активная часть российских евреев являлась одной из движущих сил революции [2, с. 15]. «Анатомия» еврейских погромов и природа российского антисемитизма изучены в обстоятельной статье В. П. Буддакова [3]. В монографии об участии евреев в Гражданской войне О. В. Будницкий подчеркивал, что для большевиков-евреев был характерен демонстративный интернационализм и отказ от своего еврейского происхождения [4, с. 62].

Внимание специалистов привлекли проблемы национально-культурной идентичности, географии внутренней миграции, форм политической активности российских евреев. Характерно, что большинство таких работ выполнено на региональном уровне. Так, специалистами по истории национальных меньшинств Ю. М. Гончаровым и В. Н. Шайдуrowым на материалах Самарской губернии и губерний Западной Сибири изучены адаптационные практики еврейских общин «вне черты». В результате исследования они пришли к выводу о том, что евреи смогли «адаптироваться к новым условиям, став одним из компонентов местного социума, сохранив при этом свою национально-конфессиональную идентичность» [5, с. 159]. Участие ссыльных евреев в политической жизни Иркутской губернии начала XX в. установлено в статье мест-

ных историков. Они отметили значительный вклад ссыльных евреев в деятельность леворадикальных партий Прибайкалья, их позитивное влияние на местное общество [6, с. 167]. Историк К. А. Якимов на основе биографий членов общества политкаторжан составил социально-демографическую характеристику евреев, представителей поколения «революционного перелома» [7]. Процессы институционализации еврейской этничности в Сибири периода революции и Гражданской войны изучены томскими специалистами [8]. Анализу современной историографии сибирских евреев посвящена статья С. В. Марчук, Е. С. Генина, Ю. М. Гончарова [9].

Научный интерес проявлен к проблеме участия евреев в революции и Гражданской войне. Исследователь В. А. Матвеев, изучив место евреев в противоборстве Гражданской войны, утверждает, что «сплочения в противостоянии по этническому признаку не произошло» [10, с. 64]. О вкладе евреев в изменение политической системы России в 1917 г. и причинах антисемитизма размышляет П. Г. Рогозный [11]. Оценка роли еврейской молодежи провинции в событиях Гражданской войны дана в статье тамбовских историков [12]. Анализ состава руководителей советских органов управления Нижегородской губернии в 1917–1919 гг. приводит В. П. Сапона к выводу о том, что «евреи занимали ключевые посты в различных органах местной административной и партийной власти» [13, с. 272]. М. С. Каменских, изучив деятельность еврейского комиссариата Пермского края в 1918 г., утверждает, что евреи имели особый статус при решении национального вопроса [14, с. 70].

В фокусе внимания специалистов остается проблема антисемитизма и причин его проявления в революционную эпоху. Основываясь на архивных источниках, исследователь М. В. Брянец в своей статье утверждает, что юдофобские настроения в 1920-е гг. охватили самые широкие слои населения Советской России [15, с. 399]. Проявление антисемитизма в сибирском обществе периода Гражданской войны установлено в работе М. М. Стельмака посредством обращения автора к агитационным материалам антибольшевистского движения [16].

Изучение роли евреев в обыденной жизни тамбовской провинции революционной эпохи и является целью данной статьи. Документальной основой исследования послужили материалы

центральных и местных архивов, вводимые в научный оборот впервые. Необходимая информация была почерпнута из газетной периодики, губернских и уездных изданий. В работе использованы нарративные источники, авторы которых проживали или находились временно на территории губернии и оставили в эго-документах (дневниках, воспоминаниях) свои суждения по интересующим нас вопросам.

В ходе исследования нами были применены различные общенаучные и специальные методы исторической науки (историко-сравнительный, историко-описательный, проблемно-хронологический и пр.). Методология и исследовательский инструментарий обусловлены выбором концептуального подхода – истории повседневности. Фокус-группой исследования выступили евреи Тамбовской губернии «поколения революционного перелома». Посредством приемов социальной истории, просопографии и этнопсихологии установлена роль этой когорты в событиях повседневной жизни тамбовской провинции периода Гражданской войны. Биографические данные, сведения о службе, занимаемых должностях евреев-коммунистов были нами получены посредством изучения содержания личных дел, анкет, личных листков, учетных карточек, хранящихся в фонде Тамбовского губкома РКП(б) ГАСПИТО.

Экспансия

В дореволюционный период Тамбовская губерния была типично великорусским регионом, где численность инородцев была крайне незначительной. По состоянию на 1 января 1913 г. в Тамбовской губернии проживало 3 757 235 чел., на долю евреев приходилось 2 832 чел., что составляло всего лишь 0,07 % [17]. Увеличение числа евреев в губернии стало следствием их массовой миграции из западных окраин Российской империи по причине военных действий Первой мировой войны. Тамбовщина стала одной из территорий, куда устремился этот переселенческий поток. В численном составе нерусских беженцев, прибывших в губернию с лета по осень 1915 г., евреи составляли большинство. Так, в конце августа 1915 г. из 8,5 тыс. беженцев, зарегистрированных в губернии, евреи составляли 5,3 тыс. чел. (т. е. 62 %) [18, с. 134]. По мнению зарубежного исследователя П. Гетрелла, «отдельные провинциальные го-

рода превратились в прибежище для людей, зачастую не принадлежавших к православной вере и пытавшихся развивать нерусские культуры» [19, р. 141].

Революция 1917 г. сопровождалась ростом общественной активности населения российской провинции, в том числе ее еврейской составляющей. Военные действия Гражданской войны вызвали новую волну миграции населения теперь уже советской России. Будучи тыловой, Тамбовская губерния стала местом притяжения беженцев, в том числе и евреев, спасавшихся от продовольственных трудностей и ужасов войны. По сообщению зав. отделом управления И. П. Гудкова на заседании Тамбовского губисполкома, 3 декабря 1919 г. в губернии проживало около 8 000 евреев [20, д. 19, л. 28].

Адаптация еврейских беженцев к условиям нового места жительства происходила посредством традиционного для этого этнического меньшинства приемов выживания. Свой стратегический выбор российское еврейство сделало, поддержав свержение самодержавия и одобрив большевистский переворот. Разрушив юдофобский царизм, а вместе с ним и ненавистную черту оседлости, бывшие жители местечек устремились на штурм руководящих должностей в аппарате партийно-государственной власти. Как верно заметили современные исследователи, «революционные карьеры делались не в министерствах, а на митингах и заседаниях советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, куда и устремилось российское еврейство со свойственной евреям энергией, настойчивостью и уверенностью, что они “все знают и все могут”» [2, с. 12].

Свидетельством «узнаваемости» евреев в провинциальной обыденности стали упоминания о них в эго-документах, авторами которых были представители интеллигенции. Все они, захваченные вихрем революционных событий, и оказавшиеся волей жизненных обстоятельств в тамбовской глубинке, столкнулись с нашими «героями». Характерно, что эпизоды таких «встреч» были плотно «вплетены» в канву повседневных событий революционного времени. Так, о нравах, царивших в заградительном отряде на ст. Усмань Тамбовской губернии, поведала в своих путевых заметках Марина Цветаева. Сюда, в сентябре 1918 г. она приехала на поезде мешочников, чтобы выменять у здешних крестьян мыло и ситец на крупу или сало.

Словесным штрихом в дорожных записках она набросала портреты членов местного реквизиционного пункта, где вынуждена была остановиться. «Опричники: еврей со слитком золота на шее, «грузин» с Триумфальной площади, в красной черкеске, за гривенник зарежет мать»¹. Уполномоченный Главархива Н. Н. Терновский оставил воспоминания о своем пребывании (1919–1920 гг.) в Тамбове. В них есть описание того, как 19 августа 1919 г. казаки генерала Мамантова задержали, а затем повесили на фонарном столбе еврея, 20 лет, коммуниста, «председателя суда над дезертирами» [21, с. 130]. В мемуарах участника рейда по тылам «красных», есаула конной артиллерии Ю. С. Борчевского, находим следующее наблюдение: «Мамантов был большим антисемитом и не упускал случая напомнить, что “жидки захватили власть”, эта его устойчивая нелюбовь “вызывала сочувствие и общее одобрение толпы»» [21, с. 143]. М. М. Пришвин, проживавший в 1919 г. в Елецком уезде, в дневниковой записи от 24 сентября, характеризуя панику по причине приближения казаков, отметил: «Ночью в половине второго просыпаюсь: на дворе у евреев и коммунистов движение, огонь, забивают ящики, и все живёт, как будто в Последнюю ночь; слышу: “Вместе едем в одном вагоне”. Эвакуация...» [22, с. 282]. Отметим, что в приведенных источниках, авторы используют этноним «еврей», а не «жид», как в воспоминаниях белогвардейского офицера. Хотя этот термин фигурирует в пересказе М. Цветаевой словесной перепалки русского красноармейца с евреем, командиром реквизиционного отряда².

Восприятие крестьянами аграрной политики власти происходило посредством оценки деятельности её носителей. Неслучайно в суждениях обывателей этого времени слова «еврей» и «коммунист» имели близкий, а порой и тождественный смысл. В записи от 11 июня 1918 г. И. А. Бунин приводит подслушанное суждение красноармейца. «Вся беда от жидов, они все коммунисты, а большевики все русские» [23, с. 192]. На вопрос белогвардейского офицера о партийных предпочтениях тамбовских мужиков те в августе 1919 г. отвечали, что они «большевики, но не коммунисты» [21, с. 143].

¹ Цветаева М. Вольная поездка [Электронный ресурс]. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/volnyj-proezd.htm> (дата обращения: 15.02.2023).

² Там же.

Суть произошедших в стране перемен хорошо передал Питирим Сорокин. В 1923 г. он писал: «Процесс заполнения командующих позиций и привилегированных слоев общества этнографически нерусскими элементами, в частности, евреями, начавшийся со времен октябрьской революции, продолжался и шел "crescendo". В 1922 г. огромное количество ответственных мест как в правительственных учреждениях, так и в промышленности и в торговле – частной и государственной – было занято евреями» [24, с. 147].

Спекулянты

В условиях инфляции и продовольственного дефицита часть евреев-беженцев прибегла к привычному для этноса занятию – финансовой и торговой спекуляции. Так, из протокола № 10 от 25 ноября 1918 г. заседания Кирсановской уездной ЧК следует, что «Цукерман Нахамс обвинен в неоднократной спекуляции хлебом и у него конфисковано 25 фунтов хлеба. За такое же преступление у Мортихера было изъято 30 фунтов хлеба» [25, д. 18, л. 18]. Спустя два года, помимо конфискации товара у евреев-спекулянтов, их стали привлекать к уголовной ответственности. Например, 13 января 1920 г. Биргер Симон Наумович, обвиненный в спекуляции, был отправлен в губком-дезертир, а отображенные у него деньги и вещи конфискованы [20, д. 957, л. 5 об.]. Дело, начатое 20 апреля 1920 г. по обвинению Брецкого Абрама Яковлевича, Трейсмана Ниссель Лейбовича в спекуляции, было 11 мая 1920 г. передано в народный суд [20, д. 957, л. 116 об.]. Еврейская спекуляция продуктами в условиях дефицита продовольствия стала одним из факторов роста антисемитских настроений в провинциальной среде.

Даже служба в Красной армии не была препятствием для спекуляции. Так, в губернских «Известиях» от 17 октября 1919 г. был опубликован список лиц, расстрелянных местной ЧК за спекуляции. Среди них Эпельштейн Яков Александрович, красноармеец второго отдельного полевого тяжелой артиллерии дивизиона, у которого при обыске было обнаружено 19 золотых часов [26]. Заметим, что еврей-красноармеец был расстрелян именно за спекуляцию, а не за реквизицию, точнее, грабеж «классово-чуждых» элементов.

Особенно местные евреи преуспели в скупке-продаже монет царской чеканки, золота и ювелирных изделий. В Тамбовской губ. ЧК 10 мая 1920 г. было возбуждено дело в отношении Гликмана Мордахеля Эльшевича, Штиглеца Арона Абрамовича, Фрам Розы Мордахельевны по обвинению в спекуляции деньгами [20, д. 957, л. 124 об.]. В номере губернских «Известий» от 24 июня 1920 г. сообщалось: «Герман Израилевич Смудхер и Иосиф Вульфович Барон за скупку николаевских денег и ценностей для отправки их в белогвардейскую Польшу расстреляны губернской ЧК» [27].

Наказания за незаконные финансовые операции были различны. Если у Абрама Шлезингера за спекуляцию николаевскими деньгами были лишь конфискованы денежные средства [20, д. 957, л. 124], то Нотель Кац и Хасим Розенблат были осуждены к заключению в концентрационный трудовой лагерь на три года [20, д. 957, л. 111], а Хайм Гуревич получил всего три месяца заключения [20, д. 958, л. 102]. И уж совсем «не повезло» Абраму Лейбовичу Островскому. Решением коллегии Тамбовской губ. ЧК от 15 июня 1920 г. «за скупку драгоценностей и хранение золота в большом количестве» он был расстрелян [20, д. 958, л. 13 об.]. Такая же участь постигла Хвиля Милослава Францовича «за хранение и распространение кокаина» [20, д. 958, л. 13 об.]. Тот же орган 27 сентября 1921 г. приговорил к расстрелу Гальперина Анатолия Давыдовича, который «будучи секретным сотрудником Козловского политбюро, под флагом раскрытия спекуляции деньгами, добился выдачи ему на руки трехсот тысяч советских и трех тысяч николаевскими деньгами, с которыми скрылся в Воронеже» [20, д. 1037, л. 13].

Чекисты

Для российских евреев, особенно молодежи, революция стала шансом сделать карьеру и достичь жизненного успеха. Одним из подъемных механизмов в этом движении наверх являлась принадлежность к правящей партии. Например, Исаак Леонтьевич Рейн, еврей, 1889 г. р., имевший домашнее образование и бывший до революции приказчиком, в апреле 1918 г. стал членом РСДРП(б), а в июле того же года поступил на должность следователя Тамбовской губ. ЧК. Потом он политрук военного госпиталя, военком кавалерийской бригады,

и, наконец, начальник политического участка Штаба боевой воздушной эскадрильи, аэропланы которой бомбили «бандитские» села во время крестьянского восстания [28, д. 3879, л. 1]. Таким образом, служба в «чека» становилась для местных евреев хорошим стартом в их «революционной» карьере.

Изучение персонального состава Тамбовской губ. ЧК приводит к выводу о том, что наряду с членством в партии, другим критерием пополнения ее рядов был этнический принцип. Так, Иосиф Иосифович Якимчик, 1891 г. р., уроженец Виленской губернии, член партии с 1 июня 1918 г., став председателем Тамбовской губ. ЧК 24 ноября 1918 г., назначил секретарем комиссии Якова Григорьевича Каца [20, д. 27, л. 27]. По его же ходатайству Тамбовский губернский комитет большевиков решением от 28 декабря 1918 г. утвердил на должность военно-политического комиссара батальона губ. ЧК Льва Давидовича Розенблюма [20, д. 27, л. 4]. Всего по данным за 1919 г. из 55 сотрудников Тамбовской губернской чрезвычайной комиссии восемь были евреями, что составляло 14,5 % [20, д. 405, л. 100–100 об.], и этот показатель был выше, чем в среднем по стране.

В будни изучаемого периода у тамбовских обывателей как города, так и деревни были все шансы столкнуться с евреем-чекистом. Например, с февраля 1919 г. по декабрь 1921 г. в губернской ЧК служил Григорий Григорьевич (Авраам Иосифович) Заславский. Уроженец Киевской губернии, 1898 г. р., он окончил экстерном коммерческое училище и был студентом первого курса Киевского университета, успел поработать до войны приказчиком, состоял в БУНД с 1915 по 1918 г., в 1917 г. был вольноопределяющимся 54-го Минского полка. В ноябре 1919 г. был принят в РКП(б) и занимал должность помощника коменданта Киевского губ. ЧК. В 1920 г. Г. Г. Заславский сначала был зав. секретным отделом Кирсановской уездной ЧК, затем зав. секретным отделом и членом коллегии Тамбовской губ. ЧК [28, д. 1537, л. 2, 3]. Другой еврей-чекист Абрам Абрамович Матисон, рожденный в Митаве в 1893 г., член партии с 1916 г., трудился там же с сентября 1920 г. по март 1921 г. в качестве заведующего оперативной частью, а с марта 1921 г. – в качестве уполномоченного по политическим партиям [20, д. 1269, л. 71].

Хватало евреев и среди сотрудников уездных ЧК. Так, Равер Абрам-Геце Зупахов, 1891 г. р., из семьи киевских мещан, по про-

фессии портной, коммунист с июля 1919 г., был заведующим агентурой Кирсановской уездной ЧК с ноября 1919 г. по март 1920 г. [28, д. 3837, л. 1–2]. В его характеристике из личного дела сказано: «Человек с пролетарской психологией, испытывавший все “прелести царского режима” (как еврей)» [28, д. 3837, л. 4]. Даже юный возраст не являлся помехой для пополнения бойцов «невидимого фронта» за счет соплеменников. Например, Яков Исаакович Гольдштейн, 1902 г. р., еврей, уроженец Минской губернии, в июле 1921 г., т. е. в возрасте 19 лет стал комиссаром оперативной части губ. ЧК [28, д. 5955, л. 93]. По воспоминаниям Я. И. Гольдштейна, записанным в 1964 г., он прибыл в Тамбов из Смоленска в феврале 1921 г. в составе группы чекистов под руководством Михаила Давыдовича Антонова (Герман) [29, д. 162, л. 2]. Новый председатель Тамбовской губ. ЧК был евреем, 1893 г. р., происходил из мещан, в РСДРП(б) вступил в 1917 г., работал в органах ЧК в Петрограде и Смоленске [28, д. 191, л. 1–3]. Под его руководством был проведен ряд антиповстанческих операций, в том числе по захвату Ивана Матюхина в с. Кобылинка [29, д. 162, л. 4]. Помимо него, из Москвы в губернию в качестве полномочного представителя ВЧК был командирован Лев Николаевич Бельский. Он же, Левин Абрам Михайлович, еврей, родился в 1889 г. в мещанской семье, в местечке Мир Новогрудского уезда Минской губернии. Окончил городское училище, по профессии фармацевт. С 1911 служил в царской армии старшим телефонистом 29-й артиллеристской бригады. Член РСДРП(б) с июня 1917 г. Его послужной список в органах ЧК таков: с апреля 1918 г. по июнь 1919 г. – председатель губ. ЧК в Симбирске, с июня 1919 г. по март 1920 г. – начальник Особого отдела восьмой армии, с апреля по декабрь 1920 г. – председатель Астраханской губ. ЧК и начальник особого отдела, с февраля по октябрь 1921 г. – полномочный представитель ВЧК в районе действия Тамбовской группы войск [28, д. 2542, л. 1–1 об.]. Другим активным участником борьбы с крестьянским восстанием был Петр Григорьевич Шостак (Соколов), начальник агентурного отделения Тамбовской губ. ЧК с августа 1920 г. и особого отдела Тамбовской армии с февраля по декабрь 1921 г. Он родился в 1896 г. в Киеве, семье мещанина, до 1916 г. работал приказчиком в магазине готового платья, коммунист с августа 1919 г. Карьеру начал как секретный сотрудник Киевской ЧК

с февраля по август 1919 г, а с августа 1919 г. по август 1920 г. руководил агентурой в качестве сотрудника секретного отдела ВЧК [28, д. 5330, л. 1–2]. Это далеко не полный перечень евреев-тамбовских чекистов. Поэтому, заявлять «о еврейском засилье в местной чека» у автора обращения в ЦК РКП(б) от 15 июня 1921 г. были все основания [30, д. 1008, л. 45].

Продовольственники

Тамбовская глубинка столкнулась с евреями в результате наплыва в деревню всякого рода уполномоченных. «Жидо-комиссарие», как явление, вторглось в обыденную жизнь местных крестьян с приходом продовольственных отрядов. Людская память сохранила, а архивные документы выявили имена тех, кто под лозунгом «борьбы за хлеб» грабил русскую деревню. Уже летом 1918 г. в губернии был сформирован сводный продовольственный отряд численностью в 365 бойцов, который возглавил Хаим Михелев (Михайлович) Альперович [31, д. 13, л. 104]. Он родился в 1897 г. в мещанской семье, в местечке Куренец Виленской губернии. Имел среднее образование, по профессии был закройщиком кож. По причине немецкого наступления в 1915 г. семья переехала в Тамбовскую губернию. Член РСДРП(б) с ноября 1916 г. После октября 1917 г. он член Выборгской комиссии по продовольствию [28, д. 5715, л. 84]. В августе 1918 г. Х. М. Альперович стал членом коллегии Тамбовского уездного продовольственного совета [32, д. 38, л. 90]. На заседании комиссии Кирсановского упродкома от 24 октября 1918 г. он заявил, что «задача продотряда состоит в том, чтобы выкачать излишки хлеба против нормы и предложил отправить отряды в 9 волостей, в которых много хлеба и мало вывезено» [31, д. 13, л. 104]. По всей видимости, его деятельность была «успешной» судя по тому, что в 1920 г. он был назначен продовольственным комиссаром Лебедянского уезда [28, д. 5715, л. 85].

Руководство продовольственным делом в губернии находилось в руках евреев. С февраля 1919 г. по февраль 1920 г. продовольственным комиссаром был Давид Ефимович Гольман [33, д. 496, л. 86], рожденный в 1888 г. и ставший большевиком в 1917 г. [20, д. 1268, л. 113]. В Тамбовской губернии он рьяно реализовывал задачи продовольственной диктатуры партии. Еще будучи уполномоченным Наркомпрода РСФСР,

Гольман в июне 1918 г. выступал против утвержденной губерньским съездом нормы в пять пудов фуража на содержание крестьянской лошади, считая, что рабочему скоту достаточно и подножного корма [33, д. 496, л. 69]. Став продовольственным комиссаром, он с сожалением сообщал в Москву, что «были случаи, когда все жители деревни по набатному звону собирались, вооружались кто чем мог и были готовы оказывать сопротивление» [33, д. 496, л. 132]. Следующим на посту «продовольственного диктатора» был Яков Григорьевич Гольдин, еврей, 1895 г. р., уроженец г. Видзы Ковенской губернии, член партии с мая 1917 г., в 1918–1919 гг. – секретарь отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК при СНК РСФСР [34, д. 1357, л. 333]. Это он в ноябре 1919 г. требовал от командиров продотрядов «реквизировать дойных коров», держать неплательщиков на морозе, «а в случае восстания применять оружие» [34, д. 1302, л. 84]. В с. Малая Зверевка Больше-Лазовской волости 14 декабря 1919 г. по его приказу продовольственный отряд подавил протест местных жителей, расстреляв 53 крестьян [34, д. 1302, л. 70]. А весной 1920 г. Гольдин направил командирам заготовительных отрядов телеграмму с призывом: «Репрессии усильте, еще больше репрессий! В каждом селе берите заложников» [35, д. 222, л. 418]. В распоряжении от 11 июня 1920 г., адресованном продотрядам и агентам, он заклинал: «никаких колебаний, действуйте массой и конфискуйте только в массовом масштабе» [35, д. 234, т. 2, л. 501].

Послушным исполнителем этих преступных распоряжений стал заведующий реквизиционным отделом Тамбовского губпродкома Яков Иделевич Марголин. Этот еврей с высшим образованием, уроженец Бобруйского уезда Минской губернии, 1896 г. р. [34, д. 1357, л. 33, 42], отбирал последнее зерно у крестьян сел Дегтянка и Стежки Козловского уезда в ноябредектябре 1919 г. [34, д. 1357, л. 278 об.]. А в январе-феврале 1920 г. он производил конфискацию имущества и скота у задолжников по подразверстке, жителей Кабаньевской волости Борисоглебского уезда [34, д. 1357, л. 224]. За свои преступления в марте 1920 г. Я. И. Марголин был предан суду губернского ревтрибунала, который в ноябре 1920 г. приговорил его к пяти годам условно, но освободил от наказания по причине амнистии [34, д. 1357, л. 33–34 об.].

Евреи выступали не только в роли организаторов, но в качестве исполнителей хлебных реквизиций. Так, в отряде ЧОН, отправленном в октябре 1919 г. для изъятия хлеба у крестьян, каждый пятый боец носил еврейскую фамилию [36, д. 3, л. 47–48 об.]. Для некоторых из них обретенный опыт стал началом их «службы» на продовольственном «фронте». Например, Давид Владимирович Иосельсон в ноябре 1919 г. был рядовым батальона особого назначения, а уже 16 января 1920 г. он, как уполномоченный губпродкома, был обвинен ЧК в насилии над крестьянами, и его дело 20 апреля 1920 г. было передано в губревтрибунал [20, д. 957, л. 100 об.]. Судя по документам, Иосельсон, находясь под следствием в марте 1920 г. в качестве особо уполномоченного губпродкома, требовал от командира продотряда т. Суппеса держать арестованных крестьян голыми на морозе [34, д. 1392, л. 2–2 об.]. Из анонимного заявления отставного красноармейца начальнику Тамбовской губ. ЧК от 29 июня 1920 г. узнаем о «художествах» еще одного «борца с мелкобуржуазной стихией». Вот выдержки из него: «Начальник отряда т. Гомель ... за неимением хлеба отбирает скотину, а потом ему принесут за скотину фунта три масла, мяса фунтов 15–20 и он отдает обратно ... у которого нет ничего, находит причину отобрать корову, которая кормит 5–7 детей ... где он действует, там слышен плач бедных. Товарищи, этот жид, примите меры как можно скорее, а если нет, то я сотру с лица земли этого кровопийцу, он заставляет роптать на советскую власть. Товарищи, берегитесь, вот-вот вспыхнет восстание, и тогда, товарищи, я вам не прощу!» [20, д. 960, л. 137]. Предостережение анонима оказалось пророческим и во многом объясняет наличие антисемитских лозунгов в ходе Тамбовского восстания 1920–1921 гг. [37, с. 12].

Жертвы и палачи

В дореволюционный период Тамбовская губерния практически не знала такого явления как еврейские погромы. Нам удалось выявить лишь один эпизод, который с оговоркой можно было бы отнести к событию подобного рода. Вот выдержка из полицейского рапорта: «29 июня 1906 г. по окончании ярмарки в с. Рассказово толпа местных жителей в несколько сот человек произвела беспорядок, сопровождавшийся разгромом

товара трех еврейских лавок. Разгром происходил несколько минут. Задержано 8 человек» [38, д. 6919, л. 1].

Впервые местные евреи стали жертвами погромов, устроенных казаками генерала Мамантова в августе 1919 г., в результате которых погибло около 100 человек в г. Козлове и 25 человек в г. Тамбове [39, с. 787]. Характерно, что после рейда Тамбовской губ. ЧК было возбуждено несколько дел по обвинению граждан в выдаче евреев казакам. Например, 4 сентября 1919 г. некий В. Ив. Акимов был обвинен в этом преступлении и объявлен в розыск [20, д. 957, л. 88 об.]. Документы сохранили и примеры иного порядка. Так, 24 августа 1919 г. депутация священников г. Козлова просила генерала Мамантова прекратить погром, на следующий день такой приказ был отдан [39, с. 784]. Также в мае 1922 г. в ходе изъятия церковных ценностей в Лебедянском уезде производились аресты священнослужителей. По сообщению информационной сводки, «местные кулаки и евреи дают подписку о благонадежности священников с целью смягчения приговора на суде. Подписка дана 17 евреями с указанием, что священник помогал их спасению при нашествии Мамантова» [20, д. 1811, л. 76 об.].

Антисемитизм был присущ не только «белым» казакам, но и бойцам Красной армии. Ряд из них, оказавшись в плену, откликнулись на призыв «мамантовцев» и указывали на своих евреев-комиссаров. Газета «Моршанская коммуна» от 20 августа 1919 г. сообщала, что «из захваченных в плен солдат казаки выбрали 6 евреев и 2 коммунистов, сначала жестоко их избili нагайками, а потом расстреляли» [40]. Согласно дневниковой записи М. М. Пришвина от 15 ноября 1920 г.: «Говорят, что между солдатами нашей 42-й дивизии очень распространено “учение” Махно: “Долой жидов и коммунистов, да здравствует Советская власть!”» [22, с. 329]. Во время восстания тамбовские повстанцы отпускали на свободу захваченных в плен красноармейцев и казнили командиров и евреев-комиссаров правительственных войск [41, с. 142].

«Комиссары в пыльных шлемах» пришли в тамбовское село в качестве инициаторов карательных акций и организаторов репрессий. Когда нашествие «зеленых» в 1919 г. заполонило территорию губернии, именно еврей-коммунисты стали активными борцами с местными дезертирами. Напри-

мер, с июня 1919 г. по апрель 1920 г. председателем комитета по борьбе с дезертирством г. Моршанска был Аарон Самуилович Гродко. Он не был местным уроженцем, родился в 1894 г. в Смоленске, где окончил гимназию, учился в Петроградском университете. В 1915 г. был призван в армию, из которой дезертировал. После Февральской революции 1917 г. поступил на службу, а в октябре 1917 г. окончил Алексеевское военное училище и был направлен в 137-й запасной полк в Пензу. В январе 1918 г. был откомандирован в Моршанск, где и был демобилизован в чине прапорщика. С августа 1918 г. по март 1919 г. он пребывал в должности инструктора-организатора всеобща Моршанского уездного военкомата [28, д. 5961, л. 4–9 об.]. С началом крестьянского восстания А. С. Гродко был переведен заместителем председателя в губернский военкомат, где с сентября 1920 г. по апрель 1921 г. возглавлял отдел по борьбе с дезертирством [28, д. 5751, л. 3–3 об.]. О характере деятельности отрядов по борьбе с дезертирством узнаем из анонимной жалобы. В ней сообщалось, что «отряд Поликанова опустошал амбары, избивал нагайками, арестовывал беременных женщин. Пойманных в ходе облав дезертиров расстреливали на глазах односельчан» [42, д. 206, л. 3]. В докладе от 18 марта 1921 г. уездного продовольственного комиссара содержались сведения о проведении в центре г. Моршанска публичных расстрелов восставших крестьян [20, д. 1038, л. 42].

Завидную активность евреи проявляли в работе военно-партийных администраций, создаваемых в районах, охваченных восстанием. Недобрую память крестьяне Рассказовской волости Кирсановского уезда сохранили о деятельности председателя политической комиссии 2-го боевого участка (БУЧ) Якова Львовича Смоленского (1899 г. р., еврей, уроженец Мелитополя, коммунист с 1919 г.). По сведениям А. Я. Смоленского, коменданта Рассказовского района, за время с 31 августа по 5 октября 1920 г. карательными отрядами «было захвачено около 500 участников бандитского движения, из которых около 100 было расстреляно военно-революционным трибуналом и выездной сессией губ. ЧК» [35, д. 218, л. 264]. Политическая комиссия 2-го БУЧа, председателем которой он был [20, д. 1031, л. 3] с 28 мая по 7 июня 1921 г., «пропустила» 716 чел., из которых 156 чел. были приговорены к расстрелу [43, д. 31, л. 491].

В период с 11 июля по 1 августа 1921 г. в селениях этого участка решением «особой тройки» были лишены жизни 661 повстанец и 217 заложников из числа мирных жителей [44, д. 36, л. 132].

Охранителями «революционной законности», а по сути, палачами крестьянских повстанцев являлись члены революционного военного трибунала (РВТ) губернии. Во главе его стоял Аркадий Михайлович Варман. Руководимая им выездная сессия в с. Малые Алабушки Борисоглебского уезда расстреляла 39 местных жителей [20, д. 30, л. 50 об.]. Подпись Аркадия Вармана стоит под большинством приговоров о расстреле активных участников крестьянского восстания [44, д. 10, л. 102, 106, 109]. Он отдавал и письменные распоряжения коменданту трибунала о приведении приговоров о расстреле в исполнение [45, д. 69, л. 1, 32].

Степень распространения и факты проявления антисемитизма являются показателем реакций обывателей на еврейское присутствие в провинциальной обыденности. В Кирсановском уезде местной ЧК 10 октября 1919 г. рассматривалось дело Мартынова Василия Захаровича по обвинению его в антисемитской пропаганде. За недоказанность оно было прекращено, а с него взята подписка о неагитации в будущем [46, д. 177, л. 43]. Решением Тамбовской губ. ЧК от 22 июня 1920 г. Василий Васильевич Шлыков, обвиненный в антисемитизме, был заключен в концлагерь сроком на три месяца [20, д. 958, л. 20 об.].

Юдофобские настроения были характерны и для городских слоев уездного Кирсанова, о чем свидетельствуют материалы партийного расследования члена губисполкома А. Д. Сабурова по факту исключения из партии т. Авербаха. В его заявлении от 7 ноября 1919 г. причиной всплеска антисемитизма в городе названы происки «местной кулацкой буржуазии» и выдвинутый ей «заманчивый лозунг “Бей жидов!”», виновных во всем происходящем в России», который «увлек за собой несознательные слои рабочих и солдат, но питался все-таки настроением мечтанства» [20, д. 957, л. 88 об.]. Сотрудник губ. ЧК из Борисоглебска в рапорте от 19 июня 1920 г. информировал: «За последнее время в городе стало наблюдаться широкое развитие антисемитизма среди обывательского населения, а также и среди членов партии Борисоглебской организации и особенно среди железнодорожников. Можно было часто наблюдать открытую агитацию на улице групп обывателей против еврейского населения. Это

они, мол, виноваты в том, что нет продовольствия. Они захватили власть в свои руки и командуют нами русскими людьми» [20, д. 964, л. 2].

Обсуждение и выводы

В современной историографии изучаемой проблемы в большей мере освещены вопросы революционной активности российских евреев и причины юдофобских настроений в провинциальном обществе периода революции и Гражданской войны. Выяснение степени изученности проблемы приводит к выводу о том, что инородческий фактор провинциальной повседневности времени Гражданской войны изучен недостаточно. И это прежде всего касается губерний, которые в период военных действий оставались под контролем центральной власти и по своему этническому составу были великорусскими.

Часть вынужденных беженцев империалистической войны, в прошлом местечковых евреев, найдя прибежище в тыловой губернии с целью выживания, прибегла к традиционному для этноса приему – спекуляции. У нас нет данных о возрасте евреев-спекулянтов, но можно предположить, что он был выше среднего и они имели первоначальный капитал, чтобы осуществлять торговые и финансовые операции. Примечательно то, что борьбу с любителями легкой наживы вели тоже евреи, но молодого поколения, связавшие свою судьбу с делом служения революции.

Облик еврея-чекиста тамбовской провинции периода гражданской войны таков: возраст от 19 до 28 лет, из мещан, уроженец «черты оседлости» Российской империи, окончивший гимназию или училище, имевший трудовой опыт работы по найму в качестве приказчика, конторщика, репетитора и т. п., служивший в царской армии, до революции состоявший в БУНД, вступивший в партию большевиков (коммунистов) после 1917 г., оказавшийся в Тамбовской губернии как беженец или командированный сюда в результате партийной мобилизации. Помимо этнической принадлежности и политической лояльности, залогом успешной карьеры выступало образование и непримиримость к «врагам революции».

Портрет евреев, «сражавшихся на хлебном фронте», во многом схож с их соплеменниками-чекистами. Также, рожденные

в 1890-е гг. в еврейских местечках западных губерний, имевшие среднее, а порой и высшее образование, беженцы империалистической войны. Свой политический выбор они сделали в 1917 г., связав судьбу с большевистской партией. Боевой опыт, а вместе с ним и склонность к насилию приобрели в рядах Красной гвардии или частях особого назначения. В Тамбовскую губернию они прибыли в рамках партийной мобилизации как уполномоченные Наркомпрода РСФСР или в качестве ответственных работников и продовольственных комиссаров, уже имея опыт продовольственных реквизиций, для решения проблемы увеличения объемов изымаемого у местных крестьян хлеба.

Таким образом, в годы Гражданской войны евреи играли заметную роль в повседневной жизни тамбовской провинции. Для мигрантов, беглецов из местечек она стала не только временным пристанищем, но и жизненным пространством, освоение которого происходило как с помощью использования традиционных практик, так и посредством «социальной механики» революционной эпохи. Политический выбор и образовательный уровень еврейской молодежи стали факторами, способствующими её рекрутству в формирующуюся систему партийно-советского управления. Активное участие евреев в деятельности карательных и репрессивных органов объяснимо этническим мессианством и инстинктом выживания в условиях иной культурной среды. Антисемитизм провинциальных обывателей стал следствием экспансии евреев во власть, реакцией на грабительскую продовольственную разверстку в деревне. Не добавляло симпатий к «малому» народу участия его представителей в жестоком подавлении крестьянского восстания, судебном преследовании повстанцев и карательных акциях против мирного населения тамбовских сел.

Список литературы

1. Солженицын А. И. Двести лет вместе. Часть вторая. М.: Русский путь, 2002. 553 с.
2. Бухтоярова И. М., Савчук А. Д. Революция 1917 г. и еврейский вопрос // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2017. – Вып. № 3(13). – С. 10–15.
3. Буддаков В. П. 1917 года: революция и погром // Политическая концептология. – 2015. – № 3. – С. 108–150.
4. Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М.: РОС-СПЭН, 2005. 552 с.

5. Гончаров Ю. М., Шайдунов В. Н. Евреи Самарской губернии и губерний Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в.: компаративный анализ адаптационных практик общин «вне черты» // Вестник Томского государственного университета. История. – 2021. – № 7. – С. 155–161. DOI: 10.17223/19988613/71/22

6. Иванов А. А., Курас С. Л., Курас Т. Л. Ссылные евреи в политической жизни Иркутской губернии конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2021. – № 7. – С. 162–169. DOI: 10.17223/19988613/71/23

7. Якимов К. А. Социально-демографический облик евреев-революционеров (на материалах Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 26. – № 193. – С. 169–179. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-193-169-179

8. Нам И. В., Наумова Н. И., Рабинович В. Ю. «Быть евреем»: институционализация этничности сибирских евреев в условиях революции и Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 64. – С. 53–64. DOI: 10.17223/19988613/64/7

9. Макарчук С. В., Генина Е. С., Гончарова Ю. М. Проблемы истории еврейских общин Сибири XX – начала XXI в. в оценках современных отечественных исследователей // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 64. – С. 108–115. DOI: 10.17223/19988613/64/14

10. Матвеев В. А. Российские евреи в противостоянии «белых» и «красных» в период Гражданской войны // Вестник Армави́рского государственного педагогического университета. – 2020. – № 1. С. – 55–66.

11. Рогозный П. Г. Евреи, народная религиозность и революция // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: Материалы международной научной конференции. – СПб.: Петербургский институт иудаики, 2019. – С. 241–250.

12. Безгин В. Б., Якимов К. А. «Приказчики революции»: еврейская молодежь провинции в событиях Гражданской войны (на примере Тамбовской губернии) // Научный диалог. – 2022. – № 9. – С. 301–321. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-301-321.

13. Сапон В. П. Евреи во главе советской системы управления Нижегородской губернии в 1917–1919 гг. // Евреи Европы и Ближнего Востока: история, социология, культура. Материалы международной научной конференции. 27 апреля 2014 г. / Отв. ред. М. О. Мельцин, А. Н. Пилипенко. – СПб.: Петербургский институт иудаики, 2014. – С. 268–273.

14. Каменских М. С. Еврейский комиссариат и евреи в общественной жизни Перми 1918 года (по данным архивных материалов) // Вестник Пермского университета. История. – 2018. – Вып. 3(42). – С. 64–73. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-64-73

15. Брянецв М. В. Антисемитские настроения в советской провинции в 1920-е годы // Известия Смоленского государственного университета. – 2018. – № 3(43). – С. 383–401. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-64-73

16. Стельмак М. М. К вопросу о националистических взглядах и антисемитской агитации в Сибири в период Гражданской войны // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2020. – № 23. – С. 53–60.

17. Адрес-календарь справочная книжка Тамбовской губернии 1914. Тамбов: Электрическая типо-литография губернского правления, 1914. 1032 с.

18. Туманова А. С. Еврейские общественные организации в годы Первой мировой войны // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьбы восточноевропейского еврейства. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 124–141.

19. Gattrell P. Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I. Bloomington: Indiana University Press, 1999. 317 p.

20. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-840. Оп. 1.

21. Тамбовское восстание 1920–1921 гг.: исследования, документы, воспоминания. М.: АИРО-XXI, 2018. 320 с.

22. Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. Книга вторая. М.: Московский рабочий, 1994. 383 с.

23. Бунин И. А. Окаянные дни. М.: Молодая гвардия, 1991. 335 с.

24. Сорокин П. Россия после нэпа // Крестьянская Россия: сб. ст. – Прага: Изд-во «Крестьянская Россия». – 1923. – Вып. 2–3. – С. 140–157.
25. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-400. Оп. 1.
26. Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. – 1919. – 17 октября.
27. Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. – 1920. – 24 июня.
28. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 2.
29. ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1.
30. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 13.
31. ГАТО. Ф. Р-1240. Оп. 1.
32. ГАТО. Ф. Р-398. Оп. 1.
33. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1943. Оп. 4.
34. ГАТО. Ф. Р-5201. Оп. 2.
35. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1.
36. ГАСПИТО. Ф. П-7772. Оп. 1.
37. Безгин В. Б. Лозунги повстанчества как отражение крестьянского менталитета // Исторические, философские, политические и юридические наук, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6 (80). – Ч. 2. – С. 10–13.
38. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 108.
39. Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2007. 1032 с.
40. Моршанская коммуна. – 1919. – 20 августа.
41. Безгин В. Б., Посадский А. В., Сафонов Д. А. Вооруженный протест в советской деревне 1920–1922 гг.: региональное измерение. М.: Квадрига, 2022. 448 с.
42. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4390. Оп. 14.
43. ГАТО. Ф. Р-4049. Оп. 1.
44. ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1.
45. ГАТО. Ф. Р-4075. Оп. 3.
46. ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1.

Careers and Destinies of Provincial Jews During the Years of the Civil War (on the Materials of the Tambov Province)

Vladimir B. Bezgin

The purpose of the article is to study the role of Jews in the daily life of the Tambov province during the Civil War. The study was carried out in the context of history of everyday life, through the application of the concept of "generation of a revolutionary turning point" and the methods of social history, prosopography and ethnopsychology. In the cohort under study, various scenarios of Jewish behavior in the everyday life of the revolutionary era are considered. Both the reason for their migration to the Tambov province and the nature of the activity they resorted to in order to survive in the conditions of social crisis and civil confrontation are determined. Based on the biographies of communist Jews and profiles of local senior officials, their age, place of birth, social origin, education, profession, party membership, as well as their service record and positions held were established. The specific fate of Jews in the fight against counter-revolution and desertion, implementation of food distribution, suppression of peasant uprising, and repression of civilian population are traced. Social elevators used by the Jewish youth for integration in the Soviet pow-

er institutions are revealed. The manifestation of Judeophobia of the local population was a response to the communist regime violence, which was personified by the Jews.

Key words: Jews, Tambov province, migration, Civil War, speculation, social elevators, anti-Semitic sentiments.

Acknowledgements: The research was supported financially by the Russian Science Foundation within the project № 22–18–00132.

For citation: Bezgin, V. B. (2023) Evrei v povsednevnoj zhizni provincii perioda grazhdanskoj vojny (na materialah Tambovskoj gubernii) [Careers and Destinies of Provincial Jews During the Years of the Civil War (on the Materials of the Tambov Province)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 109–131. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_3_109. EDN: TCDEDY

References

1. Solzhenitsyn, A. I. (2002) *Dvesti let vmeste. Chast' vtoraya* [Two hundred years together. Part two]. Moscow: Russian way. (In Russ.)
2. Bukhtoyarova, I. M., Savchuk, A. D. (2017) *Revolyuciya 1917 g. i evrejskij vopros* [Revolution of 1917 and the Jewish question]. *Problemy social'nyhigumanitarnyh nauk* [Problems of social and humanitarian sciences]. Issue No. 3 (13). Pp. 10–15. (In Russ.)
3. Buldakov, V. P. (2015) *1917 god: revolyutsiya i pogrom* [1917: revolution and pogrom]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology]. No. 3. Pp. 108–150. (In Russ.)
4. Budnitsky, O. V. (2005). *Rossiyskiy evrei mezhdru krasnymi i belymi (1917–1920)* [Russian Jews between Reds and Whites (1917–1920)]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
5. Goncharov, Yu. M., Shaidurov, V. N. (2021) *Yevrei Samarskoy gubernii Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.: komparativnyy analiz adaptatsionnykh praktik obshchin «vne cherty»* [Jews of the Samara province and provinces of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: a comparative analysis of the adaptation practices of communities “beyond the line”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Bulletin. History]. No. 7. Pp. 155–161. DOI: 10.17223/19988613/71/22. (In Russ.)
6. Ivanov, A. A., Kuras, S. L., Kuras, T. L. (2021) *Ssyl'nyy eyevrei v politicheskoy zhizni Irkutskoy gubernii kontsa XIX – nachala XX v.* [Exiled Jews in the political life of the Irkutsk province in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. [Bulletin of the Tomsk State University. Story]. No. 7. Pp. 162–169. DOI: 10.17223/19988613/71/23. (In Russ.)
7. Yakimov, K. A. (2021). *Sotsial'no-demograficheskiy oblik yevreyev-revolutsionerov (na materialakh Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev)* [Socio-demographic appearance of Jewish revolutionaries (based on the materials of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiles)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities]. Vol. 26. No. 193. Pp. 169–179. DOI: 10.20310/1810-0201-2021-26-193-169-179. (In Russ.)
8. Nam, I. V., Naumova, N. I., Rabinovich, V. Yu. (2020) «Byt' yevreyem»: *institutsionalizatsiya etnichnosti sibirskikh yevreyev v usloviyakh revolyutsii i igrazhdanskoj vojny* [“Being a Jew”: Institutionalization of the ethnicity of Siberian Jews in the conditions of Revolution and Civil War]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History]. No. 64. Pp. 53–64. DOI: 10.17223/19988613/64/7 (In Russ.)
9. Makarchuk, S. V., Genina, E. S., Goncharova, Yu. M. (2020) *Problemy istorii evreyskikh obshchin Sibiri XX – nachala XXI v. v otsenkakh sovremennykh otechestvennykh issledovateley* [Problems of the history of the Jewish communities of Siberia in the 20th – early 21st centuries in the assessments of modern domestic researchers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History]. No. 64. Pp. 108–115. DOI: 10.17223/19988613/64/14 (In Russ.)
10. Matveev, V. A. (2020). *Rossiyskiy evrei v protivostoyanii «belykh» i «krasnykh» v period grazhdanskoj vojny* [Russian Jews in the confrontation between “Whites” and “Reds” during the Civil

War]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Armavir State Pedagogical University]. No. 1. Pp. 55–66. (In Russ.)

11. Rogozny, P. G. (2019). *Yevrei, narodnaya religioznost' i revolyutsiya* [Jews, popular religiosity and revolution]. *Yevrei Rossii. Yevropy i Blizhnego Vostoka* [Jews of Russia, Europe and the Middle East]: Proceedings of the International Scientific Conference. Saint-Peterburg: Peterburgskiy institute iudaiki. Pp. 241–250. (In Russ.)

12. Bezgin, V. B., Yakimov, K. A. (2022). «Prikazchiki revolyutsii»: yevreyskaya molodezh' provintsii v sobytiyakh Grazhdanskoj vojny (na primere Tambovskoj gubernii) ["The clerks of the revolution": the Jewish youth of the province in the events of the Civil War (on the example of the Tambov province)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue]. No. 9. Pp. 301–321. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-301-321. (In Russ.)

13. Sapon, V. P. (2014) *Yevrei vo glave sovsotskoy sistemy upravleniya Nizhegorodskoy gubernii v 1917–1919 gg.* [Jews at the head of the Soviet system of administration of the Nizhny Novgorod province in 1917–1919]. *Yevrei Yevropy i Blizhnego Vostoka: istoriya, sotsiologiya, kul'tura* [Jews of Europe and the Middle East: history, sociology, culture]. Proceedings of the International Scientific Conference. Sankt-Peterburg: Peterburgskiy institute iudaiki. April 27, 2014. Ed. M. O. Meltsin, A. N. Pilipenko; Petersburg Institute of Jewish Studies. St. Petersburg. Pp. 268–273. (In Russ.)

14. Kamenskikh, M. S. (2018). *Yevreyskiy komissariat i yevrei v obshchestvennoy zhizni Permi 1918 goda (po dannym arkhivnykh materialov)* [Jewish Commissariat and Jews in the public life of Perm in 1918 (according to archival materials)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. [Bulletin of the Perm University. History]. Iss. 3 (42). Pp. 64–73. (In Russ.)

15. Bryantsev, M. V. (2018) *Antisemiticheskiye nastroyeniya v sovsotskoy provintsii v 1920-ye gody* [Anti-Semitic sentiments in the Soviet provinces in the 1920s]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Smolensk State University]. No. 3(43). Pp. 383–401. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-64-73 (In Russ.)

16. Stelmak, M. M. (2020). *K voprosu o natsionalisticheskikh vzglyadakh i antisemiticheskoy agitatsii v Sibiri v period Grazhdanskoj vojny* [On the issue of nationalist views and anti-Semitic agitation in Siberia during the Civil War]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Omsk State Museum of History and Local Lore]. No. 23. Pp. 53–60. (In Russ.)

17. *Adres-kalendar' spravochnaya knizhka Tambovskoj gubernii 1914 (1914)* [Address-calendar reference book of the Tambov province. 1914]. Tambov: Electric type-lithography of the provincial government. (In Russ.)

18. Tumanova, A. S. (2005). *Yevreyskiye obshchestvennyye organizatsii v gody Pervoy mirovoj vojny* [Jewish public organizations during the First World War]. *Mirovoj krizis 1914–1920 godov i sud'by vostochnoyevropeyskogo yevreystva* [World crisis of 1914–1920 and the fate of Eastern European Jewry]. Moscow: ROSSPEN. Pp. 124–141. (In Russ.)

19. Gatrell, P. (1999). *Whole Empire Walking. Refugees in Russia during World War I*. Bloomington: Indiana University Press.

20. *Gosudarstvennyy arhiv social'no-politicheskoy istorii Tambovskoj oblasti* [State Archive of the Socio-Political History of the Tambov Region] (hereinafter – *GASPI TO*). F. P-840. Op. 1. (In Russ.)

21. *Tambovskoye vosstaniye 1920–1921 gg.: issledovaniya, dokumenty, vospominaniya* (2018) [Tambov uprising of 1920–1921: research, documents, memoirs]. Moscow: AIRO-XXI. (In Russ.)

22. Prishvin, M. M. (1994). *Dnevniki. 1918–1919. Kniga vtoraya*. [Diaries. 1918–1919. Book two]. Moscow: Moskovskiy worker. (In Russ.)

23. Bunin, I. A. (1991). *Okayannyye dni*. [Cursed days]. Moscow: Young Guard. (In Russ.)

24. Sorokin, P. (1923). *Rossiya posle nepa* [Russia after the NEP]. *Krest'yanskaya Rossiya* [Peasant Russia]: Collection of articles. Prague: Publishing House "Peasant Russia". Issue. 2–3. Pp. 140–157. (In Russ.)

25. *Gosudarstvennyy arhiv Tambovskoj oblasti* [State Archive of the Tambov Region] (hereinafter – *GATO*). F. R-400. Op. 1. (In Russ.)

26. *Izvestiya Tambovskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Sovetov rabochikh, krasnoarmey-skikh i krest'yanskikh deputatov* (1919) [News of the Tambov Provincial Executive Committee of the Soviets of Workers', Red Army and Peasants' Deputies]. October 17. (In Russ.)

27. *Izvestiya Tambovskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Sovetov rabochikh, krasnoarmey-skikh i krest'yanskikh deputatov* (1920) [News of the Tambov Provincial Executive Committee of the Soviets of Workers', Red Army and Peasants' Deputies]. June 24. (In Russ.)

28. GASPITO. F. P-840. Op. 2. (In Russ.)
29. GASPITO. F. P-9019. Op. 1. (In Russ.)
30. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii. [Russian State Archive of Socio-Political History] (hereinafter – RGASPI). F. 17. Op. 13. (In Russ.)
31. GATO. F. R-1240. Op. 1. (In Russ.)
32. GATO. F. R-398. Op. 1. (In Russ.)
33. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki [Russian State Archive of Economics] (hereinafter – RGAE). F. 1943. Op. 4. (In Russ.)
34. GATO. F. R-5201. Op. 2. (In Russ.)
35. GATO. F. R-1. Op. 1. (In Russ.)
36. GASPITO. F. P-7772. Op. 1. (In Russ.)
37. Bezgin, V. B. (2017) *Lozungi povstanchestva kak otrazheniye krest'yanskogo mentaliteta* [Insurgency slogans as a reflection of the peasant mentality]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiyaiiskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. No. 6 (80). Part 2. Pp. 10–13. (In Russ.)
38. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGLA). F. 1405. Op. 108. (In Russ.)
39. *Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Belorussii i yevropeyskoy chasti Rossii v period Grazhdanskoy voyny. 1918–1922 gg.* [Book of massacres. Pogroms in Ukraine, Belarus and the European part of Russia during the Civil War. 1918–1922]. Moscow: ROSSPEN, 2007. (In Russ.)
40. *Morshanskaya kommuna* (1919) [Morshanskaya commune]. August 20. (In Russ.)
41. Bezgin, V. B., Posadsky, A. V., Safonov, D. A. (2022). *Vooruzhennyj protest v sovetskoj derevne 1920–1922 gg.: regional'noye izmereniye* [Armed protest in the Soviet countryside in 1920–1922: a regional dimension]. Moscow: Quadriga. (In Russ.)
42. Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (hereinafter – GARF). F. 4390. Op. 14. (In Russ.)
43. GATO. F. R-4049. Op. 1. (In Russ.)
44. GARF. F. 1005. Op. 1. (In Russ.)
45. GATO. F. R-4075. Op. 3. (In Russ.)
46. GASPITO. F. P-837. Op. 1. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.04.2023
Одобрена после рецензирования 28.06.2023
Принята к публикации 08.07.2023

Реализация праздничного советского календаря в еврейских школах в 1920-е гг. (на примере учебных заведений г. Красноярск и г. Ачинск)

К. А. Тишкина

Статья посвящена рассмотрению реализации во время учебного процесса праздничного советского календаря среди учащихся еврейских школ Красноярск и Ачинск. Ключевым революционным праздником являлась годовщина Октябрьской революции. К этой дате готовились заранее, а в дни празднования проходила насыщенная торжественная программа. Учащиеся максимально вовлекались в процессы организации мероприятий. Они украшали школы, изготавливали транспаранты с лозунгами, в том числе и на еврейском языке, декламировали стихотворения, принимали участие в театрализованных постановках. Благодаря привлечению широкого круга источников удалось установить, что празднование юбилейных исторических дат занимало значительное место в реализации учебного процесса. Школьники не только принимали участие в праздничных торжествах, но и изучали предпосылки того или иного исторического события. Установлено, что проводимая в советском государстве антирелигиозная политика так же отразилась на деятельности национальных учебных заведений. Со второй половины 1920-х гг. празднование Хануки и Пурима в еврейских школах не проводилось, а выходной день с субботы был перенесен на воскресенье. Сделан вывод, что праздники имели большое влияние на формирование личности советского гражданина.

Ключевые слова: Сибирь, Енисейская губерния, Ачинск, Красноярск, евреи, национальная школа, революционные праздники

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ в рамках реализации проекта № 22-78-00160.

Для цитирования: Тишкина К. А. Реализация праздничного советского календаря в еврейских школах в 1920-е гг. (на примере учебных заведений г. Красноярск и г. Ачинск) // История повседневности. – 2023. – № 3. – С. 132–145. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_132. EDN: TINHEB

Введение

Одно из первых постановлений советского правительства было связано с открытием на территории страны национальных школ, в которых преподавание осуществлялось на родном для учащихся языке. Еврейские школы при общинах функционировали и в дореволюционный период. Особый рост их числа фиксировался в годы Первой мировой войны и был связан с перемещением беженцев-евреев с пограничных территорий Российской империи. В 1920-е гг. в рамках проводимой советской политики деятельность еврейских национальных школ была восстановлена.

Обращение к теме еврейских школ на территории СССР в 1920-е гг. нашло отражение в работах современных исследований. Значительный вклад в изучение данного вопроса внесен С. С. Чистяковым, который рассматривал процесс становления и развития в России так называемой «новой еврейской школы» и специфики ее функционирования в советских реалиях [1–2]. В публикациях Г. Н. Яковлевой затронута тема религиозных и революционных праздников в еврейских школах и детских садах, а также участие детей в общественном движении в 1920-е гг. [3–5].

Региональная специфика образования и функционирования еврейских школ в Енисейской губернии отмечена в ряде исследовательских работ. К ним можно отнести раздел «Национальные школы» монографии В. В. Бибиковой [6], научные статьи Н. А. Ореховой, З. У. Колокольниковой, О. А. Казанковой, О. А. Гюнтер [7–10].

Целью данной работы является анализ практики внедрения праздничного календаря в учебный процесс в 1920-е гг. на примере еврейских школ в Красноярске и Ачинске. Задачи исследования: выявить торжественные мероприятия в школах, устраиваемые в течение учебного года; продемонстрировать степень вовлеченности детей в процесс организации и проведения праздников; определить воздействие национального фактора на восприятие советской повседневности; отметить влияние антирелигиозной советской пропаганды на учащихся национальных школ.

В научный оборот вводятся материалы, выявленные в ходе работы с документами Государственного архива Красноярского

края и МУК «Архив г. Ачинска», а также сведения из периодической печати – «Красноярская правда» и «Трудовая правда».

Результаты

К 1925 г. в Енисейской губернии действовало 87 национальных школ. Из них еврейскими являлись учреждения в Ачинске и в Красноярске [8, с. 33].

В Красноярске еврейское училище действовало с 1904 г. и первоначально располагалось недалеко от синагоги в здании по ул. Песочной, 17. С установлением советской власти в Енисейской губернии учреждение было переименовано в еврейскую школу I ступени. Большинство приступавших к обучению детей были «неграмотными по-еврейски» [11, л. 6]. В 1921/22 уч. году в учебном заведении обучалось 130 чел. К 1921 г. школа была перемещена в помещение по ул. Советской, 42. В разные годы в здании соседствовали школа № 18, школа грамоты для взрослых № 1, татарская школа, еврейский клуб «Цукунфт» и библиотека.

Заведующим школой был Борис Григорьевич Гигуз¹, который работал в учебном заведении с 1911 г. В своей автобиографической заметке для газеты «Красный рабочий» за 19 октября 1924 г. Б. Г. Гигуз отмечал, что еще в 1904–1905 гг. присоединился к рабочему движению. Принимал участие в бундовских кружках, а в 1917 г. вступил в красноярское отделение Бунда. Разочаровавшись в идеях Бунда, с 1918 г. «... пришел к твердому убеждению, что только коммунистическая партия <...> в состоянии дать окончательную победу рабочему классу в борьбе за социализм». В конце заметки Б. Г. Гигуз подчеркивал, что разорвал все отношения с партией Бунда и призывал «... всех тех, кто еще находит во власти оппортунистских идеалов, окончательно разрешить это вопрос в духе идеалов коммунизма» [12, с. 4]. В возглавляемом им учреждении в разные годы работало от шести до восьми педагогов.

В Ачинске еврейская школа была открыта в 1916 г. и располагалась в общинном доме. В конце 1910-х гг. учебное заведение закрылось, но вновь было открыто в сентябре 1922 г. В 1924 г. школа вышла из ведения религиозной общины и расположилась в здании по адресу ул. Красного Пожарника, д. 9. К 1 ноя-

¹ Другое написание фамилии – Гигус.

бря 1925 г. в учебном заведении числилось 134 школьника (58 мальчиков и 76 девочек) в возрасте от 7 до 13 лет [13, л. 3 об.]. Из всех национальных школ (татарской, латышской, чувашской) Ачинского уезда еврейская была самая многочисленная [14, л. 28]. Педагогический коллектив объединял пять человек. Заведовала школой Софья Леонтьевна Бергал.

Праздничный календарь еврейских школ выстраивался как в общей концепции памятных дат и событий советского государства, так и с учетом религиозной традиции. В первую очередь основное внимание уделялось революционным праздникам. Главной праздничной датой страны являлось 7 ноября – день годовщины Октябрьской революции.

Подготовка к торжественному событию начиналась заранее и требовала концентрации всех сил участников действия. Педагоги еврейских школ составляли обширный план работ, включавший проведение проверки и закрепление знаний учащихся о событиях прихода к власти партии большевиков, а также о том, что дала революция еврейскому народу. В случаях выявления каких-либо пробелов в знаниях требовалось их восполнить и закрепить на занятиях. Так, педагоги еврейской школы в Ачинске рассматривали с учащимися следующие вопросы: «Почему наша страна называется Советской?»; «Как устроено Советское государство?»; «Как началось строительство новой жизни?» и т. д. Ученики писали сочинения на тему «Почему трудящиеся празднуют Октябрьскую революцию?». Для украшения помещений школы дети вместе с педагогами изготавливали тематические стенгазеты и плакаты с лозунгом: «Вся власть Советам». На уроках рисования, посвященных теме Октябрьской революции, дети учились рисовать символику государства – пятиконечную звезду, серп и молот.

Некоторые занятия в школе реализовывались на еврейском языке. Учителя предлагали к прочтению и обсуждению статьи, посвященные революционным торжествам, преимущественно на тему Октябрьской революции. Лозунги к некоторым праздничным плакатам составлялись на еврейском языке [15, л. 42].

Чаще всего к октябрьским торжествам шла подготовка тематических театрализованных представлений. Так, в ноябре 1925 г., в честь восьмилетия Октябрьской революции в красноярской еврейской школе участниками драматического кружка

была поставлена пьеса В. А. Сипкина «Дети партизан» [16, л. 3]. В еврейской школе в Ачинске 7 ноября 1925 г. состоялся тематический вечер по программе «...строго выдержанной в духе праздника» [15, л. 20]. На основе песен и стихотворений была подготовлена инсценировка «Прежде и теперь», посвящённая жизни рабочих и крестьян до и после Октябрьской революции. Автором постановки выступила С. Л. Бергал.

Для проведения торжественных мероприятий, приуроченных к десятилетней годовщине Октябрьской революции, в еврейской школе в Ачинске была создана специальная комиссия, в которую помимо преподавателей вошли представители учащихся. На заседании комиссии 25 октября 1927 г. была утверждена праздничная программа, обсужден вопрос по украшению здания, выбраны тексты лозунгов и т. д. Для ребят I и II групп «с привлечением неорганизованных детей» все мероприятия 8 ноября 1927 г. реализовывались в утренние часы, а для III и IV групп учащихся – в вечерние [15, л. 103]. Для праздничного вечера была подготовлена обширная программа, начавшаяся исполнением гимна «Интернационал», затем следовало выступление заведующей школой о достижениях советской власти за десять лет. После прозвучали приветствия от представителей организаций города, родителей, учителей и учеников. Учащимися были подготовлены доклады: «Октябрьская революция»; «Ленин – вождь трудящихся» и «О работе школы». Во второй части вечера была показана инсценировка «Трудящиеся до и после Октября». Мероприятие закончилось чаепитием, играми и танцами [15, л. 90].

В главный праздник весны – День интернационала (1 мая) – учащиеся привлекались к массовым торжественным шествиям по улицам населенных пунктов, а в учебных заведениях организовывались «первомайские школьные праздники» [17, с. 6]. В дни подготовки к торжествам дети украшали школу, изготавливали стенгазеты и тематические плакаты, учили тематические стихотворения.

Смерть В. И. Ленина 21 января 1924 г. расширила цикл памятных мероприятий. В общегосударственную неделю траура занятия в школах отменялись, но проходили мероприятия, посвященные Председателю СНК СССР. Для учащихся III и IV групп красноярской еврейской школы были устроены темати-

ческие занятия, рассказывающие о жизни и работе В. И. Ленина. В день похорон – 27 января 1924 г. – прошел сбор учащихся для почтения памяти вождя революции [18, л. 21]. «Главной» датой начала года являлся День 9 января 1905 г. («Кровавое воскресенье» – день начала первой русской революции). С 1926 г. два события – день 9 января 1905 г. и день смерти В. И. Ленина – были объединены в один мемориальный день – 22 января. Торжественной дате предшествовала с 17 по 21 января 1926 г. «Неделя памяти вождей»¹. В еврейской школе в Ачинске 22 января 1926 г. силами учащихся была поставлена пьеса «Сенькина клятва» и организован большой концерт с несколькими отделениями.

Советское государство обратило внимание на празднование юбилейных дат исторических событий прошлого. В декабре 1925 г. в СССР прошли масштабные мероприятия, посвященные 20-летию первой русской революции и 100-летию восстания на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. В сибирской периодике публиковались статьи о жизни декабристов в ссылке, а также о реакции жителей городов региона на события 1905 г. В программу школьных занятий на декабрь 1925 г. в обязательном порядке были включены для изучения указанные исторические события. В красноярской еврейской школе празднование юбилейной годовщины восстания на Сенатской площади проходило в рамках «Недели памяти вождей» в январе 1926 г. Для учащихся IV группы была подготовлена тематическая беседа «От декабристов до современных революционных вождей», а также выбраны для чтения статьи о декабристах, К. Либкнехте, Р. Люксембург, В. И. Ленине, воспоминания Н. К. Крупской [16, л. 41].

Датой празднования 20-летия Декабрьского восстания в Москве было объявлено 19 декабря. В период с 1 по 22 декабря 1925 г. в населенных пунктах страны осуществлялась компания по продвижению ленинских идей. Перед праздничной датой Ачинский окружной отдел народного образования направил в школы циркуляры по подготовке мероприятий к 20-летию событий 1905 г. Основное внимание в документе уделялось проведению среди школьников тематических бесед и лекций, представлению докладов, а также занятиям в избах-читальнях

¹ В документах также встречается название «Неделя павших вождей революции». Суть данного мероприятия – чествование памяти Р. Люксембург, К. Либкнехта и В. И. Ленина.

и красных уголках [19, с. 4]. В мероприятиях городских учебных заведений предписывалось подробно освещать рабочее движение, в деревенских и сельских – аграрное движение. Для более успешного освоения материала, педагогам предлагалось для каждой возрастной группы учащихся разработать отдельный план занятий. 19–20 декабря 1925 г. в учебных заведениях должны были осуществиться праздничные мероприятия – концерты, инсценировки, декламации стихотворений и т. д. Кроме этого, коллективу каждой школы предписывалось принять участие в общем празднике своего населенного пункта. После завершения всех торжественных мероприятий педагогическому коллективу следовало предоставить на собрании учащихся отчет о проделанной работе и отразить его в школьной стенгазете [20, с. 4]. В ачинской еврейской школе празднование 20-летия событий 1905 г. состоялось 20 декабря.

Торжественные мероприятия, приуроченные к юбилеям российских писателей, тоже были актуальны для учебного процесса. В декабре 1921 г. в стране отмечалось 100-летие со дня рождения Н. А. Некрасова. В еврейской школе в Красноярске в честь этого события было проведено литературное утро [18, л. 65 об.].

Региональный компонент также присутствовал в праздничном календаре учащихся. Так, осенью 1923 г. в школах Енисейской губернии отмечалась годовщина образования пионерского движения. По этому случаю в еврейской школе в Красноярске прошел «пионерский праздник». В рамках торжественного мероприятия силами учащихся третьей группы была подготовлена пьеса «На старой мельнице», а также организованы музыкальный концерт и игры [21, л. 2 об.].

В 1924 г. еврейская школа в Красноярске отмечала свой 20-летний юбилей. Торжественной датой было объявлено 16 октября 1924 г. На родительском собрании 5 октября 1924 г. была поддержана инициатива по проведению сбора пожертвований среди еврейского населения Красноярска в пользу учебного заведения и на устройство праздника [21, л. 47]. В указанный день на мероприятие приглашались не только учащиеся, но и их родители, представители от губоно, бывшие сотрудники еврейской школы.

Во второй половине 1920-х гг. новые праздники прочно закрепились в повседневной жизни советских граждан. Окончательное формирование «красного календаря» произошло

после принятых правительством постановлений, официально зафиксировавших 1 и 2 мая как Дни интернационала, а 7 и 8 ноября – празднование событий Октябрьской революции. Увеличение числа праздничных дней предполагало выполнение к ним более качественных подготовительных работ и разделение в регламенте торжеств официальной и неофициальной частей [22, с. 293]. Специальные мероприятия, в основном в виде бесед о значимости этих исторических дат, в школах проводились 23 февраля – день Красной армии, 8 марта – День работниц, 12 марта – Низвержение самодержавия, 18 марта – день Парижской коммуны, 17 апреля – памятный день Ленских событий 1912 г.

Советское правительство осуществляло антирелигиозную пропаганду, направленную в первую очередь на искоренение сложившегося до революции традиционного уклада жизни. Одним из примеров такой деятельности являлось вытеснение религиозных праздников и замена их советскими [23, с. 247]. В советском календаре, начиная с 1923 г., появился праздник с аграрным уклоном «День урожая», который чаще всего приходился на 14 октября, что совпадало с праздником Покрова Пресвятой Богородицы и окончанием полевых работ [24, с. 47]. В 1925 г. в Ачинском уезде подготовке к проведению торжественных мероприятий придавалось большое значение, т. к. крестьянин «... не привык к новому празднику», а поэтому необходимо было принять «... самые энергичные меры к внедрению в широкие массы крестьянства нового праздника...» [25, л. 40].

«День урожая» не являлся сугубо сельским праздником. В городах он организовывался с целью привлечения внимания к аграрной жизни уездов. На совещании учителей 9 октября 1925 г. заведующая школой С. Л. Бергал предложила к 14 октября сформировать «живой уголок», а в праздничный день устроить «литературное утро». В последующие годы обязательным элементом «Дня урожая» в еврейской школе стало устройство для учащихся выставок экспонатов огородных и полевых хозяйств, орудий труда и т. д. [15, л. 38 об.].

Устройство национальных религиозных праздников являлось частью школьной жизни. Так, в марте 1922 г. в стенах школы в Красноярске прошло празднование Пурима, на которое приглашались все дети города, исповедовавшие иудаизм. Силами

учащихся на русском языке была поставлена историческая сценка «Гибель Амана», а на еврейском языке – детская комедия «Пост Эсфири». На празднике пел хор, певцы исполняли сольные партии. В конце торжества детям дали угощения [26, л. 23]. В конце 1922 г. члены школьного совета под руководством Б. Г. Гигуза обсуждали вопрос о проведении Хануки.

Усиление антирелигиозной пропаганды среди еврейского населения Красноярска началось с января 1925 г. В начале года еврейской секцией клуба «Красный Октябрь» был открыт антирелигиозный кружок, который затем сформировался в ячейку общества «Безбожник». Членами организации стали педагоги еврейской школы – Б. Г. Гигуз, Л. А. Свирская (секретарь ячейки), А. И. Анучина, З. И. Башурова [27, л. 24].

На заседании школьного совета 5 января 1925 г. представителем Губпрофсовета Я. А. Хайтовичем был поднят вопрос об антирелигиозной пропаганде в учебном заведении. Заведующий школой Б. Г. Гигуз отметил, что основная антирелигиозная работа заключалась в преподавании истории еврейского народа с научной точки зрения, без «чудесного и сверхъестественного» элемента [27, л. 17 об.]. Среди учащихся III и IV группы также проводились беседы¹ на темы истории формирования еврейских праздников с «целью уничтожить религиозные верования» [27, л. 17]. Некоторые присутствовавшие на собрании педагоги отметили, что старались не затрагивать на уроках религиозные вопросы в силу незнания еврейского уклада жизни. Другие учителя, напротив, подчеркнули, что использовали всякую возможность «для искоренения религиозных предрассудков» среди учеников. Тем не менее Я. А. Хайтович призвал усилить антирелигиозную пропаганду в школе.

Обращение к теме религиозных праздников в первую очередь было связано с преподаванием еврейского языка и истории. Начиная с учебного года 1925/26 г. в разных группах занятия «по еврейским предметам» в школе в Красноярске сосредотачивались вокруг таких тем, как «9-е января и Ленин», «День женщины», «День Парижской коммуны» для I группы; «Праздничные кампании: траурные дни, день Красной Армии, День работницы, Февральская революция, Парижская коммуна» – для II, III и IV

¹ Так, например, в отчете за 1925 г. учительница Л. А. Свирская в качестве антирелигиозной беседы среди учащихся III группы указала тему «Возникновение религии и веры в бога у первобытных людей» [20, л. 26].

групп. Освещение темы «Комплекс “Небо и земля” (происхождения еврейской Пасхи)» проходило только для четвертой группы [16, л. 44 об.]. На педагогическом совещании еврейской школы 19 октября 1925 г. был поднят вопрос о переносе выходного дня с субботы на воскресенье. Это было связано с тем, что в воскресные дни ученики занимались в пионерских отрядах [16, л. 12].

Обсуждение и выводы

Советский праздничный календарь играл значительную роль в жизни школьника. В связи с тем, что торжества осуществлялись во время учебного года, учащиеся максимально привлекались к их реализации. На учебных занятиях школьники изучали историю возникновения того или иного праздника, а также рассматривали вопросы, связанные с продвижением в стране идей Всесоюзной коммунистической партии большевиков и В. И. Ленина в контексте самих праздников. Процесс организации и проведения праздников в еврейских школах Красноярска и Ачинска соответствовал идеям советской педагогики о создании школы, взаимодействующей с окружающей средой, формирующей и воспитывающей у молодежи социалистическое мировоззрение, коллективизм. Учащиеся занимались украшением помещений школы, изготовлением стенгазет и плакатов, участвовали в инсценировках, концертах и т. д. Часть материала давалась на еврейском языке. Это позволяло ученикам прочувствовать всю атмосферу торжественности, а также влияло на восприятие ими некоторых исторических событий. В связи с тем, что советские школы были светскими, проведение праздничных мероприятий, связанных с религиозной принадлежностью учеников, постепенно свелось к нулю.

Список литературы

1. Чистяков С. С. Формирование новой еврейской национальной школы в Советской России (1920–1923 гг.) // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 3. – С. 287–290.
2. Чистяков С. С. Вопрос о языке еврейской национальной школы в работе народного комиссариата просвещения РСФСР (1918–1919 гг.) // Власть. – 2011. – № 5. – С. 107–109.
3. Яковлева Г. Н. Традиционные бытовые практики евреев Витебщины в контексте советских реалий 1920-х гг. // Метаморфозы истории: научный альманах. – 2014. – Вып. 5. – С. 317–342.

4. Яковлева Г. Н. Советские еврейские детские сады 1920-х гг. на Витебщине и их роль в политической социализации детей и родителей // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14 апреля 2019 г. – СПб.: Петербургский институт иудаики, 2019. – С. 167–174.

5. Яковлева Г. Н. Советские еврейские школы на Витебщине в 1920-е гг. // Актуальные проблемы историкообразования: материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии, Витебск, 25–27 апреля 2019 г. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. – С. 279–283.

6. Бибикина В. В. Становление единой трудовой школы в 20-е годы XX века в Приенисейской Сибири. Красноярск: ВВВ, 2008. 352 с.

7. Орехова Н. А. Образовательная деятельность еврейских общин в Енисейской губернии (середина XIX и начало XX вв.) // История науки и образования в Сибири: сборник материалов всероссийской научной конференции, 15–16 ноября 2005 г. – Красноярск: КГПУ, 2006. – С. 128–136.

8. Колокольникова З. У., Казанкова О. А. Краткосрочные курсы как форма подготовки учителей национальной школы в 20–30-е гг. XX века // Materiały IX Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Perspektywiczne opracowania są nauką i technikami». Volume 19. Pedagogiczne nauki. – Przemyśl: Nauka I studia, 2013. – С. 32–38.

9. Колокольникова З. У. Становление национальных школ Приенисейской Сибири в 20-е гг. XX в. // Педагогика: научно-теоретический журнал Российской академии образования. – 2022. – Т. 86, № 7. – С. 97–107.

10. Гюнтер О. А. Генезис национальной школы некоренного пришлого населения Енисейской губернии в 1860–1920-е гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири: научный периодический журнал. – 2022. – № 1(47). – С. 89–94. DOI: 10.18324/2224-1833-2022-1-89-94.

11. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 273.

12. Гигуз Б. Товарищ редактор! // Красноярский рабочий. – 1924. – № 238. – С. 4.

13. МУК «Архив города Ачинска». Ф. Р-275. Оп. 1. Д. 34.

14. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 326.

15. МУК «Архив города Ачинска». Ф. Р-275. Оп. 1. Д. 1.

16. ГААК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 56.

17. Еврейская школа // Красноярский рабочий. – 1921. – № 92. – С. 6.

18. ГААК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 96.

19. К 20-летию 1905 года // Трудовая правда. – 1925. – № 37. – С. 4.

20. Пронкин В. К 20-ти летию 1905 г. // Трудовая правда. – 1925. – № 40. – С. 4.

21. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 190.

22. Шаповалов С. Н. Советские революционные праздники в 1918–1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 1. – С. 288–294.

23. Соболева А. Н. «Освещение» религиозных праздников в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 4. – С. 246–249.

24. Багдасарян С. Д. День урожая в советской деревне 1920-х гг.: мотивы создания и порядок празднования (на материалах Дона, Кубани, Ставрополя) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. – 2013. – № 1. – С. 44–50.

25. ГАКК. Ф. П-59. Оп. 1. Д. 46.

26. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 141.

27. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 273.

The Implementation of the Festive Soviet Calendar in Jewish Schools in the 1920s (on the Example of Educational Institutions in Krasnoyarsk and Achinsk)

Ksenia A. Tishkina

The article is devoted to the realization during the educational process of the Soviet holiday calendar among the students of Krasnoyarsk and Achinsk Jewish schools. The key revolutionary holiday was the October Revolution anniversary. The pupils prepared for this date in advance, and during the days of celebration they carried out a rich festive program. Pupils were involved as much as possible in the processes of the events' organizing. They decorated schools, made banners with slogans, including those in Hebrew, recited poems, and took part in theatrical performances. Through the use of a wide range of sources, it has been possible to establish that the celebration of historical anniversaries played an important role in the teaching process. Pupils not only took part in the festivities, but also studied the background of this or that historical event. It was found that the antireligious policy, conducted in the Soviet state, was also reflected in the activity of national educational institutions. Since the second half of 1920s the holidays of Hanukkah and Purim were not celebrated in Jewish schools, and the day off from Saturday was moved to Sunday. It is concluded that the holidays had a great influence on the formation of the personality of a Soviet citizen.

Key words: Don Armenians, Nakhichevan-on-Don, place of memory, Balabanov groves, landscaping.

Acknowledgements: The research was supported financially by the Russian Science Foundation within the project № 22-78-00160.

For citation: Tishkina, K. A. (2023) Realizatsiya prazdnichnogo sovetskogo kalendarya v evrejskikh shkolakh v 1920-e gg. (na primere uchebnykh zavedenij g. Krasnoyarska i g. Achinska) [The Implementation of the Festive Soviet Calendar in Jewish Schools in the 1920s (on the Example of Educational Institutions in Krasnoyarsk and Achinsk)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 132–145. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_3_132. EDN: TINHEB

References

1. Chistyakov, S. S. (2011) *Formirovaniye novoy evrejskoj nacional'noj shkoly v Sovetskoj Rossii (1920–1923 gg.)* [Formation of a new Jewish national school in Soviet Russia (1920–1923)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 3. Pp. 287–290. (In Russ.)
2. Chistyakov, S. S. (2011) *Vopros o yazyke evrejskoj nacional'noj shkoly v rabote narodnogo komissariata prosveshcheniya RSFSR (1918–1919 gg.)* [The question of the language of the Jewish national school in the work of the People's Commissariat of Education of the RSFSR (1918–1919)]. *Vlast'* [Power]. No. 5. Pp. 107–109. (In Russ.)
3. Yakovleva, G. N. (2014) *Tradicionnyye bytovye praktiki evreev Vitebskhiny v kontekste sovetskikh realij 1920-h gg.* [Traditional everyday practices of the Jews of Vitebsk region in the context of the Soviet realities of the 1920s]. *Metamorfozy istorii: nauchnyj al'manah* [Metamorphoses of history: scientific almanac]. Iss. 5. Pp. 317–342. (In Russ.)

4. Yakovleva, G. N. (2019) *Sovetskie evrejskie detskie sady 1920-h gg. na Vitebskhchine i ih rol' v politicheskoy socializacii detej i roditel'ej* [Soviet Jewish kindergartens in the 1920s in the Vitebsk region and their role in the political socialization of children and parents]. *Evrei Rossii, Evropy i Blizhnego Vostoka: istoriya, kul'tura i slovesnost'* [Jews of Russia, Europe and the Middle East: history, culture and literature]: materialy mezhdunar. nauch. konf., Sankt-Peterburg, 14 aprelya 2019 g. St. Petersburg: Peterburgskij institut iudaiki. Pp. 167–174. (In Russ.)

5. Yakovleva, G. N. (2019) *Sovetskie evrejskie shkoly na Vitebskhchine v 1920-e gg.* [Soviet Jewish schools in the Vitebsk region in the 1920s]. *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya* [Actual problems of source studies]: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. k 110-letiyu Vitebskoj uchenoj arhivnoj komissii, Vitebsk, 25–27 aprelya 2019 g. Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova. Pp. 279–283. (In Russ.)

6. Bibikova, V. V. (2008) *Stanovlenie edinoj trudovoj shkoly v 20-e gody XX veka v Prienisejskoj Sibiri* [The formation of a unified labor school in the 20s of the 20th century in the Yenisei Siberia]. Krasnoyarsk: VVV. (In Russ.)

7. Orekhova, N. A. (2006) *Obrazovatel'naya deyatel'nost' evrejskih obshchin v Enisejskoj gubernii (seredina XIX i nachalo XX vv.)* [Educational activities of Jewish communities in the Yenisei province (mid-19th and early 20th centuries)]. *Istoriya nauki i obrazovaniya v Sibiri* [History of science and education in Siberia]: sb. materialov vseros. nauch. konf. (15–16 noyab. 2005 g.). Krasnoyarsk: KGPU. Pp. 128–136. (In Russ.)

8. Kolokol'nikova, Z. U., Kazankova, O. A. (2013) *Kratkosrochnye kursy kak forma podgotovki uchitel'ej nacional'noj shkoly v 20–30-e gg. XX veka* [Short-term courses as a form of training teachers of the national school in the 20–30s of the 20th century]. Materialy IX Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji "Perspektywiczne opracowania są nauką i technikami". Volume 19. Pedagogiczne nauki. Przemysł: Nauka I studia. Pp. 32–38. (In Russ.)

9. Kolokol'nikova, Z. U. (2022) *Stanovlenie nacional'nyh shkol Prienisejskoj Sibiri v 20-e gg. XX v.* [Formation of national schools of the Yenisei Siberia in the 20s of the 20th century]. *Pedagogika: nauchno-teoreticheskij zhurnal Rossijskoj akademii obrazovaniya* [Pedagogy: scientific and theoretical journal of the Russian Academy of Education]. Vol. 86. No. 7. Pp. 97–107. (In Russ.)

10. Gyunter, O. A. (2022) *Genezis nacional'noj shkoly nekorenno go prishlogo naseleniya Eni-sejskoj gubernii v 1860–1920-e gg.* [Genesis of the national school of the non-indigenous alien population of the Yenisei province in the 1860s–1920s]. *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri: nauchnyj periodicheskij zhurnal* [Problems of socio-economic development of Siberia: scientific periodical]. No. 1 (47). Pp. 89–94. (In Russ.) DOI: 10.18324/2224-1833-2022-1-89-94

11. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja (GAKK)* [State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)]. F. R-93. Op. 1. D. 273.

12. Giguz, B. (1924) *Tovarishch redaktor!* [Comrade editor!]. *Krasnoyarskij rabochij* [Krasnoyarsk worker]. No. 238. P. 4. (In Russ.)

13. MUK «Arhiv goroda Achinska» [MUK «Archive of the city of Achinsk»]. F. R-275. Op. 1. D. 34.

14. GAKK. F. R-93. Op. 1. D. 326.

15. MUK «Arhiv goroda Achinska». F. R-275. Op. 1. D. 1.

16. GAAK. F. R-137. Op. 1. D. 56.

17. *Evrejskaya shkola* (1921) [Jewish school]. *Krasnoyarskij rabochij* [Krasnoyarsk worker]. No. 92. P. 6. (In Russ.)

18. GAAK. F. R-93. Op. 1. D. 96.

19. *K 20-letiyu 1905 goda* (1925) [To the 20th anniversary of 1905]. *Trudovaya pravda* [Labor truth]. No. 37. P. 4. (In Russ.)

20. Pronkin, V. (1925) *K 20-ti letiyu 1905 g.* [To the 20th anniversary of 1905]. *Trudovaya Pravda* [Labor truth]. No. 40. P. 4. (In Russ.)

21. GAKK. F. R-93. Op. 1. D. 190.

22. Shapovalov, S. N. (2010) *Sovetskie revolyucionnyye prazdniki v 1918–1920-e gg.* [Soviet revolutionary holidays in 1918–1920s]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 1. Pp. 288–294. (In Russ.)

23. Soboleva, A. N. (2011) «*Osovechivanie*» *religioznyh prazdnikov v 1920-e gg.* [“Contemplation” of religious holidays in the 1920s]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 4. Pp. 246–249. (In Russ.)

24. Bagdasaryan, S. D. (2013) *Den' urozhaya v sovetskoj derevne 1920-h gg.: motivy sozdaniya i poryadok prazdnovaniya (na materialah Dona, Kubani, Stavropol'ya)* [Harvest Day in the Soviet village of the 1920s: motives for creation and the order of celebration (on the materials of the Don, Kuban, Stavropol)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Istorija i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences]. No. 1. Pp. 44–50. (In Russ.)

25. ГАКК. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 46.

26. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 141.

27. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 273.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023 г.

Одобрена после рецензирования 11.05.2023

Принята к публикации 10.06.2023

Деятельность ленинградских ульпанов в 1965–1970-х годах

Э. А. Бернадский

В статье рассматривается история возникновения Ленинградской сионистской организации и ульпанов, которые были основой ее деятельности, а также затронута история подготовки операции «Свадьба». Занятия в ульпанах способствовали пробуждению национального самосознания советских евреев, которое являлось одним из пунктов программы Организации.

Воссоздать картину появления организации и деятельность ульпанов помогают воспоминания Гилеля Бутмана, опубликованные после его эмиграции в Израиль. Он стоял у истоков организации, создал один из первых ульпанов в пригороде Ленинграда, был одним из организаторов операции «Свадьба», которая стала переломным моментом не только для ее участников, но и для других членов организации, а также для сионистского движения в СССР. Несмотря на опасения участников группы, что реализация плана по угону самолета погубит ульпаны, они продолжили свою деятельность и после ареста первых преподавателей.

Многие слушатели ульпанов, эмигрировав из СССР, профессионально занялись преподаванием иврита.

Ключевые слова: евреи Ленинграда, национальное возрождение, отказники, сионистское движение, ленинградская сионистская организация, ульпаны, операция «Свадьба».

Для цитирования: Бернадский Э. А. Деятельность ленинградских ульпанов в 1965–1970-х годах // История повседневности. – 2023. – № 3. – С. 146–160. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_146. EDN: OJGWRW

Введение

Неотъемлемой частью истории и культуры Санкт-Петербурга стали евреи, которые появились в городе с момента его основания в 1703 г. [1, с. 158].

За всю свою историю еврейская община города терпела как взлеты, так и падения, что напрямую было связано со сменой правителей, социально-экономическим курсом государства и внешними связями.

Одним из ярких периодов в жизни общины была вторая половина XX в. Еще полностью не оправившуюся после событий Великой Отечественной войны и сталинских репрессий, еврейскую общину ждал недолгий период «оттепели», который, вопреки всем ожиданиям, стал временем усиления антисемитской политики государства.

Вместе с этим начался новый рассвет еврейской культуры, зарождавшейся среди молодого поколения ленинградских евреев, воспитанного на советской идеологии и практически не знакомого со своей религией и национальной культурой.

Свою роль сыграла и Шестидневная война 1967 г., которая обострила у евреев «чувство национальной гордости и протеста против действий партийных властей» [2, с. 68].

Все это вдохнуло «новую жизнь» в деятельность еврейского населения страны – в СССР стало зарождаться еврейское движение за национальное возрождение, в котором выделились «два направления: за эмиграцию из страны и «культурническое», за отстаивание культурных и религиозных прав внутри СССР, или возможность национальной самоидентификации евреев внутри Советского Союза» [3, с. 16].

В Ленинграде в этот период возникла Ленинградская сионистская организация. С целью пробуждения национального самосознания евреев участники организации стали привлекать к занятиям в ульпанах еврейскую молодежь, которая стала ее движущей силой.

Несмотря на значимость ульпанов для движения евреев за национальное возрождение, вопрос этот малоизучен, а основным источником является мемуарная литература.

Самые значимые воспоминания для изучения истории ульпанов – мемуары Гилеля Бутмана, одного из основателей Ленинградской сионистской организации и инициаторов операции

«Свадьба». В своей книге «Иерусалим – Ленинград с долгой пересадкой» [4], написанной после освобождения в 1979 г. и репатриации в Израиль, он очень подробно рассказывал о возникновении сионистской организации в Ленинграде, о появлении первых ульпанов, об их устройстве и деятельности, о подготовке к операции «Свадьба», об аресте и последующих судебных процессах. Несмотря на трагичность этих событий для себя, своей семьи и друзей, Г. Бутман не без гордости говорил об их значимости для еврейской алии из СССР.

Г. Бутман в своих воспоминаниях отмечал: «Мне было бы трудно не написать эту книгу. И написать ее тоже было трудно. Но сдастся мне, что я должен был это сделать» [4, с. 16].

Воспоминания других участников организации посвящены в основном операции «Свадьба». Ульпаны в них упоминаются в связи с тем, что именно из числа их участников выбирались кандидаты для угона самолета.

Также стоит отметить статьи в ленинградских периодических изданиях, которые описывали судебные заседания и сроки, присужденные организаторам и участникам как операции, так и самой Ленинградской сионистской организации.

В историографии ульпанов Ленинграда 1965–1970 гг. отсутствуют полномасштабные работы, посвященные данному вопросу. И это неудивительно, так как историография евреев Ленинграда этого периода также малочисленна. Это связано с тем, что долгое время тема евреев в советской исторической литературе была под запретом, а все упоминания носили антисемитский характер.

В настоящее время появляются исследования, посвященные истории евреев Ленинграда, но большая их часть затрагивает историю евреев с момента основания города до окончания Великой Отечественной войны. В немногочисленных работах, посвященных советскому периоду жизни ленинградских евреев, также проскальзывают упоминания об ульпанах в контексте изучения еврейского национального движения и операции «Свадьба» [2; 3; 5–7].

Результаты

«Оттепель», на которую еврейское население возлагало большие надежды, не оправдала ожиданий. В СССР закрывались синагоги. Израиль, сионизм и еврейская религия

подвергались яростной критике. Пресекались контакты с зарубежными евреями.

До конца 1950-х гг. ни на идише, ни на русском языке в стране не издавались книги, затрагивавшие еврейский вопрос. Не было ни одного музея, посвященного истории, литературе, искусству еврейской нации – еврейская культура в СССР была практически уничтожена.

По сравнению с другими народами, населявшими СССР, евреи, особенно молодое поколение, испытывали явную, хоть и негласную, дискриминацию, которая проявлялась как в повседневной жизни, так и в доступе к высшему образованию, устройству на работу, продвижению по службе.

С осознанием ограниченности своих прав из-за национальности и отсутствия перспектив для дальнейшего развития на фоне внутривосточных факторов стало формироваться понимание о том, что есть родное государство – Израиль, родина предков, которая способна защитить и помочь.

Уже в первые годы существования Израиль продемонстрировал свой потенциал, а после Шестидневной войны, когда Советский Союз проводил жесткую антиизраильскую кампанию, что повлекло за собой усиление антисемитской атмосферы в советском обществе, желание репатриироваться только усилилось. Иллюзии, которые возникли у евреев во время «оттепели», в середине 60-х гг. XX в. окончательно разрушились. Еврейское население оказалось в непростой ситуации. С одной стороны, оно было оторвано от национальной культуры и лишено связей с зарубежными соплеменниками; с другой – ограничено в гражданских правах; с третьей – не могло выехать из страны.

Этот период стал началом поиска новых ценностей, которыми стали ценности национальные [5, с. 7]. Гордость за Израиль на фоне безвыходного положения породила еврейское движение за национальное возрождение. В разных городах Советского Союза возникали небольшие подпольные сионистские группы, которые впоследствии наладили между собой связи и вышли из подполья. К концу 1960-х гг. они превратились в гласное массовое движение [6, с. 327].

Ленинград не остался в стороне. В ноябре 1966 г. здесь также возникла сионистская организация в результате объединения двух молодежных подпольных групп. Один из ее организато-

ров – Гилель Бутман – в своих воспоминаниях указал формальную дату появления организации – 5 ноября 1966 г. Именно в этот день в пустынном парке Царскосельского лицея в г. Пушкине произошла встреча двух подпольных сионистских групп Ленинграда. «Был серый, промозглый день поздней осени. Ветер пронизывал насквозь, и мы тесно прижались друг к другу. По одну сторону стола я, Соломон Дрейзнер и Рудик Бруд, с которым Соломон вместе кончал строительный институт. По другую – Арон Шпильберг, Давид Черноглаз и Владик Могилевер. Арон – инженер, Давид – агроном, Владик – математик, аспирант университета. Все недавно закончили институты. <...> На их стороне стола не хватает Бена Товбина, на нашей – Гриши Вертлиба, моего товарища по юридическому институту. То, что их нет, не меняет дела: сегодня объединяются две ранее почти не знакомые четверки и создают организацию» [4, с. 32].

Участники встречи – поколение 1930-х гг., воспитанное на советской идеологии и незнакомое со своей национальной культурой и религией, но с пониманием своего происхождения. Под влиянием жизненных обстоятельств, когда идеалы коммунизма в сознании молодых евреев были очернены, они пришли к сионизму. Общее желание изменить свою жизнь, жизнь своих родных и близких, жизнь других советских евреев в лучшую сторону привело в парк и объединило малознакомых людей.

Во время встречи была достигнута договоренность о сборе членских взносов, о принятии устава в письменной форме. С целью борьбы «за свободный выезд в Израиль и распространение еврейской культуры для пробуждения национального самосознания» [7, с. 516] была принята устная программа организации, которая и стала основой для объединения двух групп. Позже было решено, что каждая группа будет действовать самостоятельно в рамках программы, но при этом они должны координировать между собой свою работу. Для всех участников встречи это был ответственный шаг, в первую очередь касающийся их безопасности. Если бы КГБ прознало об Организации, программа, устав и членские взносы на суде стали бы основой для серьезного обвинения. Но тем не менее организация была создана, программа принята.

До 1969 года деятельность Организации сводилась к просветительскому пункту программы, основой сионистских

групп стали ульпаны по изучению еврейской истории и иврита¹. Так, в 1967 г. в пригороде Ленинграда появился первый ульпан, который организовали Владимир Могиливер, преподававший потом иврит, и Давид Черноглаз, обучавший слушателей истории еврейского народа. Именно Владимир Могиливер считается основоположником преподавания иврита. Им была разработана методика преподавания языка в Ленинграде, а также он занимался обучением и подготовкой будущих учителей иврита.

Ульпан располагался в снятом на время доме в Репино. Комнаты в нем были просторные и вмещали в себя до двадцати слушателей. Но так как дом снимался осенью, перед воскресными занятиями дежурные всю ночь его протапливали из-за холодной погоды. Кроме того, в доме была кухня, на которой готовили обеды для всех.

Слушателями ульпана стали первые члены сионистской организации Ленинграда и их знакомые, в основном студенты или недавние выпускники. Уровень преподавания был высокий, язык изучали по дореволюционным изданиям и по израильским учебникам, которые получали нелегальным путем, а после размножали фотомеханическим способом. Вместе с уроками иврита в ульпанах также изучали историю еврейского народа, ивритские песни и т. п. Курс завершался сдачей экзамена.

Примерно через полтора месяца в городе появился второй ульпан. Его организаторами были Гилель Бутман, который преподавал иврит, и Соломон Дрезнер, занимавшийся хозяйственными делами. Помещения для ульпана было снято в Лисьем Носу, чуть ближе к городу.

В отличие от первого, второй ульпан размещался в небольшой комнате, 15–20 кв. м. Дежурные приезжали заранее и протапливали помещение. Обстановка в этом ульпане была более «семейная». Во время занятий, чтобы всем хватило места, слушатели сидели близко друг к другу, еду было принято привозить из дома с расчетом на тех, кто придет без всего. Длинные перемены

¹ До событий октября 1917 года иврит в большинстве еврейских общин изучали с детства, несмотря на то, что преимущественно домашним языком был идиш и другие локальные языки. После того, как иврит был запрещен (после революции) и языком советских евреев был объявлен идиш, а в 30-е годы XX в. закрылись последние еврейские школы с преподаванием иврита, небольшая часть советских евреев до 1960-х годов изучала язык втайне. С середины 60-х годов в стране все больше стали появляться подпольные курсы по изучению иврита. По аналогии с подобными курсами, действовавшими в Израиле, они стали называться «ульпанами».

у молодых людей проходили за игрой в футбол, а девушки в это время готовили стол. Все это давало чувство единения.

По словам Г. Бутмана, главным в ульпане было не получение знаний. Это были «маленькие еврейские республики, в которых за время обучения люди приходили от эмоционального сочувствия Израилю к идее о необходимости собственного выезда в страну» [4, с. 114].

Академический уровень второго ульпана был намного ниже. Закончившие его знали язык довольно сносно, но практически все вступали в организацию. В завершении курса слушатели получали в подарок набор самиздатовских брошюр. В набор входили: брошюра со стихами Ш. Черниховского, который внес важный вклад в литературу на иврите [8, с. 16]; брошюра со стихами «национального гения» и «поэтической личности» [9, с. 11] Х. Н. Бялика; фельетоны идеолога политического возрождения еврейского народа [10, с. 739] В. Жаботинского.

К 1969–1970 уч. году количество ульпанов в городе возросло до пяти. В одном из ульпанов, который располагался в Автово на квартире Бориса и Раи Фурман, читали стихи. Кроме встреч по воскресеньям, участники ульпанов вместе отмечали праздники, в частности, День Независимости.

Однажды в репинском ульпане побывала настоящая израильская танка – Фейга. Девушка родилась в Польше, позже они с семьей переехали в Израиль, а затем на Урал. В Ленинград она приехала из Перми по приглашению В. Могилевера, который познакомился с ней во время командировки. Несмотря на то, что на момент посещения ульпана она уже не жила в Израиле несколько лет, ее приезд стал настоящим событием для слушателей. От нее они впервые услышали настоящий иврит, израильские песни, узнали о жизни в Израиле от первого лица. Все свое отношение к Израилю они выплеснули на нее [4, с. 116–119].

Росту числа новых слушателей ульпанов послужила демонстрация переданного из Риги видового фильма об Израиле, который представлял собой отснятые с открыток из Израиля цветные диапозитивы. Давид Черноглаз составил комментарии к фильму, и его стали показывать в ульпанах, а потом и на частных квартирах.

Как вспоминал один из членов Ленинградской подпольной сионистской организации Соломон Дрейзнер: «Фигурально

выражаясь, наш воз двигался в просветительном направлении – нас уже было не восемь человек, а десятки. У нас были устав, программа, деньги – ежемесячные членские взносы. Мы проводили на квартирах вечера еврейской культуры, отмечали праздники, вручную печатали религиозные книги. <...> Правила поведения у нас были очень строгие. В соответствии с уставом мы должны были вести себя тише воды, ниже травы: нельзя было ехать в трамвае без билета, нельзя было переходить улицу в неположенном месте. Почему? Потому что лобой привод в милицию опасен»¹.

Подпольные ульпаны наравне с синагогой, печатным словом на идиш, по мнению властей, не представляли серьезной угрозы, так как были способом для нового поколения национально мыслящих евреев выразить свой протест против антисемитского движения [11, с. 4–5]. В действительности же ульпаны стали наиболее подходящей формой для решения нескольких проблем: «концентрировать молодежь в группах, находящихся под влиянием организации, пробуждать в ней национальное самосознание, давать ей основы знаний еврейской истории и языка» [4, с. 113]. В процессе занятий к участникам ульпанов внимательно присматривались, многие ульпанисты стали в дальнейшем членами Ленинградской сионистской организации.

К 15 июня 1970 г. Ленинградская сионистская организация включала в себя уже 6 групп, численность которых составляла почти 40 чел. Кроме того, бывшими студентами Ленинградского политехнического института была создана автономная группа в Кишиневе. Обучаясь на последнем курсе, они все стали членами ленинградской группы и по возвращении в Кишинев организовали группу уже там, поддерживая связь с ленинградской. Чтобы они могли преподавать иврит в кишиневских ульпанах В. Могилевер организовал для них в Ленинграде ускоренный курс иврита. На протяжении десяти дней студенты изучали язык по насыщенной программе, а в завершении курса получили в подарок книги на иврите для дальнейшего самостоятельного изучения.

Несмотря на рост численности участников организации за счет ульпанов, она развивалась практически только по одно-

¹ Шушарин И. ...И крылья эту свадьбу в даль несли [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fontanka.ru/longreads/69309130/> (дата обращения: 28.12.2022).

му пункту принятой программы – распространение еврейской культуры с целью пробуждения национального самосознания советской еврейской молодежи.

По второму пункту программы организации был застой. Для выезда в Израиль пробуждения самосознания советских евреев было недостаточно. Те, кто пришли к мысли покинуть СССР, подавали в ОВИР официальные документы для выезда, но после длительных ожиданий получали отказ.

Вместе с заявлением об отказе от советского гражданства в Президиум Верховного Совета отсылали паспорта, за их отсутствие штрафовала милиция и возвращала паспорта обратно. Открытые письма о положении советских евреев, периодически публикуемые в заграничной печати, оставались без ответа [4, с. 123].

Даже в этих условиях Организация продолжала работать, а количество ульпанов росло. Но требовались еще слушатели, чтобы доукомплектовать действующие ульпаны. Многие организаторы разыскивали кандидатов через знакомых. Так, в одном из ульпанов появился бывший военный летчик и инженер Марк Дымшиц. До этого он пытался самостоятельно изучать иврит, без учебников. Приглашение в ульпан от Гилеля Бутмана он принял сразу. После первой встречи Г. Бутман отправил М. Дымшица в ульпан, организованный на квартире одного из членов Ленинградской сионистской группы – Михаила Коренблита. Иврит в нем преподавал однофамилец Михаила – Коренбит Лев Львович.

В связи с занятиями в ульпане Марк Дымшиц стал часто заходить к Г. Бутману. Разговоры об иврите перешли к разговорам об Израиле. Гилель Бутман и Марк Дымшиц оказались единомышленниками. Спустя два месяца М. Дымшиц предложил Г. Бутману не дожидаться официального разрешения на выезд в Израиль, а угнать самолет и пересечь границу [4, с. 125–126].

Идея была принята. Ее главной мыслью стала не столько возможность покинуть СССР, сколько возможность рассказать мировой общественности о всех трудностях советских евреев – насильственной ассимиляции и невозможности эмигрировать. Стали обсуждаться варианты угона самолета. И первое предложение – захватить небольшой самолет АН-2, вылетающий из Еревана в Турцию, – было отвергнуто.

Причина заключалась в невозможности разместить на борту этого самолета всех желающих. Риск был бы не оправдан, а нужная цель не достигнута.

Следующий вариант предполагал захват и угон самолета ТУ-124 или ТУ-134, вылетающего из Мурманска. Марк Дымшиц во время полета должен был заставить пилотов изменить курс на Стокгольм, а в случае их отказа вести и посадить самолет лично. Сразу после приземления участники операции планировали провести пресс-конференцию, на которой бы рассказали о положении евреев в СССР. Они верили, что правительства различных государств и мнение мировой общественности убедят Советский Союз разрешить выезд евреев в Израиль. Лететь должны были члены сионистских организаций из Ленинграда и Риги, а также москвич Эдуард Кузнецов с супругой Сильвой Залмансон. Чтобы объяснить специфическую внешность пассажиров, для операции было придумано кодовое название – операция «Свадьба».

После долгой подготовки было решено провести операцию 2 мая 1970 г., но у некоторых членов организации появились опасения, что реализация плана повлечет за собой закрытие ульпанов, гибель не только организации, но и всего движения, а положение евреев ухудшится еще больше. Г. Бутман, как один из основателей Ленинградской сионистской организации и операции «Свадьба», считал, что она должна обязательно состояться, так как Организация создавалась с определенными целями, и необходимо рискнуть, чтобы алия сдвинулась с мертвой точки. В связи с опасением членов организации был предложен компромисс – запросить Израиль. В случае одобрения операции довести все до конца, если ответ будет отрицательный – оставить эту идею. Но на поиски связи с Израилем требовалось время, и операцию пришлось отложить.

В конце мая 1970 года из Израиля пришел ответ – «категорически нет». Но М. Дымшиц, который к тому времени уже сдружился и часто обсуждал вопрос угона самолета с Э. Кузнецовым, не отказался от плана. Так как он не являлся членом Ленинградской сионистской организации, то проблемы движения его не беспокоили. Шансов на получение официального разрешения на отъезд в Израиль, как считал сам Марк, у него не было.

В начале июня 1970 г. М. Дымшиц сообщил, что появилась новая возможность угона самолета. Небольшой аэропорт «Смольное» под Ленинградом возобновил полеты АН-2 в пограничный с Финляндией Приозерск [12, с. 69]. Вместе с Э. Кузнецовым, который проживал в Риге, они внесли корректировки и переназначили дату – 15 июля 1970 г.

15 июля 1970 г. группу арестовали сотрудники КГБ около трапа самолета в ленинградском аэропорту «Смольное». В этот же день были произведены аресты и других членов сионистской организации в Ленинграде, Риге и Кишиневе. В том числе был арестован Г. Бутман, который после запрета на проведение операции «Свадьба» вышел из подготовки к ней. КГБ использовал самолетный инцидент, чтобы покончить с еврейским движением в СССР.

15 декабря 1970 года в здании городского суда Ленинграда начался процесс по «первому Ленинградскому делу» – по делу группы, готовившей захват самолета. Приговор был вынесен 24 декабря. Эдуарда Кузнецова и Марка Дымшица приговорили к смертной казни, остальных участников группы к разным срокам строгого режима. Процесс получил широкий резонанс на Западе, мощная международная волна протестов заставила Москву смягчить приговоры [6, с. 329].

Уже 29 декабря 1970 года началось рассмотрение кассационных жалоб осужденных и их адвокатов коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР. 31 декабря смертная казнь М. Дымшицу и Э. Кузнецову была заменена на пятнадцать лет лишения свободы. Верховный суд счел это возможным, так как их преступная деятельность была пресечена в стадии покушения [13]. Также был смягчен приговор еще троим осужденным по первому процессу.

20 мая 1971 года был оглашен приговор участникам «второго Ленинградского дела» – участникам комитета ленинградской сионистской организации. Рассмотрение дела длилось полторы недели. «Г. И. Бутман был осужден на десять лет, М. С. Коренбит – на семь лет лишения свободы. Остальные участники преступной группы приговорены к различным срокам лишения свободы – от пяти до одного года» [14].

Тем не менее попытка угона имела действие. В 1971 г. советские евреи стали самой «животрепещущей общественной

темой» [15, с. 242], и на небольшой срок, до начала 1980-х гг., ограничения на эмиграцию из СССР смягчились. В 1971 г. страну покинули 12,9 тыс. евреев, в 1972-м – 31,9 тыс. За 1969–1972 гг. большая часть ветеранов и лидеров движения за национальное возрождение покинули СССР. В 1979–1980 гг. участники ленинградских процессов 1970 года также были выдворены в Израиль в обмен на разоблаченных на Западе советских агентов.

Несмотря на аресты первых преподавателей, деятельность ульпанов не только не прекратилась, наоборот, она набирала обороты. К концу 1970 г. в городе было уже 12 ульпанов, в которых изучали иврит и историю более 100 чел. Преподавали в ульпанах либо молодые люди, успевшие пройти хотя бы первую часть учебника, или пожилые выходцы из прибалтийских советских республик, успевшие выучить иврит до 1940-х гг.

В 1972 г. в одной из ульпанов преподавал уроженец Риги, «отказник» Бенья Хайкин. Преподавать он согласился после долгих уговоров одного из «отказников» Ленинграда Абы Тарута. Занятия проходили на квартире Бени. Участники ульпана, а их было всего восемь, занимались по самодельным копиям учебника «Элеф милим». Среди ульпанистов были будущие преподаватели иврита, художник Евгений Абезгауз и Лев Фурман, который приложил много усилий для создания в городе сети ульпанов [16].

Занятия у Б. Хайкина длились 2 года. По окончании ульпана многие участники также стали преподавать. Например, Аба Тарута стал преподавать не столько из-за знания языка, сколько из-за нехватки учителей для всех желающих выучить иврит. Первая группа А. Тарута состояла из 10–11 человек. Занятия проходили у него на квартире, на проспекте Космонавтов, раз в неделю. Как вспоминал Леонид Фридкин: «Атмосфера была радостной и спокойной, хотя мы знали, что находимся под неусыпным вниманием КГБ» [16].

Занятия у Абы Тарута длились несколько сезонов с ноября по май. По окончании каждого учебного года участникам вручались свидетельства о его успешном завершении. Со временем к преподаванию иврита присоединилась жена Аббы Ида Тарута. Она преподавала для группы пожилых евреев. Деятельность ульпанов продолжалась вплоть до «перестройки», во время которой она была легализована и стала частью фундамента еврейского образования в странах на территории бывшего СССР.

Обсуждение и выводы

Ульпаны, возникшие с целью пробуждения национально-го сознания молодежи и для изучения иврита и еврейской культуры, стали основной движущей силой Ленинградской сионистской организации. Многие ульпанисты впоследствии стали членами организации.

Деятельность ульпанов была направлена на распространение еврейской культуры с целью пробуждения национального самосознания советской еврейской молодежи, что являлось одним из пунктов программы организации. Но для выезда в Израиль, т. е. для реализации второго пункта программы, этого было недостаточно. В конечном итоге это привело к возникновению идеи угона самолета с целью покинуть СССР и донести до мирового сообщества ситуацию с положением советских евреев. Несмотря на срыв плана по угону самолета и арест участников операции и членов Ленинградской сионистской организации, попытка покинуть СССР сыграла важную роль. Положение советских евреев в начале 1970-х гг. активно обсуждалось на Западе, что повлекло за собой смягчение ограничений эмиграции из страны.

Несмотря на эмиграцию и арест многих преподавателей ульпанов, их деятельность продолжилась, а в послеперестроечные годы они стали основой еврейского образования не только в Ленинграде, но и странах бывшего СССР.

Нелегальная работа в ульпанах, которые в середине 1960-х годов появлялись как основа сионистских групп, для многих «отказников» явилась началом для профессиональной деятельности по преподаванию иврита, еврейской истории, литературы и искусства. Большинство преподавателей ульпанов 1980-х гг. переехали в Израиль и преподают иврит.

Список литературы

1. Гессен В. Ю. Сопратник Петра I Петр Павлович Шафиров: государственная и предпринимательская деятельность // Клио. – 2016. – № 6 (114). – С. 158–169.
2. Кондратьева М. К. Зарождение современной еврейской культуры Санкт-Петербурга – Ленинграда в 60–80-х гг. XX века // Научное мнение. – 2016. – № 14. – С. 67–72.
3. Королева Л. А., Молькин А. Н. Еврейская оппозиция в СССР. 1950–1970-е гг. // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–1. – С. 16–33.
4. Бутман Г. И. Иерусалим – Ленинград с долгой пересадкой / вступ. ст. А. Белова; ред. Р. А. Зернова. Израиль: Библиотека-Алия, 1981. 232 с.

5. Бейзер М. Евреи Ленинграда, 1917–1939: Нац. жизнь и советизация. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 1999; 5760. 447 с.
6. История еврейского народа в России: в 3 т. Т. 3: от революций 1917 года до распада Советского Союза / под ред. М. Бейзера. М.: Мосты культуры – Гешарим, 2017. 480 с.
7. Кандель Ф. С. Очерки времен и событий из истории российских евреев. 1945–1970 гг. Книга 6. М.: Мосты культуры, 2007. 560 с.
8. Черниковский Ш. Стихи и идиллии / под ред. и со вступ. ст. Льюиса Бернхардта. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1974. 206 с.
9. Бялик Х. Н. Стихи и поэмы / пер. Вл. Жаботинский [и др.]. Тель-Авив: Двир, 1990. 144 с.
10. Жаботинский, Владимир Евгеньевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Доп. т. 1А: Гаагская конференция – Кочубей. СПб.: Тип. Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1905. – С. 738–739.
11. Шимон Бен-Тамар. Советское еврейство и русский язык // Сион: литературно-публицистический журнал. – 1975. – № 12. – С. 3–6.
12. Менделевич Й. М. Операция «Свадьба» / ред. П. Клейнер. Jerusalem: Gesharim Na-Tshuva, 1987. 488 с.
13. Барсов В., Федосеев А. Преступники наказаны // Известия. – 1971. – 1 января. – С. 5.
14. Преступники наказаны // Известия. – 1971. – 21 мая.
15. Еврейская эмиграция из России. 1881–2005 / отв. ред. О. В. Будницкий; сост. О. В. Белова; Междунар. исслед. центр рос. и восточноевроп. Еврейства. М.: РОССПЭН, 2008. 447 с.
16. Тарута А. Негрустные воспоминания о нашей семье, жизни в Ленинграде и борьбе за выезд в Израиль / Аба Тарута, Ида Тарута. Хайфа: G.M.C, 2016. 180 с.

Activities of the Leningrad Ulpan in 1965–1970

Elmar A. Bernadskii

The article represents history of emergence of the Leningrad Zionist organization and the ulpan, which were the basic level of the organization's activities, as well as history of the «Wedding» operation preparation. Classes in ulpan contributed to the awakening of the national self-consciousness of Soviet Jews, which was one of the points of the Organization's program. The memoirs of Hillel Butman, published after his emigration to Israel, helps to recreate the picture of the organization's emergence and the ulpan's activities. He stood at the organization's origins, created one of the first ulpan in the suburbs of Leningrad, was one of the organizers of the «Wedding» operation, which became a turning point not only for its participants, but also for other organization members, as well as for the Zionist process in the USSR. Despite the fears of the organization members that the implementation of the plane hijacking plan would destroy the ulpan, they continued their activities after the first teachers were arrested.

A lot of ulpan attendants, after emigration from the USSR, professionally engaged in teaching Hebrew.

Key words: Jews of Leningrad, national revival, refuseniks, Zionist movement, Leningrad Zionist organization, ulpan, operation "Wedding".

For citation: Bernadskii, E. A. (2023) Deyatel'nost' leningradskikh ulpanov v 1965–1970-h godah. [Activities of the Leningrad Ulpan in 1965–1970]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 146–160. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_3_146. EDN: OJGWRW

References

1. Gessen, V. YU. (2016) *Soratrik Petra I Petr Pavlovich SHafirov: gosudarstvennaya i predprinimatel'skaya deyatel'nost'* [Associate of Peter I Pyotr Pavlovich Shafirov: state and entrepreneurial activity]. *Klio* [Klio]. No. 6 (114). Pp. 158–169. (In Russ.)
2. Kondrat'eva, M. K. (2016) *Zarozhdenie sovremennoj evrejskoj kul'tury Sankt-Peterburga – Leningrada v 60–80-h gg. XX veka* [The origin of modern jewish culture of Saint Petersburg – Leningrad in the 1960–1980s]. *Nauchnoe mnenie* [Scientific opinion]. No. 14. Pp. 67–72. (In Russ.)
3. Koroleva, L. A., Mol'kin, A. N. (2015) *Evrejskaya oppozitsiya v SSSR. 1950–1970-e gg.* [The jewish opposition in the USSR. 1950–1970s]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. No. 1–1. Pp. 16–33. (In Russ.)
4. Butman, G. I. (1981) *Ierusalim – Leningrad s dolgoj peresadkoj* [Jerusalem – Leningrad with a long transfer]. Izrail': Library-Aliya. (In Russ.)
5. Beizer, M. (1999) *Evrei Leningrada, 1917–1939: Nacional'naya zhizn' i sovetizatsiya* [The Jews of Leningrad, 1917–1939. National life and Sovietization]. Moscow: Mosty kul'tury; Jerusalem: Gesharim. (In Russ.)
6. *Istoriya evrejskogo naroda v Rossii. V 3 tomah. Tom 3: Ot revolyucij 1917 goda do raspada Sovetskogo Soyuza* (2017) [History of the Jewish people in Russia. In 3 volumes. Volume 3: From the revolutions of 1917 to the collapse of the Soviet Union]. Moscow: Mosty kul'tury – Gesharim. (In Russ.)
7. Kandel, F. S. (2007) *Ocherki vremen i sobytij iz istorii rossijskikh evreev. 1945–1970 gg. Kniga 6* [Essays on the times and events from the history of Russian Jews. 1945–1970. Book 6.]. Moscow: Mosty kul'tury. (In Russ.)
8. CHernihovskij, SH. (1974) *Stihi i idillii* [Poems and idylls]. Jerusalem: Library-Aliya. (In Russ.)
9. Byalik, H. N. (1990) *Stihi i poemy* [Verses and poems]. Tel Aviv: Dvir. (In Russ.)
10. *ZHabotinskij, Vladimir Evgen'evich* (1905) [Jabotinsky, Vladimir Evgenievich]. *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: Dop. t. 1A: Gaagskaya konferenciya – Kochubej* [Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: Dop. Vol. 1A: Hague Conference – Kochubej]. Saint Petersburg: printing house of Brockhaus-Efron Joint Stock Company. Pp. 738–739. (In Russ.)
11. *Shimon, Ben-Tamar* (1975) *Sovetskoe evrejstvo i russkij yazyk* [Soviet Jewry and the Russian language]. *Sion: literaturno-publicistichestkij zhurnal* [Zion: literary and journalistic magazine]. No. 12. Pp. 3–6. (In Russ.)
12. Mendelevich, J. M. (1987) *Operatsiya «Svad'ba»* [Operation «Wedding»]. Iyerusalim: Gesharim. (In Russ.)
13. Barsov, V. (1971) *Prestupniki nakazany* [Criminals punished]. *Izvestiya* [News]. January 1st. P. 5. (In Russ.)
14. *Prestupniki nakazany* (1971) [Criminals punished]. *Izvestiya* [News]. May 21. (In Russ.)
15. Budnickij, O. V., Belova, O. V. (2008) (eds.) *Evrejskaya emigratsiya iz Rossii. 1881–2005* (2008) [Jewish Emigration from Russia. 1881–2005]. *Mezhdunar. issled. centr ros. i vostochnoevroj. Evrejstva* [International Research Center of Russian and Eastern European Jews]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
16. Taruta, A. (2016) *Negrustnye vospominaniya o nashej sem'e, zhizni v Leningrade i bor'be za vyezd v Izrail'* [No Sad memories of our family, life in Leningrad and the struggle to leave for Israel]. Hajfa: G.M.C. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.04.2023

Одобрена после рецензирования 06.07.2023

Принята к публикации 15.07.2023

Кооперативные товарищества карельских крестьян в 1920-е годы (на примере Олонецкого уезда)

Е. В. Дианова

В статье на основе неопубликованных документов Национального архива Республики Карелия рассматриваются создание и работа сельскохозяйственных товариществ национального района Карелии в 1920-е гг. На примере Олонецкого уезда, где проживали карелы-ливвики, описываются различные направления деятельности сельских кооперативов со смешанными функциями, в том числе Олонецкого и Видлицкого сельскохозяйственных товариществ, имевших интегративный характер. Сельские кооперативы занимались снабжением населения орудиями труда, инвентарем, семенами, товарами первой необходимости; вели заготовительные и сбытовые операции. Большую помощь товариществам в организации прокатных и сыпных пунктов оказал кооперативный центр республики – Олонецко-Карельский Краевой союз сельскохозяйственных и производительно-промысловых кооперативов, или Крайсоюз. При изучении источников удалось выяснить социальный состав и отношения сельских кооперативных организаций с местным социумом, их участие в борьбе с безработицей; усиление контроля над кооперацией со стороны партийных комитетов и внедрение коммунистов в руководящие органы кооперативов. Архивные документы позволили выявить основные трудности и недостатки в работе кооперативов, соотнести их с общими социально-экономическими процессами, происходившими в стране в годы нэпа.

Ключевые слова: нэп, кооперация, сельскохозяйственные товарищества, сельское хозяйство, промыслы, сбытовые и заготовительные операции, недоимки.

Для цитирования: Дианова Е. В. Кооперативные товарищества карельских крестьян в 1920-е годы (на примере Олонецкого уезда) // История повседневности. – 2023. – № 3. – С. 161–184. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_161. EDN: EJLXUS

Введение

Олонецкий район, до 29 августа 1927 г. – Олонецкий уезд, в 2004 г. получил статус национального района. Карелы проживали и проживают и в других районах Республики Карелия. Если обратиться к этническому составу населения столетней давности, то по переписи 1920 г. в Карелии учтено 68 345 карел, по уездам они распределялись неравномерно: в Петрозаводском уезде проживало 28 544, в Кемском уезде – 11 514, в Олонецком уезде – 28 186 карел. В процентном отношении к общему числу жителей больше всего карел проживало в Олонецком уезде – 97,14 %, в то время как в Петрозаводском – 62,34 % и в Кемском – 60,03 %. В целом по Карелии карелы составляли 46,67 % населения края, не считая вепсов и финнов [1, с. 13]. Олонецкому району удалось сохранить статус национального района, несмотря на серьезные демографические потрясения и миграционные процессы XX века, в начале XXI более 60 % населения района составляли карелы-ливвики [2, с. 318]. В 2020–2021 гг. в районе проживало более 19,8 тыс. человек, из них карелы – 52,3 % жителей¹.

Основным занятием жителей Олонецкого района традиционно считается сельское хозяйство, что обусловлено природно-климатическими и ландшафтными особенностями Олонецкой равнины. С переходом к рыночным отношениям произошел отказ от колхозно-совхозной системы и взят курс на поддержку индивидуальных крестьянских и фермерских хозяйств. Тем не менее в районе удалось сохранить и наладить рентабельную работу нескольких крупных сельхозпредприятий, среди них агрофирма «Видлица» (село Видлица), племенное хозяйство «Ильинское» (поселок Ильинский), племсовхоз «Мегрега» (село Мегрега), молочная ферма «Искра», совхоз «Аграрный» (село Рыпушкалицы). В Олонецком районе, самом южном в республике, сосредоточены крупнейшие животноводческие и молочные предприятия, где содержится более половины поголовья крупного рогатого скота в республике, производится две трети объемов молока (по данным на 2020 год)².

Сельскохозяйственные производственные кооперативы «АгроАльянс», «Олонец», «Аграрная Олония» занимаются ого-

¹ Инвестиционный паспорт Олонецкого района [Электронный ресурс]. URL: 176428.selcdn.ru/InvestKarelia/e96b98a5 (дата обращения: 14.04.2023).

² Олонец: сельское хозяйство, газификация и здравоохранение [Электронный ресурс]. URL: <https://rk.karelia.ru/social/olonets-selskoe-hozyajstvo-gazifikatsiya-i-zdravoohranenie/> e96b98a5 (дата обращения: 14.04.2023).

родничеством, растениеводством, животноводством, сбором дикорастущих ягод, переработкой сырья и выпуском продукции (джемы, варенья и мармелад). Развертывание сельскохозяйственного производства способствует устойчивому развитию сельской местности, что имеет немалый социальный эффект и влияет на повседневную жизнь коренного населения национального района Карелии. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью кооперативных товариществ в Олонецком уезде в 1920-е гг.

Библиография по исследуемой теме распадается на два блока. В первый блок входит литература о карелах. Публикации о коренном народе Республики Карелии в силу ее актуальности довольно многочисленны. Изучению карельского народа свои труды посвятили как советские, так и современные российские ученые. Данной темой занимались Д. В. Бубрих [3], А. С. Жербин и К. А. Морозов [4], В. Н. Бирин, Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов [5], С. И. Кочкуркина [6], И. Ю. Винокурова [7], А. М. Пашков [8], а также финские исследователи Х. Киркинен, П. Невалайнен, Х. Сихво [9]. Вопросы истории и культуры карельского народа обсуждались на различных конференциях [10–12]. В рамках российско-финского проекта «Народ, разделенный границей. Карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.: эволюция идентичности, религии и языка» изданы сборники статей «Народ, разделенный границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.» [13] и «Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв.» [14]. В свое время вышли из печати историко-краеведческие очерки [15] и материалы конференции, посвященные Олонцу [16].

Второй блок объединяет литературу по истории экономики [17]. Этими проблемами занимались А. Ф. Кривоноженко [18], О. Г. Кулагин [19], С. Н. Филимончик [20] и другие ученые. В некоторых публикациях освещаются вопросы истории сельскохозяйственной кооперации Карелии [21–22].

Основными источниками для изучения кооперативов Олонецкого уезда 1920-х гг. явились материалы из Национального архива Республики Карелия. Изучены документы из фондов таких организаций, как Карельский областной комитет РКП(б)–ВКП(б) (ф. П-3); Народный комиссариат земледелия АКССР – Автономной Карельской ССР (Ф. Р-698); Карсельсоюз – Карельский союз

сельскохозяйственных, кредитных и кустарно-промысловых кооперативов, до 1926 г. – Олонецко-Карельский Краевой союз сельскохозяйственных и производительно-промысловых кооперативов, или Крайсоюз (ф. Р-244); Олонецкое уездное сельскохозяйственное товарищество (ф. Р-430) и Видлицкое волостное сельскохозяйственное товарищество (ф. Р-199). Для проведения исследования использовались основные методы гуманитарного знания и методологические подходы микроистории. Ее научный инструментарий позволяет осветить региональные аспекты общих социальных явлений, экстраполировать макроэкономические процессы в аграрном секторе экономики СССР 1920-х гг. на микроуровень карельского села.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить основные особенности сельскохозяйственных товариществ Олонецкого уезда; показать интегративный характер и социальный состав кооперативов; определить круг их деятельности, отношения с уездным комитетом РКП(б), местным социумом и Крайсоюзом – кооперативным центром Карелии; выяснить основные трудности и недостатки в работе, соотнести их с общими социально-экономическими процессами, происходившими в стране в годы нэпа. Научная новизна исследования состоит в том, что развитие сельскохозяйственной кооперации в Карелии рассматривается на микроуровне с учетом национальной специфики Олонецкого уезда, населенного карелами-ливвиками.

Создание сельскохозяйственных товариществ

В ходе проведенного научного исследования удалось выяснить, что сельскохозяйственная кооперация в Олонецком районе имеет давнюю историю. Еще в 1907 г. открылось первое в Олонецком уезде Крошнозерское сельскохозяйственное общество, а в 1916 г. здесь действовало шесть сельскохозяйственных обществ, объединявших 266 членов. По данным на декабрь 1925 г. в Олонецком уезде насчитывалось 11 сельскохозяйственных товариществ (СХТ): Ведлозерское, Видлицкое, Ильинское, Колатсельгаское, Коткозерское, Лоянское, Мегрегское, Олонецкое, Рыпушкальское, Тулокское, Туксинское СХТ, затем появились Большегорское, Кушезерское СХТ [23, д. 3/22, л. 83]. Район деятельности кооператива ограничивался обычно селом или

волостью, лишь Олонецкое уездное сельскохозяйственное товарищество претендовало на работу в округе радиусом 135 верст, куда входили город Олонец, село Коткозеро, Рыпушкальская, Неккульская и Нурмайльская волости. В Олонце товарищество обслуживало 200 дворов и 1000 жителей, в Неккульской волости – 108 дворов и 193 жителя, в Рыпушкальской волости – 715 дворов и 1098 жителей [24, д. 6/26, л. 45].

Карельские деревни были достаточно густонаселенными, почти половина домохозяев объединялась в те или иные кооперативы. В районе деятельности Ильинского СХТ «Равенство» в июле 1926 г. насчитывалось 529 дворов, из них кооперировано 259 домохозяев (48 %). В Лоянском СХТ в октябре 1926 г. было 173 домохозяева из 352 (49 %) [23, д. 10/ 103, л. 72]. Карельские крестьяне видели пользу и выгоду от участия в кооперативах, поэтому за короткое время отмечался рост численности СХТ. В середине 1923 г. Олонецкое товарищество насчитывало всего 30 членов, на 19 ноября 1924 г. – уже 63 члена, на 1 ноября 1925 г. – 162 члена. [24, д. 6/32, л. 17]. В Тулокском СХТ на 1 октября 1926 г. было 76 членов, на 1 марта 1927 г. – 115 членов [23, д. 10/103, л. 86]. В Колатсельгское СХТ входило 203 домохозяева [25, д. 4/44, л. 6].

Социальный состав членов СХТ был почти везде бедняцко-средняцким. Так, в районе деятельности Олонецкого СХТ «по наличию домашних животных почти все хозяйства относились к середнякам, у которого имелись одна лошадь, одна корова, одна-две овцы, две-три курицы». Социальный состав Ильинского СХТ характеризовался как «исключительно бедняцкий» [24, д. 6/26, л. 5].

В момент возникновения кооперативы пользовались известной свободой деятельности, участники товариществ могли самостоятельно выбирать членов в руководящие органы, правления и ревизионные комиссии. Олонецкое уездное сельскохозяйственное товарищество было образовано 1 июля 1923 г., когда состоялось первое организационное собрание товарищества и избрано правление кооператива, председателем которого стал Н. А. Гаппоев, заместителем председателя – С. Е. Агафонов. В 1925 г. состав правления СХТ изменился. Председателем правления был избран Семен Ермолаевич Агафонов. Он был беспартийный, имел низшее образование, до революции служил у частных лиц приказчиком, после –

состоял на советской службе. К моменту избрания на должность председателя правления ОСХТ работал в общем отделе Олонецкого уездного исполкома. В правлении осуществлял «общий надзор за всеми видами работ и за бухгалтерией». Член правления Иван Антонович Григорьев, из крестьян, беспартийный, образование получил в городском училище. В правлении Олонецкого СХТ он контролировал ведение заготовительных операций, работу прокатных и случных пунктов. Секретарь правления Павел Степанович Иконников беспартийный, «образование имел домашнее, но основательное». До революции служил 17,5 лет в земстве Олонецкого уезда и 7 лет в кооперации [24, д. 6/33, л. 14].

Кооперативная комиссия Олонецкого уездного комитета РКП(б) взяла под контроль перевыборные кампании в кооперативах с целью внедрения коммунистов в состав правлений и ревизионных комиссий и создания там коммунистических фракций. Для того, чтобы проводить «твердую коммунистическую линию в кооперативной работе», на местах следовало подыскать «деловых, опытных, хозяйственных, имеющих хотя бы небольшой кругозор коммунистов» [26, д. 97, л. 28], даже без опыта работы в кооперации.

В 1925 г. в Олонецком уезде во время перевыборов в 10 товариществах в состав правлений было избрано 6 членов РКП(б), 4 члена РЛКСМ, 26 беспартийных. В ревкомиссии – 8 членов партии и 18 беспартийных. В советы СХТ вошли 7 членов партии и 8 беспартийных. Оценивая состав руководящих органов сельскохозяйственных товариществ, кооперативная комиссия признала: «В общем и целом насыщенность партсилами надо считать удовлетворительной». В то же время, «рассмотрев вопрос о качестве» выдвиженцев, комиссия отметила, что «сплошь и рядом члены РКП(б) слабее выдвигающегося актива беспартийных крестьян». Было высказано мнение о том, что в некоторых товариществах вообще «не нужно было проводить членов РКП(б) в правление», как например, в Туксинском товариществе член партии, выдвинутый на должность председателя правления, «оказался совершенно не авторитетным и пьяницей» [26, д. 634, л. 23]. Подбор кадров для низовых кооперативов с подачи партийных комитетов нередко приводил к негативным последствиям, вплоть до ликвидации товарищества.

Сельскохозяйственные товарищества и местный социум

Кооперация все больше входила в структуры нового общественного строя, становилась неотъемлемым элементом советской системы. На нее, как и на другие организации и учреждения, распространялись приметы нового времени. В 1925 г. Олонецкий уездный исполнительный комитет обязал все государственные учреждения и кооперативные организации уезда приобрести единый государственный флаг СССР. В день второй годовщины со дня смерти В. И. Ленина 21 января 1926 г. по распоряжению Олонецкого уездного исполкома на 10 минут с 18.20 до 18.30 прекращались занятия. Все поднятые над зданиями учреждений флаги в этот день были спущены, день 22 января 1926 г. объявлялся нерабочим днем [24, д. 1/2, л. 15, 69].

В 1920-е гг. небольшие ремесленные производства (кузни, кожевни, мельницы) не могли обеспечить жителей города Олонца и окрестностей ни постоянными рабочими местами, ни надежным заработком. В условиях массовой безработицы кооперация, открывая ссыпные и прокатные пункты, создавала новые рабочие места, давала возможность трудоустройства. В правление Олонецкого товарищества приходили граждане и писали примерно такие заявления: «Находясь в настоящее время безработным, не имея своего хозяйства и никаких средств к существованию, не найдет ли Олонецкое сельскохозяйственное товарищество возможным определить меня на какую-либо должность по торговой части» [24, д. 1/4, л. 22].

Олонецкое товарищество, Олонецкая касса социального страхования и уездное профбюро заключили договор о приеме на работу и оплате труда подростков, привлекаемых на обучение по «сверхбронне». По этому договору товарищество обязалось в срок с 1 ноября 1925 г. по 1 мая 1926 г. взять на обучение одного из безработных подростков, зарегистрированных в посредническом бюро по найму, и обучить его профессии конторщика. Олонецкая касса социального страхования в свою очередь брала на себя обязательство выплачивать подростку, принятому по данному соглашению, заработную плату из расчета пособия по безработице 13 руб. 50 коп. в месяц [24, д. 1/2, л. 92].

Действительно, из числа безработных подростков в ученицы была взята Тимофеева Антонина, которая в течение полугода обучалась в правлении Олонецкого СХТ делопроизводству

и счетоводству. 8 мая 1926 г. ей устроили экзамен, который принимала испытательная комиссия в составе 6 человек. Комиссия задавала вопросы по счетоводству и делопроизводству, после чего пришла к выводу: «По произведенному испытанию выяснилось, что ученица А. Тимофеева имеет полное представление по делопроизводству, по счетоводству справляется вполне успешно, но под руководством. Таким образом, А. Тимофеева заслуживает перевода ее из учениц на должность счетовода» [24, д. 1/2, л. 124]. Как правило, прием и увольнение работников, поиск специалистов, найм на работу осуществлялись через профсоюзные организации.

Деятельность сельскохозяйственных товариществ

Устав сельскохозяйственных товариществ определял основной круг их деятельности: улучшение хозяйства своих членов, развитие промыслов, полеводства, луговое хозяйство, животноводство, снабжение семенами, создание племенных рассадников, зерноочистительных, ссыпных и прокатных пунктов, проведение мелиорации. Однако реальные экономические условия вносили коррективы в их работу. Как следует из материалов обследования сельскохозяйственных товариществ Олонецкого уезда АКССР, «главное занятие местного населения – земледелие, скотоводство – находится на низкой ступени развития, очень широко применяется подсечная система. Крестьянское хозяйство не обладает никакой товарностью. Скотоводство имеет подсобный характер, молочный скот низкого качества» [23, д. 10/103, л. 72].

В начале нэпа создавались интегративные кооперативы, соединявшие многие функции (производственные, кредитные, снабженческие, бытовые). Товарищества занимались снабжением населения необходимыми орудиями труда, рабочим скотом, семенами, предметами первой необходимости, вели заготовку, хранение, переработку и сбыт на комиссионных началах продукции сельского хозяйства и кустарных промыслов. Неземледельческие промыслы, в том числе работа на заготовке и сплаве леса, рыболовство, охота и извоз имели «крайне важное значение для крестьянства в качестве почти основного средства для существования, так как хлеба хватало только на шесть месяцев, сеном же они обеспечивались с избытком» [23, д. 10/103, л. 72].

Промысловые занятия карельского населения определили интегративный характер сельских кооперативов со смешанными функциями. В Олонецком уезде к интегративным кооперативам относились Олонецкое уездное и Видлицкое волостное сельскохозяйственные товарищества, а также Лоянское, Колатсельгское, Тулокское СХТ. Они вели лесозаготовки, заготовку пушнины. Ильинское СХТ «Равенство» занималось рыболовством и подписало с Олонецким СХТ договор о поставке рыбы, оно обязалось найти рынок сбыта рыбы за пределами уезда [24, д. 6/26, л. 6].

Олонецкое товарищество осуществляло операции по продаже и прокату сельскохозяйственных машин и орудий труда. На прокатном пункте в Олонце крестьяне знакомились с правилами отпуска сельхозорудий. В племенном рассаднике товарищества имелось несколько племенных животных: жеребец финской породы, свиньи, племенной бык. Правление рассылало подробные инструкции по уходу за дорогостоящими животными, обращая внимание на то, что отношение к животным «должно быть ласковое и приветливое». Также товарищество на 12 лет взяло в аренду у Олонецкого отдела городского хозяйства землю (пять десятин), где устроили показательный участок полеводства и огородничества [24, д. 6/26, л. 16].

Помимо основных функций многие товарищества взялись за торговлю потребительскими товарами. Так, Олонецкое СХТ на территории городского рынка продавало товары широкого потребления (постное масло, соль, керосин, кожу, смолу, обувь, мануфактуру, изделия из железа). В кооперативную лавку на должность приказчика пригласили жителя Олонца М. П. Прилукина. В качестве «вознаграждения за службу» ему начисляли 2 % с оборота одного рубля [24, д. 6/35, л. 9]. Интересно, что в Олонце семья Прилукиных имела собственную лавку, значит, у приказчика имелся опыт рыночной торговли.

Весьма успешную торговлю развернуло Тулокское СХТ «Красный пахарь», имея при этом накладные расходы 5,12 % к обороту, наложение на товар – 9,53 %, всего – 14,65 %. Товарищество покупало товары за наличный расчет, вело торговлю семенами вики и клевера. Прибыль за 1925/26 год составила 1 392 руб. В результате в Тулоксе сложились «нездоровые отношения между двумя видами кооперации – по-

требительской и сельскохозяйственной, причем последняя имела сильный уклон в торгашескую деятельность». Товарищество оказалось «гораздо устойчивее и крепче», чем потребительское общество, установило более низкие цены, «из-за чего потребительское общество вынуждено торговать в убыток себе и снижать цены, несмотря на то, что накидки на товар составляют 24 %» [23, д. 10/103, л. 86].

На совещании при уполномоченном Наркомата внутренней торговли АКССР по Олонецкому уезду в марте 1927 г. постановили: «Считать нецелесообразным существование в таком небольшом районе как Тулокса двух кооперативных организаций, торгующих потребительскими товарами. Принимая во внимание, что Тулокское потребительское общество имеет ряд нездоровых моментов в своей работе, как-то: высокое наложение на товары при все уменьшающемся обороте, дебиторская и кредиторская задолженность, слабое наличие своих средств, торговля в убыток, считать необходимым и своевременным ликвидировать Тулокское потребительское общество. По ликвидации общества снабжение потребительскими товарами передать сельскохозяйственному товариществу, рекомендував последнему перейти на устав потребительского общества с сохранением снабжения населения сельскохозяйственными орудиями труда» [23, д. 10/103, л. 86].

Низкая товарность сельского хозяйства Карелии не обеспечивала крестьян денежными средствами, необходимыми для ведения хозяйства и уплаты сельхозналога, поэтому главной бедой местного населения являлось безденежье, а хроническим недостатком работы всей карельской кооперации в 1920-е гг. – слабое поступление членских взносов. Нехватка денег на хозяйственные нужды заставляла крестьян продавать не только излишки сельхозпродукции, но и необходимые для существования продукты питания (капусту, масло, мясо) по низким ценам. В этом как раз проявилось негативное влияние кризиса 1923/24 г. («ножницы цен»), когда с одной стороны произошло резкое удорожание изделий фабрично-заводского производства, а с другой – удешевление деревенских товаров. Покупательная способность жителей сел и маленьких городков Карелии еще больше снизилась. По свидетельству одного из современников, у олончан была «сплошь дырявая обувь, полное отсутствие

таковой у неработающего населения; у всех ветхая, несоответствующая одежда» [24, д. 1/6, л. 16].

В 1925/26 хозяйственном году разразился еще один кризис нэпа – «товарный голод», связанный с дефицитом продуктов и товаров широкого потребления. 5 октября 1925 г. состоялось совещание руководителей торговых организаций Олонца, в работе которого принял участие председатель правления Олонцкого СХТ. При обсуждении вопроса о снабжении города и уезда промышленными товарами выяснилось, что пока не возникало особых трудностей в обеспечении населения керосином, солью, спичками. А вот с махоркой дела обстояли намного хуже, везде наблюдается «махорочный и табачный кризис» [24, д. 1/2, л. 34]. Однако вскоре возникли большие трудности в снабжении населения Олонца хлебом. В октябре 1925 г. из-за пределов уезда хлеб покупали по цене 1 руб. 30 коп. за пуд. Для заготовки местного хлеба установили цену 1 руб. 40 коп. за пуд. Однако хлеб от крестьян поступал медленно, из-за низких заготовительных цен «население хлеб задерживало, на рынок не выбрасывало», в результате в лавки Олонцкого единого потребительского общества в сентябре – октябре 1925 г. поступило 60 пудов, Олонцкого СХТ – 22 пуда хлеба. В ноябре 1925 г. в Олонце отмечался рост цен: пуд хлеба стоил уже 2 руб. 24 коп., по периферии цена хлеба доходит до 2 руб. 70 коп. за пуд. Причем Олонцкий районный потребительский союз закупил хлеб за пределами уезда по 80 коп., а продавал кооперативным организациям по цене 1 руб. 87 коп. за пуд [24, д. 1/2, л. 1]. Повышение цен на хлеб вызвало у населения недовольство и недоверие к кооперации. Для бесперебойного обеспечения населения Олонца хлебом и промышленными товарами предлагалось установить связь с торговыми и кооперативными организациями Лодейного Поля.

Отношения СХТ с Крайсоюзом

В первой половине 1920-х годов сельскохозяйственные товарищества Олонцкого уезда входили в Крайсоюз – Олонцеко-Карельский Краевой союз сельскохозяйственных и производительно-промысловых кооперативов, образованный в октябре 1921 г. В Крайсоюз одними из первых вошли Олонцкое, Ильинское, Видлицкое, Коткозерское, Туксинское СХТ. В конце 1924 г. в Крайсоюз уже входило 10 сельскохозяйствен-

ных кооперативов Олонецкого уезда, которые обслуживали 508 крестьянских хозяйств [25, д. 4/44, л. 6]. Олонецкое товарищество вступило в состав Крайсоюза, надеясь получить товарный кредит на 100 рублей [24, д. 6/26, л. 16].

При участии Крайсоюза в семи волостях Олонецкого уезда открылись 19 ссыпных пунктов для обеспечения крестьянских хозяйств сортовыми семенами ржи, овса, ячменя и других огородных, полевых и луговых культур. На складах Крайсоюза ссыпные кооперативные пункты Олонецкого уезда приобрели 17 весов фабричного производства, а там, где их не было, крестьяне пользовались старинными безменами. Крайсоюз организовывал снабжение необходимыми орудиями труда и машинами, отправлял в уезды веялки, сортировки и триеры для очистки от колосьев, мякины и других примесей и сортировки семян. В октябре 1924 г. в товарищества Олонецкого уезда отправили 17 веялок, два триера и сортировку. Сортировка, отправленная в Олонецкий уезд, была «одна-единственная на все ссыпные пункты», открытые Крайсоюзом в семи уездах Карелии [25, д. 17/221, л. 30].

29 августа 1925 г. Крайсоюз и Олонецкое СХТ заключили договор на 500 руб. на поставку дичи и пушнины для экспортных операций. Расчет по заготовкам осуществлялся по ценам, установленным Наркоматом внутренней торговли. Прейскурант цен на пушнину был различным в зависимости от качества меха. Так, медведь крупный зимний стоил 10 руб., россомаха – 18 руб., куница – 18 руб., рысь – 22 руб., барсук – 1,5 руб., кошка черная дымчатая – 0,75 руб., собака – 0,75 руб., белка – 0,65 руб., кролик – 0,35 руб. [24, д. 1/1, л. 21].

При осуществлении заготовительных операций Крайсоюз рассылал на места инструкции для заготовителей. Так, в инструкции по сбору дичи говорилось: «Дичь должна быть свежая, чистая, не изуродованная, хорошо замороженная, не талая, в паре, головки должны быть завернуты под крыло, глаза не должны быть провалены. Дичь необходимо доставлять в морозное время года». Однако договор с Крайсоюзом Олонецкое СХТ не выполнило, как и аналогичный договор о поставках дичи и пушнины Госторгу. Правление Крайсоюза требовало выполнения договора или выплаты полученного аванса и неустойки, обвинив олонечких кооператоров в «легкомысленном отношении к делу» [24, д. 1/11, л. 36, 43].

Отношения центра сельскохозяйственной кооперации Карелии и товариществ Олонецкого уезда строились на договорной основе. Крайсоюз способствовал снабжению хозяйств машинами, инвентарем, открытию ссыпных и прокатных пунктов. В то же время товарищества на местах не всегда могли выполнять обязательства по заготовкам промысловой продукции.

Операции по семенной ссуде

Одним из направлений деятельности СХТ стало осуществление операций по выдаче семенных ссуд. До революции 1917 г. сельскохозяйственные общества получали безвозвратные семенные ссуды от Олонецкого губернского и Олонецкого уездного земства, Департамента земледелия. В 1920-е гг. выдачей семенных ссуд сельскохозяйственным товариществам занимался Карельский сельхозбанк, рассылая на периферию многочисленные формы отчетности и циркуляры, что ставило кооперативы в зависимость от государственного учреждения. Товарищества распределяли между крестьянами семена в кредит или за наличный расчет, причем семенной материал отпускался как членам товариществ, так и всем другим сельским жителям. При отпуске семян в кредит требовалось выявлять платежеспособность граждан. Если крестьянин не был платежеспособным, ссуда ему выдавалась под гарантии крестьянского комитета общественной взаимопомощи (кресткома). Семьям красноармейцев при распределении семенной ссуды предоставлялись льготы [27, д. 1/3, л. 102].

Отпуск семенной ссуды начался с весны 1922 г. в кредит под 10 %, возврат ссуды предполагался осенью того же года со сбором нового урожая. Операции товариществ по семенной ссуде находились под контролем властей. Для проведения семенной кампании в селах создавались тройки, или руководящие группы из трех местных функционеров. В тройку входили представители волисполкома, ячейки РКП(б) и кресткома. Тройка занималась распределением посевного материала среди крестьянских хозяйств через сельскохозяйственные товарищества. По распоряжению председателя Олонецкого уездного исполкома Кунжина, «более состоятельный середняцкий элемент крестьян мог получать семена в ссуду в неограниченном количестве» [27, д. 1/1, л. 36].

Вскоре из-за непоследовательной практики кредитования и капризов погоды снизились поступления по возврату семенной ссуды, накопились долги за 1922, 1923, 1924 гг. На местах создавались чрезвычайные волостные тройки по взысканию недоимок и рассмотрению списков недоимщиков. Оказалось, что в карельском селе Видлица было 64, в Княщинском сельском обществе 90, Кукшезерском – 75, Верхнегорском – 150, Верхневидлицком – 47, Кондушском – 163 должника. Также выяснилось, что в 1925 г. в районе деятельности Видлицкого сельскохозяйственного товарищества «ни одна волость к сбору недоимок за прошлые года даже не приступала». Хотя по указанию уездного земельного управления (УЗУ) «всем ссыпным пунктам кооперативов надлежало провести предупредительную работу среди населения и принять меры административного воздействия» [27, д. 1/1, л. 132].

В августе 1926 г. создана Олонецкая уездная комиссия по сбору недоимок по семенной ссуде, она намеревалась «провести кампанию по сбору семоссуды в ударном порядке». Требовалось завершить сбор долга по семоссуде до срока выплаты единого сельхозналога, потому что в феврале в хозяйствах бедных крестьян запасы семян уже заканчивались [27, д. 1/3, л. 11, 27]. Одновременно на места была выслана директива Народного комиссариата земледелия АКССР: «Не останавливаться ни перед чем, требовать возврата семоссуды, составлять описи имущества уклонившихся от уплаты долга». Взимание недоимок по ссуде разрешалось брать «деньгами и натурой» [27, д. 1/1, л. 20].

31 августа 1926 г. Совнарком АКССР принял постановление о ликвидации задолженности по семоссуде в Карелии. Главными причинами неуплаты назывались «нежелание населения покрывать задолженность, нежелание местных органов выполнять свои обязанности, недопустимое и вредное для дела переложение ответственности с одного на другого» [27, д. 1/3, л. 20]. Недоимки по семенной ссуде создавали «в сознании крестьянства представления о недостаточной организованности госаппарата». Карельский ЦИК, Наркомат земледелия, Наркомат внутренних дел и Сельхозбанк АКССР с целью успешного проведения кампании по сбору недоимок предлагали созывать собрания бедноты, расширенные пленумы волостных исполкомов, сельсоветов и кооперативов. В отношении злостных

неплательщиков надлежало принять «самые жесткие меры вплоть до судебного взыскания с одновременным общественным порицанием» [27, д. 1/3, л. 20].

Во исполнение данного постановления Народные суды выдавали крестьянам-должникам судебные приказы по взысканию ссуд. Однако взимание недоимок задерживалось из-за нехватки судебных исполнителей и милиционеров, причем в ряде местностей наблюдался отказ работников милиции от производства взыскания долгов у крестьян. Наркомат юстиции, НКВД и Главный суд АКССР требовали усилить взыскание долгов по судебному приказу силами сельсоветов, которых заставляли заниматься этим делом под непосредственным контролем и наблюдением со стороны милиции и судебных исполнителей. Также предлагалось выявить наиболее крупных и злостных неплательщиков по сборам обязательного страхования и единому сельхозналогу. К этим лицам должны были быть приняты меры по описи имущества и продаже его с торгов.

Все недоимщики попадали в списки должников по трем категориям. К первой категории относились крупные неплательщики, к ним применялась мера «предъявление иска в нарсуд в гражданском бесспорном порядке». Ко второй категории относились злостные неплательщики, к ним применялись меры принудительного взыскания по налогам и сборам и уголовного преследования по ст. 79 УК РСФСР. Народные суды рассматривали дела по этой статье во внеочередном порядке с показательными процессами в сельской местности.

К третьей категории относились все остальные должники, к которым иски временно не предъявлялись. Им предоставлялась возможность добровольного возврата задолженности за прошлые года к 15 декабря 1926 г. В случае неуплаты задолженности в указанный срок предъявлялись судебные иски. В то же время лицам, не имевшим возможности выполнить свои долговые обязательства, давалось освобождение от возврата ссуды или предоставлялись льготные условия. На местах полученные от нарсудов приказы приводились в исполнение немедленно, гражданские иски взыскивались сразу при вступлении приговора в силу [27, д. 1/3, л. 14, 17, 19].

Вместе с тем осенью 1926 г. из-за плохих погодных условий (холодное дождливое лето, ранние заморозки) в Олонецком

уезде сложилось довольно тяжелое положение. Как сообщали из Коткозерской, Лоянской и Неккульской волостей, «сбор яровых хлебов неудовлетворительный, местами урожай даже совершенно погиб». Этот факт еще больше обострил ситуацию со сбором задолженности по семенной ссуде, поэтому гражданам пострадавших районов разрешалась отсрочка платежа. Все маломощные крестьянские хозяйства освобождались от уплаты ссуды [27, д. 1/3, л. 27].

В декабре 1926 г. всем волисполкомам, волостным комитетам ВКП(б) и сельскохозяйственным товариществам разослали секретный циркуляр по сбору недоимок. В циркуляре говорилось, что только в Коткозерской волости удалось собрать 35 % общей задолженности по семенной ссуде, в других волостях намного меньше: в Тулмозерской – 8,5 %, Неккульской – 7,5 %, Видлицкой – 4,7 %, Ведлозерской – 1,1 %, Лоянской – ничего. Перед советскими, партийными и кооперативными организациями ставилась задача «по-ударному провести сбор семоссуды, выдерживая при этом классовый подход» [27, д. 1/3, л. 77].

В начале 1927 г. вопрос о поступлении платежей по ссуде неоднократно рассматривался на заседаниях Олонецкого уездного исполкома. На 15 января 1927 г. по всему Олонецкому уезду было собрано 29,5 % ссуды за 1925/26 г. и 1,5 % за все предыдущие года. В Видлицкой волости в феврале 1927 г. не было собрано ни одного фунта семян; в этой волости насчитывалось 40 недоимщиков и общая задолженность составляла 2042 пуда за 1925/26 г. и 3246 пудов за 1922–1924 гг. В Видлицкой волости в счет уплаты долга за все года всего было собрано 153 пуда семян [27, д. 1/3, л. 53].

В отношении злостных неплательщиков Видлицкий волисполком принял решение: «Применить меры принудительного взыскания, прибегнув к описи имущества» [27, д. 1/3, л. 47]. По мнению сельских властей, чтобы «исправить положение, нужно заставить работать товарищество». Между тем правление Видлицкого СХТ не справлялось с возложенными на него обязанностями по сбору семенной ссуды, так как ссыпные пункты в деревнях закрылись, нельзя было найти грамотных и ответственных работников. А те, кто работал раньше, разбежались или попали под следствие и сидели в Олонецком домзаке (доме заключения) [27, д. 1/1, л. 98].

Когда в феврале 1927 г. истек срок возврата ссуды, на местах по причине «чрезвычайно слабой, преступной деятельности в сборе семоссуды» стали приниматься меры репрессивного характера. Президиум Олонецкого уездного исполкома принял постановление о привлечении к уголовной ответственности и передачи дела в суд по задолженности в отношении «злостных неплательщиков и лиц, наиболее обеспеченных» [27, д. 1/3, л. 46, 53]. В первую очередь привлекались к уголовной ответственности председатель Видлицкого СХТ Мануйлов и председатель Видлицкого волисполкома Вешкельский. 1 марта 1927 г. новый председатель правления Видлицкого СХТ Лаврентьев составил списки недоимщиков с описью имущества в качестве уплаты семенной ссуды. Передав списки в Видлицкий волисполком, Лаврентьев просил выслать их сразу же в суд для выписки судебного приказа, так как требовалось проводить работу по взысканию долгов «без допущения какой-либо мягкости» [27, д. 1/3, л. 57, 60].

Всего в списке значилось десять самых злостных должников с указанием конфискованного имущества: 1) Харчиев Михаил Федорович (корова, самовар – 55 руб.); 2) Силин Егор Александрович (три овцы, два самовара, столик – 39 руб.); 3) Тетчиев Иван Миронович (овца, самовар – 15 руб.); 4) Логинов Иван Федорович (самовар – 10 руб.); 5) Криккуев Иван Михайлович (корова – 60 руб.); 6) Даншиев Василий (корова – 40 руб.); 7) Чиккоев Павел (самовар – 10 руб.); 8) Мокшеев Василий (нетель – 25 руб.); 9) Яшаев Василий (нетель – 40 руб.); 10) Алгоев Андрей (нетель – 20 руб.). Опись имущества десяти должников составила общую сумму в 314 руб. [27, д. 1/3, л. 74]. Правление Видлицкого волисполкома утвердило списки неплательщиков и направило их в суд для выписки судебного приказа.

Весной 1927 г. с началом посевной кампании в сборе задолженности по ссуде «для особо бедной части населения установлены льготные сроки, допуская таковые, если это необходимо, даже до нового урожая» [27, д. 1/3, л. 89]. Вместе с тем осенью 1927 г. разразился хлебозаготовительный кризис, завершившийся переходом к принудительным мерам в хлебозаготовках.

Ликвидация товариществ

В 1920-е гг. сложилась непродуманная практика государственного кредитования низовых товариществ, минуя ко-

оперативные союзы. Это привело к финансовому кризису и ликвидации многих союзов сельскохозяйственной кооперации. В 1926 г. ликвидировали Карельский союз сельскохозяйственной кооперации (бывший Крайсоюз). Оставшиеся без руководящего центра первичные кооперативы оказались в очень тяжелом положении.

Олонецкое сельскохозяйственное товарищество также сталкивалось в своей работе с большими трудностями. В феврале 1926 г. на очередном собрании кооператива был заслушан отчет правления. Из отчета следовало, что убытки от всех операций товарищества составили на 1 октября 1925 г. 30 637 руб. Причинами этого явления называли большие накладные расходы, раздутый и неработоспособный штат служащих, запутанность бухгалтерии, недочеты, недостачи, широкое кредитование разных лиц.

Операции по семенной ссуде велись без какого-либо учета, убытки от нее составили более 1 тыс. руб. Недостача в лавке Олонецкого СХТ составила 3 тыс. руб., а виновные не были привлечены к ответственности. Председатель и заместитель председателя правления взяли себе ссуды по 1 200 руб. и не думали возвращать. Убыточными были даже операции по разведению племенного скота, в результате чего племенного быка и поросят закололи на мясо. Не принес моментальной прибыли и показательный участок. На его обустройство (изгородь, вспашка, удобрение, мелиорация) затрачено более 1 тыс. руб., а выращенный урожай вернул только 300 руб. За работу показательного участка отвечал С. П. Иконников, считавший, что «лишка никому не платил» [24, д. 1/5, л. 7, 17]. Однако опись имущества в зачет потраченных средств товарищества производилась именно у него. В 1926 г. Олонецкое сельскохозяйственное товарищество ликвидировали.

Летом и осенью 1926 г. проводилось обследование кооперативов Олонецкого уезда для того, чтобы выявить жизнеспособные и перспективные товарищества. Во время ревизии вскрылась нерадостная картина состояния дел: запущенность делопроизводства и счетоводства, долги, плохое руководство, большие убытки. Ведлозерское, Видлицкое, Ильинское, Мегрегское, Тулокское товарищества оказались перед угрозой закрытия, хотя население некоторых волостей выступало

за сохранение своих сельскохозяйственных кооперативов [23, д. 10/103, л. 72]. Срок существования большинства товариществ насчитывал чуть более трех лет (1923–1926). Однако их деятельность пришлось на кризисы нэпа, которые отрицательно повлияли на финансовое положение кооперативов и выполнение их основных функций.

Обсуждение и выводы

В 1920-е гг. кооперация, охватывая сотни крестьянских дворов, становилась заметным явлением в повседневной жизни карельских сел и деревень. Социальный состав товариществ отражал общий уровень развития аграрного сектора экономики Карелии. Преимущественно бедняцко-средняцкий, а кое-где только бедняцкий состав, свидетельствовал о довольно тяжелом положении сельских жителей в начале нэпа. Тем не менее, сельскохозяйственные товарищества Олонецкого уезда внесли определенный вклад в восстановление и развитие сельского хозяйства, способствовали повышению доходности крестьянских хозяйств, обеспечению их орудиями труда, машинами, семенами. Важную роль в развертывании их деятельности сыграл Олонецко-Карельский Краевой союз сельскохозяйственных и производительно-промышленных кооперативов.

Предоставление кооперативным организациям известных прав и свобод позволяло на первых порах избирать в руководящие органы людей, имевших опыт работы в кооперации и земстве с дореволюционных времен. Как правило, все они были беспартийные, с низшим, редко – со средним образованием. В то же время отмечается стремление правящей партии большевиков взять под контроль кооперативные организации. Создание коммунистических фракций в правлениях и ревизионных комиссиях кооперативов обеспечивало проведение партийной линии в их работе и надзор за руководством и членами товариществ.

Кризисные явления в экономике в период нэпа не могли не сказаться на деятельности кооперативных организаций. Кризисы нэпа («ножницы цен», «товарный голод») отразились на торговой работе кооперативов. Негативные факторы создавали серьезные трудности в снабжении населения товарами широкого потребления и продовольствием.

В 1920-е гг. кооператоры подвергались преследованию со стороны милиции и судебных органов. Вмешательство государства в работу кооперативов свидетельствовало об ограничении самостоятельности и свободы организаций. Повсеместной практикой стало создание троек, неофициальных групп из числа местных руководителей, партийных и советских функционеров. В 1920-е гг. тройки сначала создавались для распределения семенной ссуды среди крестьян, потом – для взыскания недоимок. Затем понятие «тройка» приобрело зловещий смысл как внесудебный орган преследования.

На основе документов вскрывается ряд злоупотреблений местных властей. Опись конфискованного у крестьян имущества поражает тем, что из хозяйств изымались предметы повседневного быта (самовары, мебель), домашний скот (коровы, овцы). Крестьяне-должники в директивном порядке делились на категории во избежание возможности объединения и совместного выступления против начальства. Жесткие меры по сбору недоимок по семенной ссуде предшествовали переходу к чрезвычайным методам хозяйствования, что означало свертывание новой экономической политики и начало нового этапа в истории страны – периода форсированного строительства социализма.

Список литературы

1. Золотарев Д. А. Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. 117 с.
2. Клементьев Е. И. Карелы // Карелия: энциклопедия: в 3 т.: Т. 2: К – П. – Петрозаводск: ИД «ПетроПресс», 2009. – С. 26–28.
3. Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1947. 51 с.
4. Жербин А. С., Морозов К. А. Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия, 1983. 288 с.
5. Бирин В. Н., Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Карелы: модели языковой мобилизации: сборник материалов и документов. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2005. 279 с.
6. Кочкуркина С. И. Народы Карелии: история и культура. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2004. 207 с.
7. Народы Карелии: историко-этнографические очерки / отв. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск: Периодика, 2019. 752 с.
8. Пашков А. М. Краеведческое изучение олонечских карелов сельскими учителями в 1870-е годы // Карелы: осмысление исторического опыта: материалы научно-практической конференции. Петрозаводск: VERSO, 2014. – С. 96–105.
9. Киркинен Х. Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск: Барво, 1998. 322 с.

10. Карельский этнос: история и перспективы развития. Тезисы научной конференции (Олонец, 8–9 октября 1996 г.). Петрозаводск: Периодика, 1996. 46 с.

11. Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел: материалы международного семинара историков, посвященного 65-летию ПетрГУ, 6–8 сент. 2005 г., Петрозаводск. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 251 с.

12. Карель: осмысление исторического опыта: материалы научно-практической конференции (Петрозаводск, 30 октября 2014 г.) / Некоммерческое партнерство – Межрегиональный центр по поддержке прибалтийско-финских народов «Корела». Петрозаводск: VERSO, 2014. 175 с.

13. Народ, разделенный границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка = Rajalla halkaistu kansa. Karjalaisten kansallisidentiteetin, uskonnon ja kielen kehitys 1800-luvun alusta nykypäiviin: сборник научных статей. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ; Joensuu: Itä-Suomen yliopisto, 2011. – 250 с.

14. Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв.: сборник статей / отв. ред. А. М. Пашков. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 285 с.

15. Олонец: Историко-краеведческие очерки: в 2 ч. Ч. 2 / Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, А. М. Пашков (отв. ред.), С. Н. Филимончик. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1999. 209 с.

16. «Через прошлое в будущее» (Олонец XX век): Материалы научно-практической конференции «Через прошлое в будущее» (Олонец, 8 апреля 2009 г.) / Anuksen karjalazet-liitto. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 151 с.

17. История экономики Карелии. В 3 кн.: Кн. 2. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.). Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. – 246 с.

18. Кривоноженко А. Ф. Развитие экономики Карелии в 1920-х гг. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 12. – С. 264–274.

19. Кулагин О. И. Особенности социально-экономического развития Карелии в 1920-е годы // Карелия приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России: сборник докладов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования карельской государственности (Петрозаводск, 7–8 июня 2018 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 59–63.

20. Филимончик С. Н. Региональная экономическая модель НЭПа: на материалах Карелии // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям. – Мурманск: Изд-во МГГУ, 2011. – С. 225–228.

21. Розанова Л. И., Дианова Е. В. Аграрные реформы и кооперация: исторические вехи. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2007. 128 с.

22. Дианова Е. В. Сельскохозяйственная кооперация в Карелии (первая треть XX века) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 1 (91). – С. 52–63.

23. Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. Р-698. Оп. 5.

24. НА РК. Ф. Р-430. Оп. 1.

25. НА РК. Ф. Р-244. Оп. 1.

26. НА РК. Ф. П-3. Оп. 1.

27. НА РК. Ф. Р-1999. Оп. 1.

Cooperative Associations of Karelian Peasants in the 1920s (on the Example of Olonets District)

Elena V. Dianova

Based on unpublished documents of the National Archives of the Republic of Karelia, the article examines the creation and work of agricultural associations of the national region of Karelia in the 1920s. On the example of Olonetsky district, where Livvik Karelians live, various areas of activity of rural cooperatives with mixed functions, including the Olonetsky and Vidlitsky agricultural associations, which had an integrative character, are described. Rural cooperatives were engaged in supplying the population with tools, inventory, seeds, and essential goods; conducted procurement and marketing operations. The cooperative center of the republic, the Olonets-Karelian Regional Union of Agricultural and Industrial Cooperatives, or Kraisoюз, provided great assistance to the partnerships in organizing rolling and bulking points. When studying the sources, it was possible to find out the social composition and relations of rural cooperative organizations with the local society, their participation in the fight against unemployment; strengthening control over cooperatives by party committees and introducing communists into the governing bodies of cooperatives. Archival documents made it possible to identify the main difficulties and shortcomings in the work of cooperatives, to correlate them with the general socio-economic processes that took place in the country during the NEP years.

Key words: NEP, cooperation, agricultural associations, agriculture, crafts, marketing and procurement operations, arrears.

For citation: Dianova, E. V. (2023) Kooperativny'e tovarishhestva karel'skix krest'yan v 1920-e gody (na primere Oloneczkogo uezda) [Cooperative Associations of Karelian Peasants in the 1920s (on the Example of Olonets District)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 161–184. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_161. EDN: EJLXUS

References

1. Zolotarev, D. A. (1926) *Etnicheskiy sostav naseleniya Severo-Zapadnoj oblasti i Karel'skoj ASSR* [Ethnic composition of the population of the North-Western region and the Karelian ASSR]. Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.)
2. Klementiev, E. I. (2009) Karely [Karely]. *Kareliya: enciklopediya: v 3 t.: T. 2: K – P*. [Karelia: Encyclopedia: in 3 volumes: V. 2: K – P]. Petrozavodsk: PetroPress Publishing House. Pp. 26–28. (In Russ.)
3. Bubrich, D. V. (1947) *Proisxozhdenie karel'skogo naroda* [The origin of the Karelian people]. Petrozavodsk: State Publishing House of the KFSSR. (In Russ.)
4. Zherbin, A. S., Morozov, K. A. (1983) *Karely Karel'skoj ASSR* [Karelians of the Karelian ASSR]. Petrozavodsk: Karelia. (In Russ.)
5. Birin, V. N., Klementiev, E. I., Kozhanov, A. A. (2005) *Karely: modeli yazykovoj mobilizacii* [Karelians: models of language mobilization]: *sbornik materialov i dokumentov* [a collection of materials and documents]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
6. Kochkurkina, S. I. (2004) *Narody Karelii: istoriya i kultura* [Peoples of Karelia: history and culture]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
7. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki* (2019) [Peoples of Karelia: historical and ethnographic essays]. Resp. ed. I. Yu. Vinokurov. Petrozavodsk: Periodicals. (In Russ.)

8. Pashkov, A. M. (2014) *Kraevedcheskoe izučenie oloneckix karelov selskimi učiteljami v 1870-e gody* [Local history study of the Olonets Karelians by rural teachers in the 1870s]. *Karely: osmy' s'lenie istoricheskogo opy'ta: (materialy nauchno-praktičeskoj konferencii)* [Karely: comprehension of historical experience: (materials of the scientific and practical conference)]. Petrozavodsk: VERSO. Pp. 96–105.

9. Kirkinen, H., Nevalainen, P., Sikhvo, H. (1998) *Istoriya karelskogo naroda* [History of the Karelian people]. Petrozavodsk: Bars. (In Russ.)

10. *Karelskij etnos: istoriya i perspektivy razvitiya* (1996) [Karelian ethnos: history and development prospects]: *Tezisy nauchnoj konferencii (Olonec, 8–9 oktyabrya 1996 g.)* [Abstracts of the scientific conference (October 8–9, 1996, Olonets)]. Petrozavodsk: Periodicals.

11. *Vostochnaya Finlyandiya i Rossijskaya Kareliya: tradiciya i zakon v zhizni karel* (2005) [Eastern Finland and Russian Karelia: tradition and law in the life of Karelians]: *Materialy mezhdunarodnogo seminara istorikov, posvyashhennogo 65-letiyu PetrGU (Petrozavodsk, 6–8 sent. 2005 g.)*. [Materials of the international seminar of historians dedicated to the 65th anniversary of PetrSU]. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Publishing House. (In Russ.)

12. *Karely: osmyslenie istoricheskogo opyta* (2014) [Karely: comprehension of historical experience]. Materials of the scientific and practical conference (October 30, 2014, Petrozavodsk). Non-profit partnership – Interregional Center for the Support of the Baltic-Finnish Peoples "Korela". Petrozavodsk: VERSO. (In Russ.)

13. *Narod, razdelenyj granicej: karely v istorii Rossii i Finlyandii v 1809–2009 gg.: evolyuciya nacionalnogo samosoznaniya, religii i yazyka* (2011) [A people separated by a border: Karelians in the history of Russia and Finland in 1809–2009: the evolution of national identity, religion and language]. *Rajalla halkaisu kansa. Karjalaisten kansallidentiteetin, uskonnon ja kielen kehitys 1800-luvun alusta nykypäiviin*: collection of scientific articles. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Publishing House. Joensuu: Itä-Suomen yliopisto. (In Russ.)

14. Pashkov, A. M. (2013) (ed.) *Karely rossijsko-finskogo pograničiya v XIX–XX vv.* [Karelians of the Russian-Finnish borderland in the 19th – 20th centuries]: *sbornik statej* [a collection of articles]. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Publishing House.

15. Korablev, N. A., Makurov, V. G., Pashkov, A. M., Filimonchik, S. N. (1999) (eds.) *Olonets: Istoriko-kraevedcheskie očerki: V 2 ch.: Ch. 2.* [Olonets: Historical and local history essays: In 2 p.: P. 2]. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Publishing House. (In Russ.)

16. «*Cherez proshloe v budushhee*» (*Olonec XX vek*) (2009) [“Through the past into the future” (Olonets 20th century)]: *Materialy nauchno-praktičeskoj konferencii «Cherez proshloe v budushhee» (Olonec, 8 aprelya 2009 g.)*: [Proceedings of the scientific-practical conference “Through the past into the future” (Olonets, April 8, 2009)]. Anuksen karjalazet-liitto. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Publishing House. (In Russ.)

17. *Istoriya ekonomiki Karelii* (2005). V 3 kn.: Kn. 2. *Ekonomika Karelii sovetkogo perioda (1917–1991 gg.)* [History of the economy of Karelia. In 3 books: Book. 2. The economy of Karelia in the Soviet period (1917–1991)]. Petrozavodsk: PetroPress. (In Russ.)

18. Krivonozhenko, A. F. (2013) *Razvitie ekonomiki Karelii v 1920-x gg.* [The development of the economy of Karelia in the 1920s]. *Trudy Istoricheskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Proceedings of the Historical Faculty of St. Petersburg University]. No. 12. Pp. 264–274. (In Russ.)

19. Kulagin, O. I. (2018) *Osobennosti socialno-ekonomicheskogo razvitiya Karelii v 1920-e gody* [Features of the socio-economic development of Karelia in the 1920s]. *Kareliya – prigraničnyj region Rossii v XX–XXI vekax: formirovanie i stanovlenie karelskoj gosudarstvennosti v sostave SSSR / Rossii* [Karelia – a border region of Russia in the 20th – 21st centuries: the establishment and formation of the Karelian statehood as part of the USSR / Russia]. Collection of reports of the international scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the formation of the Karelian statehood (Petrozavodsk, June 7–8, 2018). Petrozavodsk: Petrozavodsk University Publishing House. Pp. 59–63. (In Russ.)

20. Filimonchik, S. N. (2011) *Regionalnaya ekonomicheskaya model' NEPa: na materialax Karelii* [Regional economic model of the NEP: on the materials of Karelia]. *1921 god v sudbax Rossii i mira: ot Grazhdanskoj vojny k poslevoennomu miru i novym mezhdunarodnym otnosheniyam* [1921 in the fate of Russia and the world: from the Civil War to the post-war world and new interna-

tional relations]. Murmansk: Publishing House of Moscow State University for the Humanities. Pp. 225–228. (In Russ.)

21. Rozanova, L. I., Dianova, E. V. (2007) *Agrarnye reformy i kooperaciya: istoricheskie vехi* [Agrarian reforms and cooperation: historical milestones]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

22. Dianova, E. V. (2008) *Selskoxozyajstvennaya kooperaciya v Karelii (pervaya tret XX veka)* [Agricultural cooperation in Karelia (the first third of the XX century)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Petrozavodsk State University. Social and human sciences]. No. 1 (91). Pp. 52–63. (In Russ.)

23. *Nacionalnyj arxiv Respubliki Kareliya* [National Archives of the Republic of Karelia] (hereinafter – *NA RK*). F. R-698. Inv. 5.

24. *NA RK*. F. R-430. Inv. 1.

25. *NA RK*. F. R-244. Inv. 1.

26. *NA RK*. F. P-3. Inv. 1.

27. *NA RK*. F. R-1999. Inv. 1.

Статья поступила в редакцию 20.04.2023

Одобрена после рецензирования 28.06.2023

Принята к публикации 13.07.2023

Обеспечение народного хозяйства СССР трудовыми ресурсами в годы Великой Отечественной войны: опыт Башкирии

Р. Н. Сулейманова

В статье на основе различных источников, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, исследованы вопросы решения стратегической задачи, возникшей с началом Великой Отечественной войны, – обеспечение народного хозяйства СССР трудовыми ресурсами. Сокращение их численности могло привести к срыву выполнения военно-хозяйственных заданий. На примере одного из регионов страны – Башкирии – впервые рассмотрена данная проблема. Выявлено, как в сложных условиях путем привлечения людских ресурсов, в основном неквалифицированных, посредством организации трудовой мобилизации в тыловых регионах, в частности, в Средней Азии, удалось направить в народное хозяйство республики, прежде всего в промышленность, свыше 3 тыс. человек. Проведен анализ жилищно-бытовых условий, снабжения, медицинского обслуживания трудмобилизованных. Обнаружено, что эти условия были неудовлетворительными не только в связи с объективной ситуацией военного времени, но и ввиду недоработок и халатности со стороны ответственных лиц. Обращено внимание на случаи асоциального поведения в среде мобилизованных на производстве, в местах проживания, на причины их возникновения. Дана оценка действиям местных органов в связи со сложившейся ситуацией.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, народное хозяйство, трудовая мобилизация, рабочие кадры, Среднеазиатский регион, использование, Башкирия.

Для цитирования: Сулейманова Р. Н. Обеспечение народного хозяйства СССР трудовыми ресурсами в годы Великой Отечественной войны: опыт Башкирии // История повседневности. – 2023. – № 3. – С. 185–198. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_185. EDN: GZILCK

Введение

В условиях сложной международной обстановки, открытого противостояния России и объединенных сил Евросоюза, все более громко звучащая риторика по пересмотру и искажениям событий, фактов и итогов Великой Отечественной и в целом Второй мировой войн ставит перед историками необходимость всестороннего и объективного исследования проблем по «Истории Великой Отечественной войны» с привлечением новых источников. Обращение к периоду Великой Отечественной войны, опыту решения задач стратегического значения, в их числе по восполнению дефицита рабочих кадров в народном хозяйстве, переживающем этап кардинальной перестройки, путем организации в тыловых регионах СССР трудовой мобилизации граждан, представляется весьма актуальным. Целью статьи является исследование на примере Башкирии с привлечением архивных документов, значительная часть которых впервые вводится научный оборот, и опубликованных источников (документальные сборники, периодическая печать) условий выполнения поставленной задачи за счет использования направленных по трудовой мобилизации из Среднеазиатского региона граждан, в основном из Узбекской ССР, в ряде отраслей народного хозяйства.

Эта проблема является междисциплинарной и включает в себя довольно большой круг вопросов, охватывающих историю Великой Отечественной войны, советской экономики, партийных, советских и хозяйственных органов, политические, идеологические, экономические, моральные факторы, мобилизацию трудовых ресурсов и др.

В историографии достаточно подробно освещались вопросы эвакуации предприятий в тыловые регионы страны в годы Великой Отечественной войны [1]. Специальное изучение указанная проблема получила в публикациях уральских историков. Г. А. Гончаров проанализировал использование в промышленности в годы войны трудмобилизованных, в том числе из Среднеазиатского региона [2]. Д. В. Шмыров рассматривал применение труда этой категории рабочих в общественном производстве [3]. Но авторы ограничились двумя областями Урала – Челябинской и Чкаловской (ныне – Оренбургской).

Нужно заметить, что в местной историографии эта проблема продолжает оставаться практически неизученной. Не получила

она рассмотрена в обобщающих трудах по истории региона [4; 5], рабочего класса БАССР [6], в работах по истории республики периода Великой Отечественной войны [7; 8]. Исключением можно назвать коллективную монографию по истории межнациональных отношений в Башкирии, где ей было уделено несколько предложений [9, с. 132]. Таким образом, проведенный обзор изученности рассматриваемой в статье проблемы позволяет сделать вывод, что специально посвященных работ нет, что указывает на ее научную актуальность.

В статье, наряду с общенаучным системным подходом, были использованы принципы историзма, объективности и научности при анализе источников, происходящих событий и процессов. Исследование проводилось с применением сравнительно-исторического, проблемно-хронологического, ретроспективного, логического методов.

Источниковая база проблемы включает в себя архивные материалы, опубликованные источники, такие как сборники документов и материалов, периодическая печать. В ходе исследования были использованы документы фондов Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ): Башкирского обкома ВКП(б) (Ф. П-122), Сталинского райкома ВКП(б) г. Уфы (Ф. П-1000), Стерлитамакского горкома ВКП(б) (Ф. П-788), Белорецкого горкома ВКП(б) (Ф. П-2225), Статистического управления БАССР (Ф. Р-804). В них отложились сводки, отчеты, докладные записки, касавшиеся различных вопросов исследуемой проблемы. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в фонде ЦК ВКП(б) (Ф. 17) были обнаружены информационные сводки Башкирского обкома партии в ЦК ВКП(б) о результатах проверок бытовых условий, проведения политико-разъяснительной работы среди рабочих узбеков на предприятиях республики.

Результаты

С объявлением о вероломном нападении фашистской Германии на СССР и началом Великой Отечественной войны последовала перестройка всей жизни страны, мобилизации сил и средств на отпор врагу. В директиве советского правительства и партии всем организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. была поставлена стратегическая задача

по переводу народного хозяйства на военный лад и подчинению интересам фронта [10, с. 211]. Особое значение придавалось промышленности, на которую возлагалось выполнение оборонных заданий.

Практические меры в этом направлении были определены военно-хозяйственным планом на IV квартал 1941 г. и на 1942 г., согласно которому в восточных регионах – Поволжье, Урале, Сибири, Казахстане и Средней Азии, предусматривался ускоренный рост военного производства, превращение их в основной арсенал по обеспечению армии вооружением и боеприпасами [10, с. 234]. Для этого намечалось увеличение мощности действующих и строительство новых предприятий. Также в промышленность этих регионов должны были влиться заводы и фабрики с Украины, Белоруссии, Азербайджана, ряда областей РСФСР. В течение июля-ноября 1941 г. были эвакуированы и размещены в них свыше 1,5 тыс. предприятий, в основном оборонного значения [1, с. 13].

Среди восточных регионов страны выделялась Башкирия с достаточными природными и людскими ресурсами, развитой многоотраслевой промышленностью и транспортной инфраструктурой. Учитывая это, руководство страны считало, что она «по своему стратегическому положению – глубокий тыл, сырьевым возможностям – богатые залежи рудных и нерудных ископаемых, огромным энергетическим ресурсам – нефть, уголь, реки и близости к металлургической базе Урала, – должна быть одним из наиболее важных и крупных районов базирования промышленности». В итоге в республику прибыли из «угрожаемых районов» свыше 170 предприятий, отдельных цехов и установок с оборудованием в основном отраслей промышленности – авиационной, электротехнической, станкостроительной, химической, резиновой, нефтяного машиностроения, боеприпасов [11, л. 40].

В первые месяцы войны перед автономной республикой встали задачи в кратчайшие сроки перевода народного хозяйства на военные рельсы, решение которых сопровождалось большими трудностями. Прежние производственные связи оказались нарушенными, возник дефицит топлива, сырья, трудовых ресурсов. Перестройка промышленности резко изменила структуру всего народного хозяйства, теперь на ведущие

позиции вышли предприятия оборонного профиля. Появились новые отрасли: станкостроительная, электротехническая, химическая. На действовавших предприятиях ввиду изменения профиля снималась с производства не имевшая оборонного значения продукция. Велось промышленное строительство, создавались новые производственные мощности. Перестройка и наращивание производства в отрасли требовали новых видов оборудования, станков, инструментов в связи с освоением более мощных видов вооружения, пополнения трудовых ресурсов. Предприятия из «угрожаемых районов» прибывали с неполным составом рабочих и специалистов. Их размещение, укомплектование необходимыми кадрами было чрезвычайно сложным делом. Их оборудование в основном размещалось на площадях действующих или строящихся заводов. В итоге создалась острая диспропорция между производственными мощностями и рабочей силой. По сведениям Бюро по учету и распределению рабочей силы при правительстве БАССР к весне 1942 г. только промышленность и строительство в республике нуждались в 40 тыс. рабочих [12, л. 77]. Причин, которые привели к острому дефициту трудовых ресурсов в отрасли, да и в целом в народном хозяйстве республики, имелось немало: всеобщая воинская мобилизация мужчин трудоспособного возраста, временная оккупация ряда регионов СССР и разрыв хозяйственных связей и пр.

Для решения народнохозяйственной задачи по обеспечению промышленности необходимой рабочей силой принималось множество мер, в их числе организация мобилизационных кампаний среди незанятого производительным трудом городского населения для использования в общественном производстве. Только за три года войны в промышленность, строительство и транспорт Башкирии было мобилизовано и направлено свыше 115 тыс. чел. [5, с. 315]. В основном это были женщины, пенсионеры, служащие, большинство из которых не имело требуемой производственной квалификации. Несмотря на это, даже количественное восполнение занятых на предприятиях не решало эту задачу, их катастрофически не хватало. Военкоматам и органам внутренних дел в регионах была поручена организация трудовой мобилизации среди незадействованных в производстве категорий населения. Как замечает Г. А. Гон-

чаров, понятие «трудолюбивец», занятый в сфере производства по трудовой мобилизации гражданин, в годы Великой Отечественной войны в официальных документах не использовалось. Его «хождение» среди людей он связывает с сохранением в их памяти «революционных армий труда» в годы Гражданской войны. Этим, он полагает, показывалось наличие некоей связи между трудившимися людьми в условиях прошлой и нынешней войны. Трудовая мобилизация должна была охватить ряд категорий населения, в том числе представителей коренных национальностей республик Средней Азии, для использования в дальнейшем в различных отраслях производства в регионах страны. 14 октября 1942 г. постановлением Государственного Комитета Обороны объявлялось проведение этой кампании среди военнообязанных граждан Среднеазиатского военного округа [2, с. 33, 34]. В соответствии с этим решением она проводилась военкоматами этих республик.

В 1943 г. в течение февраля-июля в Башкирию прибыли трудмобилизованные граждане, в основном узбеки и каракалпаки из Узбекской ССР, численностью 2556 чел. [13, л. 253]. Большинство из них направлялось на заводы Уфы: паровозоремонтный, «Натур. каучук», № 26, № 95, трест № 3, ТЭЦ-Строй. Использовались они в Белорецке на металлургическом заводе, возведении ГЭС и в леспромхозе, в Стерлитамаке на работах треста Химпромстрой. Однако уже по прибытии среди них выявлялись непригодные к труду по физическим данным, состоянию здоровья. Как отмечали местные органы, причина заключалась в «несерьезном отношении» ответственных структур в союзной республике к вопросам мобилизации и подбора граждан. На основании заключения медкомиссии 615 человек из прибывших граждан нельзя было использовать на производстве, и их отправили на родину [14, л. 54]. Согласно сводке Башкирского обкома ВКП(б), на предприятиях и стройках республики в конце мая оставалось 1643 человека. В феврале на паровозоремонтный завод в Уфе прибыло 900 узбеков. Однако медкомиссией 200 чел. были сразу «отсеяны, как не способные к физическому труду», 70 чел. тем же поездом отправились домой. Как указывалось заводской администрацией, к середине апреля их осталось 400 чел. [13, л. 253, 262]. Надо заметить, подобные случаи наблюдались не раз, что подтверждается

документальными источниками. Это обстоятельство для отечавших за данный участок работы органов, руководителей предприятий и строек явилось основанием обращения к руководству республики за разрешением «негодных к физическому труду» возвращать на родину [16, л. 50; 17, л. 101].

Внимание властных органов Башкирии занимали и другие, не менее важные вопросы трудоустройства, размещения и обеспечения прибывших граждан. Для выяснения реальной ситуации на предприятиях, где использовался труд этой категории рабочих, по указаниям обкома ВКП(б) регулярно проводились проверки, что позволяло выявить недостатки, упущения местных органов, руководителей предприятий и предпринять необходимые меры. Так, проверки в апреле-мае на многих предприятиях показали весьма неприглядную картину. На Уфимском паровозоремонтном заводе еще в конце апреля был разработан комплекс мер по улучшению бытовых условий прибывших узбеков. Однако проведенная через месяц проверка обнаружила, что «ни партком, ни завком предприятия практически ничего не сделали» в этом плане. Таким же было отношение к имевшимся среди них 40 участникам войны, инвалидам. В политико-разъяснительной работе имелись серьезные недоработки. Отсутствие периодических изданий на родном языке определенно сказывалось на ее проведении. Неоднократные обращения руководства предприятия в ЦК Компартии Узбекской ССР оказать содействие в их выписке оставались без ответов. По мнению проверяющих, наличие среди них нарушителей трудовой дисциплины, дезертиров «есть результат проявления к прибывшим халатного отношения и неуважения» [15, с. 169, 174].

На завод № 95 в Уфе в конце июля по направлениям военкоматов из городов Андижан и Самарканд прибыли рабочие узбеки двумя партиями численностью 650 чел. Проведенная проверка жилищно-бытовых условий выявила неудовлетворительное их состояние. Также выяснилось, что их не встретили, не были подготовлены общежития. Два дня они находились на улице возле бани. Предоставленные подвалы каменных зданий оказались непригодными для проживания. Как указывалось проверяющими, размещение прибывших людей руководство предприятия организовало «безобразно». Такое «безобразное

нечеловеческое отношение к живым людям» привело к росту среди них числа заболевших. Обнаружились недостатки в организации политико-воспитательной работы, наличие «неправильных толкований» в отношении узбеков со стороны некоторых руководителей предприятия. По мнению комиссии, «такая политическая беспечность дает возможность проявлению нездоровых настроений среди них и окружающих», что было совершенно недопустимым [18, л. 242, 242 об.]. В связи с этим, обкомом партии особо указывалось местным органам и руководителям предприятий «окружить вниманием рабочих узбекской национальности, строго пресекать малейшее проявление великорусского шовинизма и не допускать к ним грубостей и нецензурной брани, строго привлекая виновных к ответственности» [13, л. 269].

На уфимский завод «Натур. каучук» в феврале 1943 г. из г. Андижан прибыли 27 узбеков и 1 русский. К маю их осталось 22 чел., что было связано с кончиной одного из них и призывом пятерых в ряды РККА. В ходе проверки выяснилось, что общежитие, где их разместили, находилось на расстоянии одного километра от места работы, неудовлетворительными были условия проживания [13, л. 264]. В августе и сентябре проверки состояния культурно-бытовых условий узбеков, трудившихся на предприятиях в г. Стерлитамаке, выявили вполне удовлетворительное состояние их размещения и бытовых условий. Они проживали в 5 бараках, где имелось освещение, отопление, были обеспечены постельным бельем, питанием. Но обеспечение их одеждой и обувью, особенно осенней, нуждалось в незамедлительном решении [14, л. 54]. Принятые после проверки решения, как показывала практика, зачастую не выполнялись. Так, в газете одного из предприятий г. Стерлитамака была помещена заметка, в которой говорилось о данном заводской администрацией обещании трудившимся узбекам, таджикам и казахам создать им «национально-бытовые условия жизни, вплоть до организации чайханы с национальными кушаниями», но до сих пор не выполненном [19]. На лесозаготовках металлургического завода в Белорецке, где были заняты рабочие узбеки, в мае месяце проверялись их жилищно-бытовые условия. В итоге, выявились серьезные недостатки в организации питания, условиях проживания и в культурно-

массовой работе. Эти упущения и недоработки местных органов, допущенное к людям «чиновничье-бюрократическое отношение», невыполнение принятых решений отражались на производственной деятельности, на настроениях в среде узбеков. Администрацией предприятия были зафиксированы нарушения трудовой дисциплины, самовольные уходы с рабочих мест, случаи симулянтства и членовредительства, в основном отрубание пальцев рук. В итоге, комиссия сделала вывод, что они «являются следствием совершенно неправильного отношения к этой категории рабочих со стороны руководящего состава леспромхоза». В целях устранения вскрытых недостатков руководством Белорецкого горкома партии принимался ряд мер, в частности «организовано усиленное питание, выделена мануфактура для пошивки нательного белья, изготовлены и заброшены на участки необходимое количество лаптей и портянок, 5 работников посланы сроком на 15 дней для проведения политической работы с этой категорией рабочих», о чем был проинформирован обком партии [13, л. 256].

Таким образом, при проверках обнаруживалось множество недостатков, упущений, случаи халатного отношения со стороны руководства предприятий, партийных, советских и хозяйственных организаций. Отчеты по ним направлялись в обком ВКП (б) и становились предметом обсуждений на его заседаниях с участием руководителей соответствующих предприятий, городских и районных органов. Решения местных органов по этим вопросам, информации их выполнения направлялись в ЦК ВКП (б). Так, в мае 1943 г. в ЦК направляется докладная записка Башкирского обкома партии. В ней сообщалось о положении рабочих узбеков на предприятиях республики, принятых мерах по улучшению жилищно-бытовых условий, материального обеспечения, медицинского обслуживания, питания, организации политико-культурной работы, особом указании партийным организациям и руководителям предприятий заниматься вопросами создания нормальных условий для рабочих узбеков, усилить среди них политическую работу [15, л. 175]. В октябре 1943 г. обком информировал ЦК ВКП (б) об итогах выполнения постановлений по вопросам не только материально-бытового характера, но и политико-воспитательной работы. Подчеркивалось, что для ее прове-

дения прибыли партийные работники из Узбекистана и Каракалпакии, закуплена литература в этих республиках, открыты чайханы, библиотеки для рабочих [20, л. 164].

Имелась еще одна проблема, которая создавала значительные неудобства в быту и на производстве – незнание данной категорией рабочих русского языка, а на предприятиях отсутствие работников, владеющих их родными языками, что сказывалось на освоении производственных навыков и новых профессий, повышении рабочей квалификации и производительности труда. Руководство уфимского завода «Натур. каучук» сообщало в обком партии о трудностях и неудобствах, так как «узбеки не владеют русским языком, объясняться приходится через 2 переводчиков, работающих в качестве бригадиров, они же оказывают помощь в массово-разъяснительной работе» [13, л. 264]. Стерлитамакский горком партии по этой же причине принял решение «подобрать из числа товарищей, знающих узбекский и каракалпакский языки, подготовленных и проверенных людей для работы среди узбеков и каракалпаков» [21, л. 163–163 об.]. Подобных ситуаций на предприятиях республики возникало немало, что подтверждается документальными источниками.

Несмотря на имевшиеся трудности и сложности, мобилизованные из Узбекистана рабочие довольно легко адаптировались в Башкирии, привыкли к ее климатическим условиям, особенностям труда на производстве, для них поначалу непривычным. После прохождения производственного обучения приобретали новые профессии, выполняли и перевыполняли нормы выработки, становились стахановцами труда на предприятиях. В тресте Химпромстрой в Стерлитамаке обучением были охвачены 250 рабочих узбеков, 80 человек овладели новыми специальностями и трудились токарями, слесарями и плотниками, показывали хорошие результаты. В августе предприятие выполнило плановые задания, за что было удостоено переходящего Красного Знамени, в этом был вклад и мобилизованных узбеков, каракалпаков [14, л. 54 об.]. В ноябре 1943 г. в республиканской газете «Кызыл Башкортостан» было опубликовано письмо группы рабочих узбеков и каракалпаков труженикам Узбекской ССР, где они рассказали о своей жизни в Башкирии, трудностях и лишениях, которые пришлось пережить, трудовых буднях,

откровенно заявили, что «обучение новому делу было нелегким делом, в начале не могли выполнять даже норму, но помогли опытные мастера и рабочие в овладении этим делом, и сейчас среди нас есть стахановцы, которые дают выполнение дневной выработки в 150 %» [22]. Башкирский обком партии направил в адрес ЦК Компартии Узбекской ССР экземпляры этой газеты и попросил «довести содержание письма до трудящихся Узбекистана и Каракалпакии, опубликовав его в республиканских газетах на родном языке» [23].

Обсуждение и выводы

В годы Великой Отечественной войны в Башкирии в решении важнейшей задачи по обеспечению отраслей народного хозяйства, в том числе промышленности, трудовыми ресурсами был использован опыт привлечения незанятых производительным трудом категорий гражданского населения путем организации трудовой мобилизации. В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны в 1942 г. в результате проведения мобилизационной кампании в регионах страны, в феврале-июле 1943 г. в автономную республику прибыли мобилизованные, в основном узбеки и каракалпаки из Узбекской ССР, для использования на производстве. Применение этого опыта в годы войны вновь подтвердило, что решение стратегических задач в чрезвычайных условиях достигается за счет вынужденных мер и кампаний, трудовых ресурсов всех регионов страны. Несмотря на невероятные трудности и лишения, неполноценное использование и недостаточную эффективность труда этой категории рабочих, в определенной мере оно способствовало выполнению обязательных военно-хозяйственных заданий автономной республикой.

Список литературы

1. Эшелоны идут на восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. Сборник статей и воспоминаний / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: Наука, 1966. 264 с.
2. Гончаров Г. А. «Революционная армия труда» Гражданской войны и «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны как форма организации труда советских граждан в условиях военного времени // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 18 (309). – История. – Вып. 56. – С. 31–35.

3. Шмыров Б. Д. Трудмобилизованные Среднеазиатского военного округа на Южном Урале в 1942–1945 гг. Челябинск: Цицеро, 2018. 206 с.

4. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. II (Советский период) / отв. ред. В. П. Иванов. Уфа: Башкнигоиздат, 1966. 644 с.

5. История Башкортостана. 1917–1990-е годы: в 2-х т. Т. 1: 1917–1945 / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2004. 400 с.

6. Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Ч. 1 / отв. ред. В. П. Иванов. Уфа: Башкнигоиздат, 1971. 328 с.

7. Гибадуллин Б. Г. Советская Башкирия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Исторические очерки. Уфа: Башкнигоиздат, 1971. 212 с.

8. Ахмадиев Т. Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа: Башкнигоиздат, 1984. 280 с.

9. Осуществление в Башкирской АССР ленинских принципов интернационального сплочения трудящихся / отв. ред. Т. Х. Ахмадиев. Уфа: Башкнигоиздат, 1985. 280 с.

10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М.: Политиздат, 1985. 575 с.

11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 123.

12. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-804. Оп. 6. Д. 837.

13. НА РБ. Ф. П-122. Оп. 22. Д. 29.

14. НАРБ. Ф. П-12. Оп. 23. Д. 380.

15. Региональные особенности национальной политики СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Башкирская АССР. Сборник документов и материалов / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2011. 324 с.

16. НАРБ. Ф. П-1000. Оп. 4. Д. 7.

17. НАРБ. Ф. П-2225. Оп. 1. Д. 83.

18. НАРБ. Ф. П-122. Оп. 23. Д. 50.

19. Березень Л., Кустова. О чайхане и прочих обещаниях // Строитель. – 1944. – № 6. – 20 января.

20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 168.

21. НА РБ. Ф. П-788. Оп. 1. Д. 139.

22. Письмо рабочих узбеков и каракалпаков землякам // Кызыл Башкортостан. – 1943. – № 241. – На башк. яз.

Providing the USSR National Economy With Labor Resources During the Great Patriotic War: Bashkiria Experience

Rima N. Suleimanova

In the article, based on archival documents and various sources, most of which are introduced into scientific circulation for the first time, the issues of solving the strategic task that arose with the beginning of the Great Patriotic War – providing the national economy of the USSR with labor resources – are investigated. Reduction in their numbers could lead to disruption in the fulfillment of military-economic tasks. On the example of one of the country regions – Bashkiria, this problem is considered for the first time. It was revealed how, in difficult conditions, by attracting human resources, mostly unskilled, through the organization of labor mobilization in the rear regions, in particular in Central Asia, it was possible to send more than 3 thousand people to the republic national

economy, primarily industry. An analysis of their living conditions, supplies, medical care was carried out. It was found that these conditions were unsatisfactory not only due to the objective wartime situation, but also due to shortcomings and negligence on the part of responsible persons. Attention is drawn to the cases of asocial behavior among mobilized at work, places of residence, and to the causes of their occurrence. An assessment of the actions of local authorities in connection with the current situation was made. Based on the results of the study, conclusions are drawn.

Key words: The Great Patriotic War, national economy, labor mobilization, workforce, Central Asian region, usage, Bashkiria.

For citation: Suleimanova, R. N. (2023) Obespecheniye narodnogo khozyaystva SSSR trudovymi resursami v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: opyt Bashkirii [Providing the USSR National Economy With Labor Resources During the Great Patriotic War: Bashkiria Experience]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 185–198. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_3_185. EDN: GZILCK

References

1. Polyakov, Yu. A. (1966) (ed.) *Eshelony idut na vostok. Iz istorii perebazirovaniya proizvoditel'nykh sil SSSR v 1941–1942 gg. Sbornik statey i vospominaniy* [The trains are going to the East. From the history of the relocation of the productive forces of the USSR in 1941–1942. Collection of articles and memoirs]. Moscow: Nauka (In Russ.)
2. Goncharov, G. A. (2013) «Revolyutsionnaya armiya truda» perioda grazhdanskoj voyny i «trudarmiya» perioda Velikoy Otechestvennoy voyny kak forma organizatsii truda sovetsskikh grazhdan v usloviyakh voynennogo vremeni [The "revolutionary army of labor" of the period of the Civil War and the "labor army" of the period of the Great Patriotic War as a form of organization of labor of Soviet citizens in wartime conditions]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Chelyabinsk State University. History]. Issue 56. No. 18 (309). Pp. 31–35. (In Russ.)
3. Shmyrov, B. D. (2018) *Trudmobilizovannyye Sredneaziatskogo voyennogo okruga na Yuzhnom Urale v 1942–1945 gg.* [Labor mobilized of the Central Asian military district in the South Urals in 1942–1945]. Chelyabinsk: Cicero (In Russ.)
4. Ivankov, V. P. (1966) (ed.) *Ocherki po istorii Bashkirskoy ASSR. T. II (Sovetskiy period)* [Essays on the history of the Bashkir ASSR. Vol. 2 (Soviet period)]. Ufa: Bashkir book Publ. (In Russ.)
5. Suleimanova, R. N. (2004) (ed.) *Istoriya Bashkortostana. 1917–1990-ye: v 2 tt. T. 1: 1917–1945* [History of Bashkortostan. 1917–1990s: in 2 vols. Vol. 1: 1917–1945]. Ufa: Gilem. (In Russ.)
6. Ivankov, V. P. (1971) (ed.) *Formirovaniye i razvitiye sovetsskogo rabochego klassa Bashkirskoy ASSR. Chast' 1* [Formation and development of the Soviet working class of the Bashkir ASSR. Part 1]. Ufa: Bashkir book Publ. (In Russ.)
7. Gibadullin, B. G. (1971) *Sovetskaya Bashkiriya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.). Istoricheskiye ocherki* [Soviet Bashkiria during the Great Patriotic War (1941–1945). Historical essays]. Ufa: Bashkir book Publ. (In Russ.)
8. Akhmediyev, T. Kh. (1984) *Bashkirskaya ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Bashkir ASSR during the Great Patriotic War]. Ufa: Bashkir book Publ. (In Russ.)
9. Akhmediyev, T. Kh. (1985) (ed.) *Osushchestvleniye v Bashkirskoy ASSR leninskikh printsipov international'nogo splocheniya trudyashchikhsya* [Implementation in the Bashkir ASSR of the Leninist principles of the international unity of the working people]. Ufa: Bashkir book Publ. (In Russ.)
10. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'yezdov, konferentsiy i plenumov TSK* (1985) [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Vol. 7. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
11. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History] (hereinafter – RGASPI). F. 17. Op. 121. D. 123.

12. Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan [National Archive of the Republic of Bashkortostan] (hereinafter – NA RB). F. R-804. Op. 6. D. 837.

13. NA RB. F. P-122. Op. 22. D. 29.

14. NA RB. F. P-23. Op. 23. D. 380.

15. Suleimanova, R. N. (2011) (ed.) *Regional'nyye osobennosti natsional'noy politiki SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. Bashkirskeya ASSR. Sbornik dokumentov i materialov* [Regional features of the national policy of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945. Bashkir ASSR. Collection of documents and materials]. Ufa: Gilem (In Russ.)

16. NA RB. F. P-1000. Op. 4. D. 7.

17. NA RB. F. P-2225. Op. 1. D. 83.

18. NA RB. F. P-122. Op. 23. D. 50.

19. Berezen, L., Kustova. (1944) O chaykhane i drugikh obeshchaniyakh [About the teahouse and other promises]. *Stroitel'* [Builder], No. 6. January 20. (In Russ.)

20. RGASPI. F. 17. Op. 88. D. 168.

21. NA RB. F. P-788. Op. 1. D.139.

22. *Pis'mo rabochikh uzbekov i karapalpakov zemlyakam* (1943) [Letter from Uzbek and Karapalpak workers to countrymen]. *Kyzyl Bashkortostan* [Red Bashkiria. Newspaper]. No. 241. November 28. (In Bashkir)

Статья поступила в редакцию 16.04.2023

Одобрена после рецензирования 17.05.2023

Принята к публикации 14.06.2023

Жизненный путь и педагогическая деятельность Н. Эгенова в Нахичевани-на-Дону

С. К. Чориян

О деятельности Никиты Эгенова практически ничего не известно. Целью статьи является краткое описание жизненного пути и педагогической деятельности Н. Эгенова. В современной научной литературе тема педагогической деятельности Донских армян мало изучена и представлена по большей части дореволюционными трудами. Стремление жителей армянского г. Нахичевани-на-Дону дать образование подрастающему поколению привело к тому, что руководство города часто было вынуждено прибегать к приглашению преподавателей из-за рубежа. Эгенов, уроженец Османской Империи, в 1820 г. переехал в Россию и в 1848 г. принял подданство Российской Империи. Получив с 1806 по 1813 гг. образование у мхитаристов в монастыре Св. Лазаря в г. Венеции, он начал активную педагогическую деятельность сначала на территории Османской Империи, а затем в Крыму в г. Карасубазаре. В середине XIX века он прибыл в г. Нахичевань-на-Дону, где им была основана мужская частная школа. Представленная статья основана на неопубликованных ранее документах, имеющихся в Государственном архиве Ростовской области. Результаты исследования расширяют круг знаний о деятельности частных лиц, занятых в педагогической деятельности отдельных регионов Российской империи.

Ключевые слова: донские армяне, Нахичевань-на-Дону, образование, частная школа, церковь, личность учителя.

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН. № гр. проекта 122020100350-2.

Для цитирования: Чориян С. К. Жизненный путь и педагогическая деятельность Н. Эгенова в Нахичевани-на-Дону // История повседневности. – 2023. – № 3. – С. 199–209. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_199. EDN: НВУХАХ

Введение

С самого начала своего пребывания на донской земле армянские переселенцы были обеспокоены вопросами образования подрастающего поколения. Поэтому с конца XVIII в. вся их деятельность была направлена на создание собственной системы начального, а затем и среднего образования.

Специальных научных трудов, посвященных истории педагогической деятельности донских армян на Юге России, немного. Однако на сегодняшний день существует ряд научных и научно-публицистических работ, посвященных анализу отдельных аспектов становления и функционирования образовательной системы армянской диаспоры Дона XVIII в. и до 1917 г.

Первый этап в изучении педагогической деятельности донских армян связан с дореволюционным периодом. Публикации этого периода, описывая историю города, одновременно характеризовали также деятельность отдельных училищ. Авторами рассматриваемых трудов были непрофессиональные историки. Качество этих работ с современной точки зрения является невысоким, однако авторы знали жизнь и нравы армянской общины «изнутри», что позволяет извлечь из их работ ряд ценных сведений, характеризующих различные стороны быта, отношения армянского населения к образованию и степень участия рядовых жителей города в данном процессе.

Самой первой работой стала «История Новой Нахичевани» Г. Патканяна [1]. Этот труд и сейчас не утрачивает своего значения. Ценность его в том, что автор был очевидцем и участником многих событий в жизни города. Г. Патканяном была открыта школа в 1827 г. Его любимыми учениками были М. Налбандян и Г. Чмшкян, ставшие писателями и известными общественными деятелями. О своем учителе они отзывались очень высоко и восхищались им: «учитель рассказывал историю так, что каждый из нас чувствовал себя на земле Средиземноморья, в кругу счастливых эллинских племен, жил их жизнью, грустил, веселился или сражался за легендарную Троию» [2]. Кроме того, к столетнему юбилею города была написана небольшая, но интересная и содержательная работа классика армянской литературы Р. Г. Патканяна. В ней можно найти много интересных сведений об основных занятиях армян до и после прибытия на Донскую землю, об организации

первых учебных заведений, информацию о предметах, преподаваемых там, и учителях [3]. Особое место в исследовании истории донских армян занимают труды общественного деятеля Нахичевани и педагога Ерванда Шахазиза. В своих работах: «Новый Нахичеван и новонахичеванцы», «История образования Нор Нахичевани» он также описывает многие подробности жизни учебных заведений, с какими проблемами они сталкивались, их повседневную жизнь [4].

Среди трудов советского этапа изучения этой темы можно выделить работу Х. А. Поркшеяна «О Нахичевани-на-Дону». Автор отмечает выдающийся вклад армянской диаспоры в развитии Дона, выделяя при этом основополагающую роль дореволюционной интеллигенции [5].

Особое значение для изучающих историю донских армян имеет работа академика В. Б. Бархударяна «История армянской колонии Новая Нахичевань». Этот труд отличается солидной базой источников. Ее основу составляют материалы Ново-нахичеванского магистрата, вывезенные в 1921 г. из Нахичевани в Ереван, поэтому на сегодняшний день труднодоступные для донских краеведов. Наиболее интересны главы, посвященные образовательной деятельности, а также главы об отношении городских и сельских жителей к этой теме [6]. Нельзя не отметить и последнюю работу по этой теме этого же автора: «Краткий очерк истории армянских школ Российской империи. Конец XVIII – начало XX вв.», где все эти проблемы рассматриваются более детально.

Результаты

Центральное место в системе образования занимает учитель, от уровня образованности и его добросовестного труда зависит качество обучения подрастающего поколения. Первые упоминания о деятельности и профессиональных качествах учителей относятся к 1783 г [6, с. 233]. Требования к преподавателям были минимальны, обучать детей мог любой человек, владеющий азами письма и чтения. Самым доступным было образование, предоставляемое церковно-приходскими школами, за ними шли частные мужские и женские школы. Отношение к учителям, работавшим в церковно-приходских и частных школах было разным. В школах первого типа преподавателями были

священники и дьяки. В частных учебных заведениях работали просто образованные люди, хотя стоит отметить, что авторитет как первых, так и вторых не подвергался сомнению [7, с. 59].

Нахичевань остро нуждался в квалифицированных учителях. Поскольку своих кадров на тот момент не существовало, городские власти взяли за правило приглашать авторитетных преподавателей из-за рубежа. Наиболее показателен в этом отношении опыт приглашения семьи Патканянов. Но этот опыт был не единственным. Исследователям практически неизвестно имя другого просветителя – Никиты (Мыгырдыча) Эгенова, о деятельности которого и пойдет речь.

Н. Эгенов родился 22 апреля 1796 г. в Константинополе, в квартале Лагна, в семье армяно-католического исповедания. Глава семьи Семен Эгенов был казначеем при турецком паше. Судя по сохранившимся сведениям, семья не бедствовала. Отец семейства не скупился на образование своих двух сыновей, младшим из которых был Никита. До 1803 г. он воспитывался дома, а с 1803 по 1805 годы учился грамоте в Трапезунде. В 1806 г. он был направлен в Венецию, где до 1813 г. обучался наукам в монастыре св. Лазаря, но вынужден был прервать обучение по причине болезни. В 17 лет молодой Никита Эгенов стал учителем и начал обучать детей основам грамоты в христианском городе Елизаветополь, затем в Трансильвании [8, л. 57]. В 1811 г. он возвратился в Константинополь, где устроился в местную школу в качестве учителя основ письма, чтения и арифметики. Проработав два года, он начал подготовку к переезду в Россию. С 1822 г. Эгенов оказался на территории Российской Империи и до 1828 года обучал детей в г. Нахичевани-на-Дону. В городе он быстро завоевал авторитет и начал задумываться об открытии здесь собственной частной школы.

Деятельность негосударственных учебных частных заведений в дореволюционной России законодательно ничем не ограничивалась и никак не регулировалась. Это способствовало их широкому появлению во всех возможных видах и формах. Первой мерой, ограничивающей открытие данных учебных заведений, стало издание указа от 29 апреля 1757 г., согласно которому каждый иностранец, желавший открыть свой частный пансионат или школу, должен был пройти тестирование в Санкт-Петербургской Академии наук или в Московском университете.

Только с 1786 г. государство начало регулировать их деятельность и предъявлять требования по соблюдению определенных правил [9, с. 44]. К ним относились: представление документов об открытии и закрытии частных учебных заведений, об использовании учебных программ. В «Уставе народных училищ Российской Империи» к правилам деятельности всех частных училищ была выделена отдельная глава – «Наказ частным пансионатам». С этого момента частные пансионы и школы попадали под государственный контроль. В каждой из 50-ти губерний Российской Империи работа таких заведений регулировалась местными приказами общественного призрения. Обязательными к включению в программу были такие предметы, как Закон Божий и русский язык. Школа и пансионат могли быть подвергнуты проверке. Проверяющий из приказа общественного призрения мог лично проверить, выполняется ли учебный план, какая используется методика на уроках и соответствует ли все это методам казенных школ, на которые должны опираться все частные учебные заведения. С учреждением в 1802 г. Министерства народного просвещения к нему перешли и функции контроля над всеми учебными заведениями. В 1804 г. был изменен «Устав учебных заведений, подведомственным университетам». Теперь каждое учебное заведение было подконтрольно высшей инстанции, и выстраивалась четкая вертикаль: МНП – Университеты – гимназии – уездные училища – церковно-приходские и частные школы с пансионатами [10, с. 31].

В 1828 г. в том же уставе изменились требования к преподавателям. Иностранцы имели право на открытие частной школы только после 5 лет проживания в Российской Империи, зарекомендовав себя хорошими работниками с подтверждающими это гербовыми документами. В 1833 г. последовало очередное ужесточение правил, выразившееся в документе «О мерах против умножения частных пансионатов и школ». Изъявившие желание учредить частное учебное заведение обязательно должны были иметь российское подданство [10, с. 41].

Невозможно представить, с какими же трудностями и бюрократической волокитой столкнулся Н. Эгенов. Раздумывая о том, какие колоссальные усилия ему придется приложить и какие суммы будет нужно потратить на сбор всех требуемых документов, он получил неожиданное приглашение от армяно-

католической общины Карасубазара занять место учителя в местной школе. Именно в этот период возросла активность католических миссионеров среди местного армянского населения [11, с. 182]. После переезда в Карасубазар Эгенов в течение 14-ти лет занимался обучением детей. Следует отметить, что, еще работая в Нахичевани, Эгенов предусмотрительно отправлял прошение о разрешении открытия своей частной мужской школы в Одесский учебный округ директору училищ Флоренову. В ответном письме Флоренов предложил ему подготовить ряд документов, подтверждающих намерение Эгенова об открытии учебного заведения. Список документов, необходимых для отправки на проверку, включал: 1) свидетельство о «добром поведении» Эгенова; 2) наличие подданства Российской империи; 3) план учебного заведения; 4) предполагаемое количество учеников в классе; 5) предполагаемое место открываемого учебного заведения; 6) наличие образования Эгенова и место, где он его получил; 7) согласие местного армянского общества города Нахичевани на открытие школы.

Подготовленные документы Эгенов не выслал одним портфелем, а отправлял по частям, по мере того, как они оказывались у него в руках.

В первую очередь Эгеновым была предоставлена справка о присяге на подданство Российской Империи. Справка была составлена неким чиновником по имени Анатолий Иванович [8, л. 35]. «В 1848 г., у иконы принял присягу, на верность государства Российского в Таганрогской городской думе» [12, с. 198]. Второй по очереди Эгеновым была предоставлена справка о его деятельности в Карасубазаре. Ее прислали местные армяно-католики. Составлением и написанием этой справки занимался настоятель Карасубазарской армяно-католической церкви св. Григория архимандрит Петр Минас Медици. Текст ее гласил: «Мы нижеподписавшиеся 25 человек даем сие свидетельство о Мегердыче Семенове в том, что он в г. Карасубазаре обучал наших детей на армянском диалекте, преподавал священную историю, арифметику, грамматику, географию, рисование и чистописание. Дополнительно преподавал нравоучение, обучая прехорошему поведению и нравственности. Никогда, ни в каких худых поступках не замечен, и исполняет свои обязанности с усердием и рачительностью, привлекая уче-

ников даже из других исповеданий в чем мы свидетельствуем и ручаемся нашими подписями... Число учеников у Эгенова в г. Карасубазаре доходило до 80» [8, л. 61]. К 1845 г. дошло сообщение и от Католикоса всех армян Нерсеса. О личности Эгенова он отозвался весьма положительно: «Я, Нерсес, раб Христа, даю сие Свидетельство, удостоверяющее о познаниях господина учителя Никиты Семенова Эгенова в том, что он, будучи обучен в армянском монастыре во имя св. Лазаря в г. Венеции, знает хорошо армянскую фразеологию, грамматику и риторику, сведущ в составлении на армянском языке приличных сочинений» [13, с. 82]. Далее сообщалось: «Эгенов служит примером поведения подобающему Христианину, как мы сами удостоверились, не ссылаясь на слухи. Имея ввиду все вышеперечисленное, даем свое согласие на занимание должности учителя в г. Нахичевани Эгеновым. Документ датирован 1845 г. и подписан Католикосом всех армян Нерсесом» [8, л. 64].

Что касается плана будущего учебного заведения, то в данном документе, высланном Эгеновым на имя штатного смотрителя Червинова, было представлено следующее описание будущего учебного заведения:

«Частная мужская школа, учреждаемая в г. Нахичевани, для первоначального обучения закону Божьему, русской и армянской грамоте, первым основам арифметики и чистописанию, приходящих из армян детей мужского пола разного звания и будет состоять из одного класса на степени приходского училища. 1) Учебные предметы имеют быть преподаваемы под следующим руководством: а) Закон божий по Катехизису Архидиакона Мыгера, а молитвы Нерсеса Клаенского; б) чтение русской и армянской печати, по книгам для приходских училищ и чтение рукописей; в) первая часть Арифметики по методике Буссе [14, с. 5]; г) чистописание по рекомендованным начальством книгам. 2) Ученики поступают от 7 до 12 лет и оканчивают курс в течении 3 лет. 3) Школа будет состоять из 35 приходящих детей мужского пола для обучения коих кроме участия самого содержателя, будут приглашены законоучитель Григорианского исповедания и учитель русских предметов, имеющий на то право [15, с. 78]. Содержатель вменяет себе в обязанности как можно больше озаботиться о нравственном образовании вверенных ему детей, обучая сам в положенное для занятий

время армянской грамоте и арифметике на армянском языке [16, с. 155]. 4) Приходящие дети будут в занятиях постоянно, кроме Воскресенья и Праздничных дней от 9 до 12 часов утра и от 2 до 5 после обеда. 5) Плата за учение полагается с каждого мальчика по 20 рублей серебром в год, каковая взимается за каждую треть вперед, а при выбытии их раньше не возвращается. 6) Школа помещается в доме теплом, сухом, и удобном во всех отношениях. 7) В случае закрытия школы, содержатель обязывается уведомить об этом как местное Училищное начальство, так и родителей детей, обучающихся в заведении за четыре месяца раньше. Штат преподавателей состоит из следующих: законоучитель, священник Николай Тер-Оганянц, преподающий Закон божий; Русский язык будет преподавать Г. Говорова. Остальные предметы обязуюсь вести сам» [8, л. 72].

Наконец, в руках Эгенова оказалось и разрешение от жителей г. Нахичевани [17, с. 806]: «Дано разрешение учителю Эгенову с разрешения его высокопревосходительства г. Министра народного просвещения, на открытие в городе Нахичевани частной мужской школы, по предоставленному им плану. Подписью своей удостоверяем Нахичеванское Уездное училище [8, л. 70]. Частная мужская школа будет открыта 2 мая 1856 г.» [8, л. 34].

Эгеновым аккуратно был составлен список первых поступивших учеников по сословному состоянию: 10 были купцами, остальные 14 были из мещан [18, с. 15]. Школа пользовалась популярностью. Замечаний и нареканий не поступало, ученики с удовольствием шли на занятия [19, с. 29].

Обсуждение и выводы

Работа школы шла до 1868 года, вплоть до кончины Эгенова. В архивном деле присутствует завершающий документ, составленный неизвестным чиновником: «Имею честь донести вашему высокоблагородию, что частная мужская школа, открытая в Нахичевани 2 мая 1856 года, по случаю смерти содержателя Эгенова, 11 числа сего апреля закрыта».

Что послужило причиной смерти Эгенова, установить по архивным документам нам не удалось. Как и найти списки выпускников. По подсчетам и предоставленному Эгеновым плану, в котором говорится, что срок обучения должен был составлять три года, можно предположить о выпуске четырех

классов: 1–1859 г.; 2–1862 г.; 3–1865.; 4–1868 г. Примерное число выпускников – ок. 110 чел.

Для г. Нахичевани стало большим ударом, потерять такого образованного и преданного своему делу человека [20, с. 110]. Школу реорганизовать так и не удалось, и она окончательно закрылась со смертью ее основателя Эгенова.

Список литературы

1. Богданян М. Из прошлого: О переселении армян из Крыма на Дон. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1989. 51 с.
2. Чмшкян Г. Мои воспоминания. Ереван: Издательство «Луйс», 1952. 200 с.
3. Паткян Р. История основания Новой Нахичевани // Собр. соч. Т. 5. Ереван: изд-во АН Армянской ССР, 1968. С. 253–271. (на армянском языке).
4. Шахазиз Е. О. Нор Нахичеван и новонахичеванцы / пер. с армян. Ш. Шагиняна. Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга», 2005. 240 с.
5. Поркшеян О. Х. О Нахичевани-на-Дону. Нальчик: «Книга», 1960. 64 с.
6. Бархударян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань. 1779–1917. Ереван: «Айастан», 1996. 528 с.
7. Месропян А. В. Церковная политика царской России в Восточной Армении в первой половине XIX века. Ереван: изд-во «Луйс», 1998. 250 с.
8. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 23.
9. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1865–1870. Т. IV. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1871. 1752, 144 стб., 44 с., 40 стб.
10. Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. СПб.: Тип. т-ва «А. С. Суворин», 1889. 227 с.
11. Микаэлян В. История крымских армян. Ереван-Симферополь: ООО «Энергия плюс», 2004. 224 с.
12. Городские поселения. Таганрог градоначальство. Т. 2. 1861 год. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1860. 589 с.
13. Гуайта Дж. 1700 лет веры. М.: ФАН, 2002. 83 с.
14. Руководство к преподаванию арифметики для учителей. СПб.: «Императорская Академия Наук», 1834. 383 с.
15. Романченко И. Итоги народного образования в Ростове-на-Дону. Ростов-на-Дону: Тип. т-ва П. П. Карояни, 1898. 168 с.
16. Филевский П. П. История города Таганрога. М.: Тип. т-ва К. Ф. Александра-дрова, 1898. 376 с.
17. Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. I. СПб.: Государственная типография, 1896.
18. Шахазиз Е. История образования Новой Нахичевани. Тифлис: Тип. Нерсесян, 1894. 62 с. (на армянском языке).
19. Орманиан М. Армянская Церковь, ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее. М.: Тип. Т-ва А. М. Будагов, 1913. 219 с.
20. Казаров С. С. Нахичеванская элита. Конец XVIII начало XX веков: Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2021. 152 с.

N. Egenov's Life Path and Pedagogical Activity in Nakhchivan-on-Don

Stepan K. Choriyan

Almost nothing is known about the activities of Nikita Egenov. The purpose of this article is a brief description of N. Egenov's life and teaching activities. In modern scientific literature, the theme of pedagogical activity of the Don Armenians is little studied, and is mostly represented by pre-revolutionary works. The desire of the Armenian city of Nakhichevan-on-Don inhabitants to educate the younger generation led to the fact that the city's leadership had to invite teachers from abroad. Egenov, a native of the Ottoman Empire, moved to Russia in 1820 and in 1848 accepted citizenship of the Russian Empire. Having received education in 1806–1813 by the Mkhitarists in the monastery of St. Lazar in Venice, he began an active teaching career, first on the Ottoman Empire territory, and then in the Crimea in the city of Karasubazar. In the middle of the 19th century, he arrived in the city of Nakhichevan-on-Don, where he founded a private men's school. The presented article is based on previously unpublished documents deposited in the State Archive of the Rostov Region. The results of the study expand the circle of knowledge about the activities of individuals involved in the pedagogical activities of certain regions of the Russian Empire.

Key words: Don Armenians, Nakhichevan-on-Don, education, private school, church, teacher's personality.

Acknowledgements: The publication was prepared as part of the implementation of the GDZ of the UNC RAS. No. gr. Project 122020100350-2.

For citation: Choriyan, S. K. (2023) Pedagogicheskaya deyatelnost' N. Egenova v Nahichevani-na-Donu v seredine XIX veka [N. Egenov's Life Path and Pedagogical Activity in Nakhchivan-on-Don]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 199–209. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_3_199. EDN: HBYXAX

References

1. Bogdanyan, M. (1989) *Iz proshlogo: O pereselenii armyan iz Kryma na Don* [From the past. On the resettlement of Armenians from the Crimea to the Don]. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatelstvo. (In Russ.)
2. Chmshkyan, G. (1952) *Moi vospominaniya*. [My memories]. Erevan: Izd-vo «Lujs». (In Russ.)
3. Patkanyan, R. (1968) *Istoriya osnovaniya Novoj Naxichevani* [History of foundation of New Nakhichevan]. *Sobr. soch. T. 5* [Collected Works. Vol. 5]. Erevan: "AN Armyanskoi SSR". (In Arm.)
4. Shahaziz, E. O. (2005) *Nor-Nahichevan I novonahichevancy* [Nor-Nahichevan and novonahichevancy]. Rostov-on-Don: ZAO "Kniga". (In Russ.)
5. Porksheyan, O. Kh. (1960) *O Naxichevani-na-Donu* [About Nakhichevan-on-Don]. Nal' ch'ik: "Kniga". (In Russ.)
6. Barhudaryan, V. B. (1996) *Istoriya armyanskoj kolonii Novaya Nahichevan. 1779–1917*. [History of the Armenian colony New Nakhichevan. 1779–1917]. Erevan: "Ajastan". (In Russ.)
7. Mesropyan, A. V. (1998) *Cerkovnaya politika czarskoj Rossii v Vostochnoj Armenii v pervoj polovine XIX veka* [Church policy of Tsarist Russia in Eastern Armenia in the first half of the 19th century]. Erevan: publisher "Lujs". (In Russ.)

8. *Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti* [State Archive of the Rostov Region] (hereinafter – GARO). F. 11. Op. 1. D. 23.

9. *Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshheniya (1865–1870). T. 4* (1871) [Collection of resolutions on the Ministry of Public Education (1865–1870). Vol. 4]. St. Petersburg: tip. "Imperat. Akademii nauk". (In Russ.)

10. Sukhomlinov, M. I. (1889) *Materialy` dlya istorii obrazovaniya v Rossii v czarstvovanie imperatora Aleksandra I* [Materials for the history of education in Russia during the reign of Emperor Alexander I]. St. Petersburg: tip. "A. S. Suvorin". (In Russ.)

11. Mikaelyan, V. (2004) *Istoria krimskich arмян* [History of the Crimean Armenians]. Erevan–Simferopol: OOO "Energia plus". (In Russ.)

12. *Gorodskie poseleniya. Taganrog gradonachal`stvo. T. 2. – 1861 god.* (1860) [Urban settlements. Taganrog city administration. Vol. 2. – 1861]. St. Petersburg: tip. "Obshchestv. polza". (In Russ.)

13. Guajta, Dzh. (2002) *1700 let very* [1700 years of faith]. Moscow: FAN. (In Russ.)

14. *Rukovodstvo k prepodavaniju arifmetiki dlya uchitelej.* (1834) [A guide to teaching arithmetic for teachers] St. Petersburg: tip. "Imperatorskaya Akademiya Nauk" (In Russ.)

15. Romanchenko, I. (1898) *Itogi narodnogo obrazovaniya v Rostove-na-Donu* [Results of public education in Rostov-on-Don]. Rostov-on-Don: Tip. t-va P. P. Karoyani. (In Russ.)

16. Filevskij, P. P. (1898) *Istoriya goroda Taganroga* [History of the city of Taganrog]. Moscow: Tip "K. F. Aleksandrova". (In Russ.)

17. *Svod zakonov Rossijskoj imperii* (1896) [The Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 11. Part I. St. Petersburg: tip. "Gosudarstvennaya". (In Russ.)

18. Shaxaziz, E. (1898) *Istoriya obrazovaniya Novoi Nakhichevani* [The history of the education of New Nakhichevan]. Tiflis: tip. "Nersesyan". (In Arm.)

19. Ormanian, M. (1913) *Arмянskaya Cerkov, ee istoriya, uchenie, upravlenie, vnutrennij stroj, liturgiya, literatura, ee nastoyashhee* [The Armenian Church, its history, teaching, governance, internal structure, liturgy, literature, its present]. Moscow: tip. "A. M. Budagov". (In Russ.)

20. Kazarov, S. S. (2021) *Nakhichevanskaya elita. Konec XVIII – nachalo XX vekov* [Nakhichevan elite at the end of the 18th – beginning of the 20th centuries]. Rostov-on-Don – Taganrog: YUFU. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.04.2023

Одобрена после рецензирования 20.06.2023

Принята к публикации 03.07.2023

Участие оренбургских казаков в освоении Дальнего Востока. Письма из Уссурийского края

О. Я. Бахарева

В публикации рассмотрено переселение малоземельного потомственного казачества из станиц Первого отдела Оренбургского казачьего войска (ОКВ) в Уссурийский край в конце XIX в. Представлен новый краеведческий материал, обнаруженный в газете «Оренбургские губернские ведомости» (ОГВ) за 1895–1897 гг. в Объединенном государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО). Он дал ценные сведения о переселении казаков на Дальний Восток на р. Уссури и обустройству на новом месте и по изучению быта переселенцев в новых условиях. Отмечена роль историка ОКВ есаула С. Н. Севастьянова (1863–1907) в сборе материалов о переселенцах. Особое внимание уделено последнему Наказному атаману Уссурийского казачьего войска генерал-лейтенанту В. А. Толмачеву (1853–1932), уроженцу г. Оренбурга, внуку известного ученого-натуралиста Э. А. Эверсмана. В публикации в сокращенном виде даются письма переселенцев 1895–1897 гг., донесшие до людей XXI в. их желания и помыслы об устройстве жизни и службы далеко от родных мест во благо Отчизны. В письмах сохранена лексика и орфография тех далеких лет.

Ключевые слова: Уссурийский край, переселение, В. И. Ершов, Я. Ф. Барабаш, льготы, Транссибирская магистраль, Маньчжурия, В. А. Толмачев, Э. А. Эверсман, сайт «Русский архипелаг».

Благодарности: выражаю благодарность к.и.н. В. Г. Семенову (ОГУ), г. Оренбург, за помощь.

Для цитирования: Бахарева О. Я. Участие оренбургских казаков в освоении Дальнего Востока. Письма из Уссурийского края // История повседневности. – 2023. – № 3. – С. 210–228. DOI: 10.35231/25422375_2023_3_210. EDN: ILAXEO

Введение

Предлагаемая вниманию читателей публикация интересна тем, что она расширяет представление по истории российского казачества, в частности, переселения казаков из Оренбургской губернии в Уссурийский край на стыке XIX и XX вв. Новизной отличается подход к раскрытию проблемы с привлечением малоизученных краеведческих материалов. Новейшую информацию о переселенцах дают письма оренбургских урядников в родные оренбургские станицы с новых мест проживания на реке Уссуре, опубликованные в газете «Оренбургские губернские ведомости» в 1895–1897 гг. Ценность писем состоит в том, что они позволяют перенестись в ту далекую эпоху и почувствовать дух напряженного времени в конце XIX – начале XX вв.

Проведем краткий обзор отечественной историографии по проблемам переселения казачества в Уссурийский край, которая берет начало с XIX века.

Автором многих статей по истории ОКВ являлся есаул Сергей Никанорович Севастьянов (1863–1907). Он работал в архивах Санкт-Петербурга и Москвы в 1899 г. и с 1903 по 1905 гг. В Объединенном государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО) хранится личный архив С. Н. Севастьянова (Ф. 169, д. 52, 1890–1907) [1]. Он был автором многих статей в газете «Оренбургские Губернские ведомости» (ОГВ) о переселении на Дальний Восток оренбургских казаков. В них сохранились фамильные списки семей, описание Уссурийского края и много других фактов. В Приложении в сокращении помещена одна из статей С. Н. Севастьянова.

Проблема переселения интересна ученым, историкам, краеведам и всем, кто занимается отечественной историей такого сословия, как казачество. Этапам формирования системы охраны государственной границы с XVI в. до начала XX в. посвятили свой труд О. Ю. Тарасов и Н. В. Шульженко из г. Хабаровска [2]. Они выделили начало формирования системы охраны границ силами Забайкальского казачьего войска в 1851 г. Авторы подчеркнули заинтересованность государственной власти в увеличении численности войск за счет переселения казаков из Донского, Кубанского, Терского, Уральского, Забайкальского и Оренбургского с 1895 по 1901 год, отметили высокие морально-ценностные установки казачьего сословия, где на первом месте стояло честное служение Отечеству и го-

сударю. Другой исследователь этой проблемы О. И. Сергеев (г. Владивосток) выделил три этапа переселения казаков: с 1855 до 1862 года; 1879 год и с 1895 – до 1914 гг. Автор рассмотрел цели и задачи переселения, показал динамику численности переселенцев и размер средней казачьей семьи, указал места их выхода с Дона и новые места поселения в Уссурийском крае [3].

С. Н. Савченко и Г. В. Сиваков выбрали темой исследования переселение казаков из европейской части России и привели статистику переселенцам [4]. В. Н. Абеленцев, военный историограф Амурского казачьего войска (АКВ), дал анализ истории создания войска и деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского в 1854–1858 гг., познакомил с Положением о военной службе казаков АКВ¹. В публикации В. Д. Иванова и О. И. Сергеева затронут целый ряд проблем, связанных с образованием и развитием Уссурийского казачьего войска, обращено внимание на тяжелое положение казаков Забайкальского войска на первом этапе формирования². Три автора – М. Кутузов, А. Е. Исковский и Р. С. Цирулев проявили интерес к истории переселения оренбургского казачества на Дальний Восток³ [5].

Переселение казаков стало одной из задач, необходимых для укрепления позиции России на Дальнем Востоке: противостоять активной английской экспансии в Китай; создать казачьи поселения и усилить ими Уссурийское и Амурское казачьи войска; охранять намеченную к строительству Транссибирскую железную дорогу и спроектированную Китайскую Восточную железную дорогу (КВЖД); заселить огромную территорию пустующих земель для освоения богатейших природных ресурсов края, в том числе обезопасить добычу золота в Забайкалье.

Переселение семейных казаков из Оренбургского казачьего войска в Уссурийский край происходило с конца февраля 1895 по 1902 годы, за исключением 1900 г. Оно началось при военном губернаторе В. И. Ершове и завершилось при во-

¹ Абеленцев В. Н. Краткая история Амурского казачьего войска [Электронный ресурс]. URL: http://cossac-awards.narod.ru/Amur_KV/Amur_KV_Story.html (дата обращения 10.10.2022).

² Иванов В. Д., Сергеев О. И. История Уссурийского казачьего войска до 1917 года [Электронный ресурс]. URL: <http://yarkazak.narod.ru/History.htm> (дата обращения 20.01.2022).

³ Кутузов М. Оренбургские приморцы – Русский Архипелаг [Электронный ресурс]. URL: <https://archipelag.ru/authors/kutuzov/?library=1139> (дата обращения: 09.02.2022); Исковский А. Е. Как оренбургские казаки на Дальний Восток уехали [Электронный ресурс]. URL: <http://orenkraeved.ru/biblioteka/kazachestvo-stati>. (дата обращения: 05.12.2021).

енном губернаторе Я. Ф. Барабаше. Последний с 1871 г. включительно по 1888 г. служил в Восточно-Сибирском военном округе, в Северной Монголии и Маньчжурии, в Приморской области, в качестве комиссара русского правительства в Японии, проводил изыскания, связанные с прокладкой железной дороги в крае. С июня 1884 г. был назначен военным губернатором и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска, а в июле 1888 по 1899 гг. – на должность военного губернатора Тургайской области. С октября 1899 по 1906 гг. являлся Оренбургским губернатором и Наказным атаманом Оренбургского казачьего войска [6].

Для переселения в Уссурийский край набор семей шел по их желанию, к ним присоединялись малоземельные семьи из станиц 1-го отдела ОКВ: Гирьяльской, Татищевской, Нижнеозерной, Кардаиловской и др. Предпочтение отдавалось потомственным казакам, трудолюбивым, рачительным, многосемейным, православным. От казны каждое семейство получало ссуду в 600 руб., из них 10 руб. при отъезде вносили в виде пожертвования на строительство церкви и школы на новом месте. При переселении предоставлялись следующие льготы: земельный надел до 50 десятин на семью (после 1900 г. 30 десятин на семью), подъемные в 500 руб., 20 руб. квартирные за казенную квартиру до постройки своего дома, освобождались от службы до трех лет, получали беспроцентную ссуду на длительный срок [7].

Историк ОКВ С. Н. Севастьянов писал о льготах так:

«...оренбуржцам в 1895 г. были отпущены от казны **безвозвратные** пособия: 1) на покупку провианта для довольствия в течение одного года, со дня водворения на новых местах, по 149 р. 66 к. на каждую семью. 2) на приобретение строевого коня по 50 руб. **Займообразно** было отпущено по 550 руб. на семью, с уплатою долга в течение 33 лет. Кроме того, на основании ст. 30 и 34 инструкции о порядке заведования государственными имуществами в приамурском крае, утвержденным приамурским генерал-губернатором 17 декабря 1893 г., казакам-переселенцам было разрешено безденежно пользоваться лесом в количестве 500 бревен на каждый двор, на что и получают удостоверение лесничего или заведующего лесом. Те же льготы предоставлены были и переселившимся в 1896 году» [8].

До Владивостока казаки-переселенцы добирались следующим маршрутом: от Оренбурга до Одессы ехали по железной дороге через Царицын, Воронеж, Харьков. В Одессе пересаживались на пароходы общества Доброфлота и далее плыли по Черному и Средиземному морям, через Суэцкий канал выходили в Красное море, через каналы попадали в Индийский океан, потом в Китайское и Японское моря, швартовались во Владивостоке. Такой путь занимал 1,5 месяца. Там их торжественно встречали, и они проходили положенный карантин. Потом на гужевом транспорте ехали до заранее определенных мест проживания, где основывали новые поселения – Константиновское, Полтавское, Барановское, Тартищевское или вливались в действовавшие. Оренбуржцы выбрали местом жительства несколько поселков: Барановский (ныне поселок Бараново-Оренбургский), село Богуславское. «В 40 верстах от него находились золотые прииски и озеро Ханко, до границы с Китаем было не более 60 верст, до Пекина – 700 верст», – писал С. Н. Севастьянов [9]. С 1895 по 1897 гг. ежегодно переселялось по 50 семей.

Член Оренбургской Ученой Архивной Комиссии (ОУАК) С. Н. Севастьянов совместно с редакциями газет «Оренбургские губернские ведомости» и «Оренбургского листка» подробно освещал переселение казаков на реку Усури, публиковал письма урядников: Петра Киселева, уроженца Чесноковского поселка Нижнеозерной станицы¹; Митрофана Моршинского, уроженца Переволоцкого поселка Донецкой станицы; Василия Матвеева, уроженца Павловской станицы; Константина Помилуйкова, уроженца Новочеркасского поселка Воздвиженской станицы, Плетнева, переселившегося из Гирьяльской станицы.

Весной 1897 г. в Маньчжурии началось строительство Забайкальской железнодорожной линии Усурийск–Муданьцзян с ответвлением Куэнга–Сретенск. Она прошла через село Бараново-Оренбургское в поселок Сретенск, перед ним была основана железнодорожная станция Гродеково II из одноименного поселка. В середине XIX в. казачья станица Сретенск стала важным пунктом в освоении Дальнего Востока, входила в состав военного отдела Забайкальского казачьего войска (1872–1918), это конечная станция Транссиба.

¹ Устинова О. Ю. Усурийское казачье войско // Всемирная история. Энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/ussuriiskoie_kazachie_voisko (дата обращения: 10.02.2022).

Вместе с оренбургскими переселялись казаки из Донского казачьего войска. За пять лет (1895–1900) переселилось 5419 донских, оренбургских, забайкальских казаков. В новой волне 1902 г. переселилось еще 30 семей оренбургских казаков. К 1907 г. на территории Уссурийского казачьего войска, основанного в 1889 г., действовало 71 поселение, к 1917 г. оно имело в своем составе 44434 чел. [10]. На новых местах силами переселенцев строились церкви и школы, уделялось должное внимание образованию. Юноши после окончания школы направлялись на обучение в Оренбургское казачье юнкерское училище, после его окончания возвращались служить на Дальний Восток. Здесь обучались И. А. Танаев (род. 1868 г.), М. С. Ишменев (род. 1882 г.) из казачьих детей ОКВ [11, л. 2] и Г. Я. Шульгин (род. 1884 г.) из казачьих детей Амурского казачьего войска [11, л. 7].

Переселение казаков, начатое в 1895 г., продолжалось почти до начала Первой мировой войны, то ускоряясь, то затихая. Оно прерывалось русско-китайской войной (1900–1901), русско-японской войной (1904–1905), первой русской революцией (1905–1907). Напряженная военная обстановка перед угрозой новой войны окончательно закрыла вопрос о дальнейших переселениях.

Последним Наказным атаманом Уссурийского казачьего войска был генерал-лейтенант Владимир Александрович Толмачев, внук известного ученого натуралиста Эдуарда Александровича Эверсмана, выходца из Вестфалии, российского подданного с 1840 г. Он имел с Оренбургом родственные связи, был женат на Софьи Александровне Мансуровой, чей отец А. П. Мансуров скончался в 1812 г. [12]. В. А. Толмачев родился 4 ноября 1853 г., записан в метрической книге Военно-Петропавловской церкви г. Оренбурга, его мать – дочь статского советника Э. А. Эверсмана, Евгения Эдуардовна, отец – дворянин подполковник Александр Афанасьевич Толмачев. Владимир Александрович Толмачев «с 1906 г. жил и работал на Дальнем Востоке, начальник отдельной Забайкальской казачьей бригады в Забайкальском казачьем войске, в 1907 – начальник Уссурийской конной бригады, с 1913 по 1916 – военный губернатор Амурской области и Наказный атаман Амурского казачьего войска, с 20 января 1916 по 14 марта 1917 гг. – военный губернатор Приморской области и Наказный атаман Уссурийского казачьего войска, с 14 июня

1917 г. уволен со службы по болезни». Известный оренбургский ученый, автор многих справочников и книг по истории Оренбургского казачьего войска В. Г. Семенов установил, что В. А. Толмачев «был арестован и освобожден в 1920 г., жил в Москве, скончался в 1932 г., имел семью: супруга Мария Александровна Лапинская, из дворян, уроженка Киевской губернии, дети Александр (25.03.1890), Наталья (14.06.1891), Владимир (29. 06. 1893), Мария (08.09. 1900)» [13].

Авторский коллектив справочника «Верой и правдой служа Отечеству. Офицеры Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. 1851–1920 гг.» В. Н. Абеленцев, В. Ю. Апрельков, А. А. Гаршин и др. также приводят биографию Владимира Александровича Толмачева [14], в которой имеются дополнения, что «после увольнения со службы по болезни 14 июня 1917 г. он служил по частному найму во Владивостоке (1917–1918 гг.). В период правления А. В. Колчака исполнял должность от отделения Особого совещания Главного штаба при Управлении Приморского военного округа (20.05.1919). Зачислен в резерв сухопутных и морских сил Временного правительства на Дальнем Востоке до увольнения в отставку. Взят в плен, содержался на гарнизонной гауптвахте Владивостока (27.06.–12.07.1921). Освобожден по ходатайству генерала А. А. Брусилова. Действительный член благотворительного комитета помощи военным пенсионерам во Владивостоке (1921–1922). В РККА до 1923 г. жил в Москве (по другим данным – во Владивостоке)». Из этого документа известно, что он был женат к тому времени на «второй жене – Александре Николаевне, в совместном браке родились дочь Лидия (1907) и сын Юрий (1910)» [15].

100 семей, на которых легла основная тяжесть первых переселенцев, последовали призыву и проследовали в Уссурийский край, основали там поселения, мужественно преодолели трудности жизни на новых землях, героически участвовали в военных действиях 1900–1901 и 1904–1905 гг., стояли на страже Российской империи, верой и правдой служа отечеству.

В публикации даются в сокращенном виде письма переселенцев 1895, 1896 и 1897 гг. с сохранением орфографии и пунктуации столетней давности. История Оренбургских переселенцев вызывает интерес у современных потомков к смелым первопроходцам.

Письма из Уссурийского края

Письмо Василия Матвеева,

урядника Павловской станицы, Оренбургского казачьего войска, переселившегося в 1895 году в Уссурийский край, к своим землякам. Оренбургские губернские ведомости. 1896. 16 ноября. № 46. С. 2–3.

«15 марта (1895 г.) мы сели в Одессе на пароход «Москва». Проводы были нам так же, как из Оренбурга, с большой церемонией, была духовая музыка и парад из Донских казаков.

Сначала мы ехали Черным морем, а потом морем Архипелага.

...

От города Сингапура распространились на пароходе болезнь на малолеток, от грудных до 12-летнего возраста – скарлатина и корь. ...

С нами был доктор и сестра милосердия. ... Всего на пароходе умерло малюток обоюго пола 75 человек, и одна озернинская женщина Семенова. Болезнь приняла такие размеры, что пришлось опускать в море покойников по 5 и по 7 в день. Прибыли во Владивосток, стояли три недели, тоже умирали много; приехали на место своего жительства и тут умирало много. Некоторые остались совсем без детей.

По приезде во Владивосток, выгрузились с парохода на берег и поместились в переселенческих бараках. Здесь мы, Оренбуржцы, в приезде наказного атамана генерала Духовского, своим приговором поблагодарили начальника парохода и всех начальников, ... После этого доверенные наши выбрали себе места.

35 семейств поселились в поселке Барановском Полтавской станицы Полтавского округа, а остальные 15 семейств с нами не вошли в согласие. Они пошли на Суру (Уссури) и поселились на реке Бикине в Козловском станичном округе. Здесь как-то все не по-Оренбургски – если станица, то «станичный округ» и тут же находится кроме станичного атамана, начальник участка в офицерском чине, кроме того, есть командир конного казачьего дивизиона. В сим войске только 4 станичных округа.

Мы в Барановском поселке обзавелись хозяйством, купили дома и скотины, но только заработков здесь совершенно никаких нет. Местность более всего гористая ... Лесу очень много. Рубят без всякого запрета, кому сколько надо. Луга на паи не делят, а коси где знаешь и сколько хочешь – прекословия нет, как

у нас в Оренбурге. Хлеба рождаются хорошие. Землю пашут 10 и более лет один загон. Китайская граница в 15 верстах. Китайцев называют вообще манзами, корейцев ковалями. ... воровства и грабежа здесь и слыхом не слыхать: скотина ходит по лугам без пастуха, хозяин лошадей не видит две-три недели, дворы загорожены совсем плохо, дома не запирают, земледельческую орудия с поля домой не возят, а вся бросается, кто где работает. Притеснений со стороны начальства совсем нет – живут, как будто бы ни кем независимые. Зима здесь далеко теплее. Снегу бывает не более, как в пол колена. Буранов всего было три. Комаров, слепней и мошки летом очень много и держатся до 15 сентября, до самых морозов.

Наречие казаков все равно, как у сибирцев: горы называют сопками, скотину называют: если овца, то барануха, баран – куцан, если пыряется, то будется, если теленок, то – барахчан, если коза, то иман, если козел, то гуран; если падь или лощина, то подушка; коса – литовка; учителя называют, кто бы он ни был, дядюшкой; если за деньгами идет, то – по деньгу, или – по хлеб, или по муку, а не за мукой, или – по дрова, по бревны. Постов не знают, едят вообще мясо, как молокани. Медвежье мясо считается хорошим лакомством. Женщины курят табак, ругаются ..., а также и девки никакого не имеют стеснения ... Великий пост девицы играют вечерки. По улице ходят мужчины, холостые ребята, бабы и девки и поют песни, не смотря на то, что пост или завтра Рождество Христово.

Чай пьют кирпичный. Греют его в печи в чугуне. Не кипятят, а только согреют и сливают его в каменное блюдо, называемое байдарой. В чай кладут соли, бьют яйцо, сметаны или масла коровьего, все это в одно и то же блюдо или байдару, а с сахаром не пьют.

Если ситец плохой, то называют худой, если хороший, то – бравоу; если переселяться, то кочевать, работать – робить.

Я купил себе дом пятистенный, крытой берестой, не в Барановском поселке, а в Богуславском Платон-Александровской станицы. Дом вместе с дворовой огорожей и огородом возле речки Бейчихи – заплачен 168 руб. Огород был засажен капустой, огурцами и картошкой. Фруктов здесь, за исключением дикого винограда, никаких нет... Охота на зверей. Привел Господь мне вести самую страшную войну противу

медведя. Искали мы диких медов в лесу... Со мною были два казака. Сперва увидели мы сидящего на дереве небольшого медведя, а с правой стороны из орешника бросился медведь прямо на меня. Я не сробел и ударил его из Винчестера прямо в грудь. Он меня миновал, а схватил казака за руку и крепко ранил, так что тот два месяца был в лазарете. Более медведь уже был не в силах и упал мертвым. Затем убил я медведя с дерева, а потом еще одного. Кожа большого была 14 четвертей. Бил я диких коз, убил двух зубров и четыре кабана, но тигра Бог не привел стрелять. Ружье у меня – зарядный Винчестер, заплачен 35 руб., очень меткий: на 60 сажень бил фазанов пулей. Пуля больше берданочной. На охоту ездили за границу. Претензий со стороны китайцев нет.

Прошу, друзья мои, простить меня за позднее выполнение моего обещания. Если получите сие письмо, то напишите и мне обратно. Объясните, какие у вас обстоятельства и урожай хлеба и трав, а также и цену, да припишите, за что сменен атаман станицы Павловской Бобряшев. Будьте здоровы.

Ваш доброжелатель, урядник Василий Матвеев».

Письмо урядника Моршинского,

переселившегося в 1895 г. в Уссурийское казачье войско, к своим оренбургским землякам. Оренбургские губернские ведомости. 1897. 28 февраля. № 47. С. 2.

«Я не могу считать себя недолжным уведомить вас о нашем пребывании в новом и таком отдаленном краю, в новом и совсем незнакомом войске, в котором мы до настоящего времени не привыкли. Да, кажется наше родное войско Оренбургское не скоро изгладится из памяти, а также не скоро приучит к краю народный обычай здешний! ...

... теперь пишу, как начинаем жить в новом краю.

Часть наших, т. е. 15 семей поселилась на р. Бикине, а остальные в поселке Барановском. Они выгадали лучше, чем мы. Хотя у них пахотной земли почти что нет, но за то заработок очень даже хороший. Мы тем неудачно поселились, что от железной дороги далеко – негде копейки взять. Хотя земли, лугов и лесу много, но все это по новости почти что ни к чему. Без прибавки полученная ссуда скоро вытекла. К тому же в настоящем году

хлеб хотя и уродился очень хорош, но дожди не дали убрать: который на корню, который в шкирдах погнил. Приходится опять купить. Однако питаем надежду на железную дорогу, которая пойдет чрез Манчжурию. Вот тогда и мы оживем – станция от нас будет в 6 верстах. В виду этого я поступил опять на службу ... в жандармы.

Служу я в Хабаровке. Служба пока идет отлично. Сын живет в поселке Барановском, очень далеко от меня, и занимается хозяйством. Я ему уделяю от своих трудов по пятерке в месяц на домашние расходы, и дело идет помаленьку. Служу я на железной дороге, но канители очень много, потому что рабочих масса и все более каторжники да ссыльные. Не смотря на строгий караул, они часто убегают, бродят по лесу и хищничают. ... Часто они попадают и в руки полиции. 22 августа в мое дежурство станционный сторож заметил одного бродягу и стал кричать. ... Бродяга этот оказался бежавшим из Хабаровской тюрьмы каторжником.

Даже из рабочих и жителей редко встретишь здесь не ссыльного, а все больше окончившие курс каторги.

Еще много здесь бродяг китайцев, которых называют хунгузами. Их тоже ловят. Из солдат сформирована особая охотничья команда, которая занимается преимущественно ловлею хунгузов. В июле месяце сего года команда эта розыскала шайку хунгузов в 3000 человек. Борьбы была порядочная. У нас убили двоих и нескольких ранили, а их побили много да человек 20 поймали и вручили китайскому генералу Джа-Омян, который по своему закону троих предводителей шайки казнил, не переходя русской границы, как бы отплачивая за кровь, а остальных казнил за рекой Уссури... Казнил генерал сам.

Как видите, жизнь здесь опасная, потому что почти все народонаселение состоит из нечестных людей, а через это много гаснет хороших людей.

Есть в здешнем краю гольды. Этот народ смирный, а между прочим ловкий; на тигра или медведя идет с ножом или копьем и поражает, на лыжах догоняет изюбра и козу; занимается он более охотой и рыбной ловлей.

О фруктах скажу вам. Здесь есть почти что всякие, но только вкус диких. Не смотря на это страшная дороговизна, в особенности в Хабаровке. Здесь на задворках были орехи,

голубица, клюква и брусника, а цена на них 20 коп. фунт. Это от того, что русский не сорвет, хотя бы мимо прошел, а покупают на базаре, потому что денег много: чернорабочий получает в месяц 30 и 40 р., а десятники 70 и 100 руб., на лошадь положена цена от казны в день 2 р. 50 коп., а кто берет на отряд так зарабатывает от 5 до 10 руб в день. Я по своему думаю, что железная дорога встанет так: каждую насыпь можно было бы насыпать из серебряных денег, потому что во все протяжении пути сначала устраивается конная времянка (дорога) из лесу и земли, а потом линия, рабочий же люд стоит от 3 до 6 руб. за погонную сажень, несмотря на то, что проходу нет от лесу. Даже город в лесу, и на задах валяются целые бревна валежника! Рыба чуть сама не лезет во двор – до того много всякой – на удивление. А цена? В особенности сейчас, до 15 коп. за фунт осетрина... Здесь принята больше рыба кета. Она корпусом и мясом похожа на семгу, но мы почему-то к ней не привыкнем. Она идет из моря в Амур, а потом во все реки и притоки, до самой вершины. Икра у ней, как горох, янтарная. Она вырастает в год до аршина длиной, а к осени погасает.

Ваш навсегда покорный слуга, ныне уже унтер-офицер, Моршинский».

5 декабря 1896 г. Г. Хабаровка.

Письмо на Родину Константина Помилуйкова,

урядника Воздвиженской станицы, Оренбургского казачьего войска, переселившегося в настоящем году в Уссурийский край, к своим землякам. Оренбургские губернские ведомости. 1896. 11 декабря. № 50. С. 2–3.

«1896 года мая 22 дня в 9 часов утра в Одессе эшелон наш под командой Есаула Донского казачьего войска Колпакова отправился из казарм для посадки на пароход «Воронеж». В 11 часов посадка была кончена, а в 12 прибыл 8 донской казачий полк, все начальство и духовная музыка, не перестававшая играть марши. В 3 часа отслужили молебен, а в 6 часов вечера пароход наш громко-громко три раза прокричал и тихо стал отходить от берега. ... Скоро в сумраке скрылся город Одесса и пошли мы по Черному морю ...

24 мая в 4 часа утра прибыли к берегу Босфора, которым шли до 6 часов, а в 6 часов прибыли в город Константинополь. 25 мая в 9 часов утра мимо нас изволил проследовать на пароходе Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Великий Князь Георгий Александрович, держа путь на Кавказ. 26 мая в 9 часов утра наш пароход отправился и пошли мы Мраморным морем. ...

29 мая в 2 часа по полудни пришли мы в Порт-Саид. Местность тут очень жаркая, постройка хорошая, дома есть трех и четырех этажные, люди живут в нем: турки, арабы и англичане. Здесь простояли мы, нагружая уголь, до 12 часов ночи.

Потом пошли Суэцким каналом. Местность по обеим сторонам песчаная и болотистая. На болотах разной птицы столько, сколько мы от роду не видали. По берегам канала бежали черные голые арабы и кричали: «Али!» Мы им бросали куски хлеба и деньги. И по лицам их видно было, что они крепко есть хотят. Канал чистят несколько машин, а иначе его заносит песком. К вечеру мы пришли в г. Суэц, простояли несколько времени и отправились... Шли целую ночь и вдруг в 4 часа ночи пароход наш приблизился к берегу и сел на мель... В 7 часов утра поднялся сильный ветер, от чего сделался прилив на 9 футов, и пароход наш с мели сошел. Когда сошли с мели, то возвратились назад в г. Суэц для осмотра дна у парохода, не повредилось ли. Тут спускался водолаз, вооруженный кинжалами, чтобы не съела рыба. По осмотру парохода в 11 часов дня отправились мы ... В этом море много мы видели летучей рыбы, которая залетала и к нам на пароход. Тут жар доходил до 42 градусов.

7 июня в 10 часов вошли мы в Бабьельмандебский пролив ... В 12 часов дня прибыли мы в г. Аден, где забирали провиант и пресную воду. Город Аден расположен в таких фигурчатых горах, что нам таких и видать на картинках не встречалось. В 10 часов вечера отправились мы в Индийский океан.

По океану мы шли 8 суток хорошо, а на 9-тые потянулся ветер и пошла качка, но не особенно большая. На 10-я и 11-я сутки была качка на 40 градусов. Таким образом, в Индийском океане нас порядочно потрепало. Волны били через борт и к нам на палубу. Трюмы были закрыты, чтобы не залило водой. Все это время я слышал, как наше пароходное начальство говорило: «Да! Крепки ребра у нашего *Воронежа*».

17 июня прибыли мы в 4 часа утра в г. Коломбо. Город Коломбо хорош. В нем сады, цветы и всякие растения. ... В Коломбо плоды снимают в год три раза.

6 июля в 3 часа утра прибыли мы в г. Нагасак. В нем живут японцы. Много привозили на пароход разных интересных товаров и все дешево. 7 числа пароход наш стал отходить в путь, и когда проходил мимо французского военного броненосца, то все французы стояли на палубе и кричали «Ура!» ... Вив ля русь» – «Здравствует Россия!» Мы тоже кричали «Ура!».

10 июля в 2 часа дня мы прибыли во Владивосток и тут остановились на якорь. Осмотрели нас и потом пришли до берега. ... Тут нас встретил за Наказного Атамана полковник Котов и сейчас же отправил в переселенческие бараки к своим. Увидел я тут своих ходяков, которые уже избрали местность в поселке Богуславском Платоново-Александровского округа и станицы. Поселок этот находится от озера Ханка в 40 верстах, от границы в 60, от Никольского в 200, от Хабаровска в 600, от Пекина в 700 верстах. На озере Ханка хорошая крепость – малость хуже Владивостока и Никольского. Сюда приходят судна и здесь хороший сбыт на все. Она у нас будет служить городом. В 40 верстах от нас находятся золотые прииски.

Во Владивостоке мы получили по 600 руб. и кормовые. До Никольского довели нас по чугунке, и здесь мы стали покупать скот. Скот дороже нашего российского. ... Скотины здесь пока еще не очень много, но свиней конца нет. Хлеб родится хороший. Больно хорош родится овес и ячмень. Цена на всякий хлеб 60 коп. за пуд, водка 40 коп. бутылка, квас 5 коп. бутылка, картошка 10 коп. пуд, чай самый лучший 40 коп. за фунт, а мясо надо свое заводить, потому что фунт стоит 15 коп., курица стоит 30 коп., гусь 1 руб. Птицы вообще очень мало. Через нашу степь пройдет железная дорога, которая пойдет через Манджурию в г. Сретенск. Строиться будет по открытию весны.

На должность я нигде не поступил, хотя я давал хорошее содержание, потому что тут надо подзяться хозяйством. Погребников и Черноотрожане пошли в Константиновку. Смертей было 9 детских и умер один казак Черкасинский Василий Жильников, умер он во Владивостоке.

20 июня во Владивостоке виделся с нами наш бывший командир бригады Генерал-Майор Топорнин, тепло здоровался

с нами и приказал выдать нам по одной берданке и по 40 патронов.

Еще много бы написать мог, да некогда, наняли подводы и хотим ехать на свою новую землю...

Урядник Константин Помилуйков»

Письмо урядника Плетнева,

переселившегося из Гирьяльской станицы в 1896 г. Оренбургские губернские ведомости. 1897. 3 апреля. № 75. С. 2.

«Милые наши родители,
тятенька и маменька!

Поселились в поселке Оренбургском Козловской станицы. Поселок Оренбургский расположен на левом берегу реки Бикина, в 18 верстах от впадения его в реку Уссури. В нем имеется 19 домов, выстроенных в один рядок. Дома деревянные, крытые тесом, а дворы огорожены жердами. У большинства во дворах есть амбары и сараи. Скота во всем поселке пока имеется около 20 штук рогатого и около 100 лошадей.

Дом я купил за 160 руб. и лошадь со всею упряжью за 70 руб. Дом мой на самом берегу реки Бикина, так что даже умываться на реку ходим. Река Бикин очень хороша, многоводная (около 120 саж. ширины) и рыбная. В ней всякой рыбы много: есть осетры, калуга вроде осетра, сазан, сом, зубатка и др.

Железная дорога из Владивостока на Хабаровск проходит в 100 саженьях от нас, а вокзал находится в 200 саженьях. Работы всякой много. Поденно работают от 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 50 коп., на лошадях получают 3 и 4 руб., нянька стоит 10, а кухарка 15 руб. в месяц! Земли хлебопашной очень много и хорошая. Наш поселок владеет полосой шириною до 10 верст и в длину по Бикину вверх на 22 версты и вниз на 10 верст. Наши казаки засеяли нынче пшеницы и овса до 2-х десятин каждый. Хлеб родился очень хороший.

Лесу всякого бездна, как например: кедра, сосны, черной березы, осина, дуба, липы, словом, всякого. Рубить можно, что угодно. Нам и детям нашим не кончать. Лугов тоже бездна.

Из фруктов есть: виноград, кишмиш, голубица, калина, черемуха, красная смородина, орехи, груши, словом что угодно. У нас на дворе полно грецкого ореха.

Зверя всякого много, как например: зубра (вероятно изюбра), коз, медведей, куниц, соболей и выдры, а лис, как у нас зайца! Птицы всякой много, например: фазана, тетерева, рябчика и др., но охотиться пока некогда, хотя во Владивостоке мы получили по винтовке и 40 патронов.

Собирались ехать в Хабаровск на плотках.

Урядник Моршинский хаял нашу местность. Напротив эта местность очень хорошая. Мы теперь, как в раю. Если желаете, то как можно хлопочите, не бойтесь: я не напрасно вам говорю и по обещанию не намерен никогда врать. Только берите с собою больше кожаного товара и теплой обуви, потому что здесь это все очень дорого. Начальство говорит, что у нас в поселке со временем будет город.

Будьте здоровы.

Ваш сын Г. Т. Плетнев».

Проводы казаков-переселенцев в Уссурийский край

Оренбургские губернские ведомости. 1897. 26 апреля. № 85. С. 2.

«Отъезд 50 семейств оренбургских казаков, назначенных в Уссурийский край, состоялся 10 апреля в 1 час пополудни. Накануне этого дня переселенцы были собраны в манеже оренбургского казачьего юнкерского училища к 3 часам пополудни, откуда перешли в церковь того же училища, где был отслужен напутственный молебен.

На молебне присутствовал начальник войскового штаба генерал-майор Бирк, старший член войскового правления полковник Лобов, атаман 1-го военного отдела генерал-майор Меланин и чины, служащие в войсковых учреждениях.

По окончанию молебна переселенцы снова перешли в манеж, где к тому времени были расставлены столы с угощением для взрослых и лакомствами для детей. К 4 часам прибыл ... исправлявший должность наказного атамана генерал-майор Бирк. ... Указав на первые две партии переселенцев и на те симпатии, которые они заслужили у нового своего начальства своим прекрасным поведением и службой на далекой их новой родине, ... генерал-майор Бирк советовал новым переселенцам следовать примеру их собратьев, ранее переселившихся в Уссурийский

край. ... генерал-майор Бирк благодарил казаков за службу в Оренбургском войске и за их доброе желание пожертвовать, из полученной по 600 руб. на каждое семейство ссуды, по 10 руб. от каждого семейства на устройство на новом месте церкви и школы, а также пожелал им послужить доброй службой Государю и отечеству.

Подойдя к столу, на котором был положен киот с освященной иконой во имя Св. Великомученика и Победоносца Георгия, генерал Бирк, указал на него, как на драгоценную для них святыню, переданную в дар в напутствие переселенцам от станичников 1-го военного отдела.

...По сигналу «сбор», казаки стали размещаться по вагонам.

Вот уже в третий раз, как на наших глазах проходят эти сцены и все же трудно свыкнуться с той мыслью, что эти переселенцы, с их малолетними детьми навсегда отрываются от своих родных и знакомых и покидают родные места, для них дороги и священные».

Список литературы

1. Семенов В. Г., Семенова В. П. Севастьянов Сергей Никанорович / Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах. – Оренбург: «ООО «Оренбургское книжное издательство им. Г. П. Донковцева», 2017. – С. 438–439.
2. Тарасов О. Ю., Шульженко Н. В. Исторические аспекты возникновения пограничной охраны на Дальневосточных и Забайкальских рубежах России (XVIII – начало XX века) // Культура и наука Дальнего Востока. – 2019. – 1(26). – С. 98.
3. Сергеев О. И. Заселение юга Дальнего Востока России донскими казаками (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. – 2011. – № 4. – С. 5–9.
4. Савченко С. Н., Сиваков Г. В. Переселение в Уссурийский край // Приамурский казачий вестник. 31.08. 2020. – № 8 (91). – С. 7.
5. Цирулев Р. С. Участие оренбургского и донского казачества в формировании казачьего населения на Дальнем Востоке Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Одиннадцатые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции: в 2 т.; науч. ред. С. В. Любичанковский. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2022. – С. 133–137.
6. Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. 297 с.
7. Оренбургские Губернские Ведомости. – 1897–26 апреля. – № 85. – С. 2.
8. Оренбургские Губернские Ведомости. – 1897. – 11 января. – № 8. – С. 2.
9. Оренбургские Губернские Ведомости. – 1897. – 28 февраля. – № 47. – С. 2.
10. Российский Государственный Военно-Исторический Архив (РГВИА). Ф. 408. Д. 500.
11. Бахарева О. Я., Садовников С. Д. Хроника рода Эверсманов. Уфа: Издатель Словоатов А. А., 2016. 71 с.
12. Семенов В. Г. Оренбургские казаки в семье Эдуарда Эверсмана // Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтничном пространстве:

исторический опыт и современность: сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. – С. 297–305.

13. Абеленцев В. Н., Апрельков В. Ю., Гаршин А. А. и др. Толмачев Владимир Александрович // Верой и правдой служу Отечеству. Офицеры Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. 1851–1920-е. – Благовещенск-на-Амуре: Амурская ярмарка, 2018. – С. 607–608.

14. Капустина В. М. Генеалогические исследования оренбургских приморцев (по материалам рода Кравцовых) // Сборник материалов заседания научного совета. Генеалогические исследования в изучении историко-культурного наследия Оренбургского края. XIX – начала XX вв. – Оренбург, 2012. – С. 49–51.

Participation of the Orenburg Cossacks in the Development of the Far East. Letters From the Ussuri Region

Olga Ya. Bakhareva

The article considers the resettlement of land-poor hereditary Cossacks from the villages of the First Department of the Orenburg Cossack Host (OKV) to the Ussuri Territory at the end of the 19th century. The tasks were solved with the involvement of new local history material found in the newspaper «Orenburgskiyе Gubernskie Vedomosti» (Orenburg Provincial Gazette) for 1895–1897 in the United State Archive of the Orenburg Region (OGA00). They provided valuable information about the Cossacks resettlement to the Far East on the Ussuri river, arrangement in the new place and immigrants' life in the new conditions. The role of Yesaul S. N. Sevastyanov (1863–1907), historian of the OKV, in the collecting of materials on settlers is marked. Attention in the paper is paid to the last Ataman of the Ussuri Cossack army, Lieutenant General V. A. Tolmachev (1853–1932), Orenburg native, grandson of the famous scientist naturalist E. A. Eversman. The connection with modernity showed the interest of the Cossack migrant N. I. Kravtsov's descendants to the genealogical roots of their family. The Appendix to the article presents abbreviated letters of the settlers of 1895–1897, which conveyed to the 21st century historians their desires and thoughts about the organization of life and service far from their native places for the benefit of the Fatherland. The letters preserve the vocabulary and spelling of those distant years.

Key words: Ussuri region, resettlement, V. I. Ershov, Ya. F. Barabash, privileges, Trans-Siberian Railway, Manchuria, V. A. Tolmachev, E. A. Eversman, website "Russian archipelago".

For citation: Bakhareva, O. Ya. (2023) Uchastie orenburgskikh kazakov v osvoenii Dal'nego Vostoka. Pis'ma iz Ussurijskogo kraja [Participation of the Orenburg Cossacks in the Development of the Far East. Letters from the Ussuri region]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 3. Pp. 210–228. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_3_210. EDN: ILAXEO

References

1. Semenov, V. G., Semenova, V. P. (2017) *Sevast'yanov Sergej Nikanorovich* [Sevastyanov Sergey Nikanorovich]. *Orenburgskij Neplyuevskij kadetskij korpus. Istorija v licah* [Orenburg Neplyuevsky Cadet Corps. History in faces]. Orenburg: OOO «Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo im. G. P. Donkovceva». Pp. 438–439. (In Russ.)
2. Tarasov, O. YU., SHul'zhenko, N. V. (2019) *Istoricheskie aspekty vozniknoveniya pogranichnoj ohrany na Dal'nevostochnyh i Zabajkal'skih rubezhah Rossii (XVIII – nachalo XX veka)* [Historical aspects of the emergence of the border guard on the Far Eastern and Trans-Baikal borders of Russia (18th – early 20th century)]. *Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka* [Culture and Science of the Far East], No. 1 (26). P. 98.
3. Sergeev, O. I. (2011) *Zaselenie yuga Dal'nego Vostoka Rossii donsскими kazakami (konec XIX – nachalo XX v.)* [Settlement of the South of the Far East of Russia by the Don Cossacks (late 19th – early 20th century)]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region], No. 4. Pp. 5–9.
4. Savchenko, S. N., Sivakov, G. V. (2020) *Pereselenie v Ussurijskij kraj* [Relocation to the Ussuri Territory]. *Priamurskij kazachij vestnik* [Amur Cossack Bulletin], No. 8 (91). P. 7.
5. Ciriulev, R. S. (2022) *Uchastie orenburgskogo i donskogo kazachestva v formirovanii kazach'ego naseleniya na Dal'nem Vostoke Rossijskoj imperii na rubezhe XIX–XX vv.* [Participation of the Orenburg and Don Cossacks in the formation of the Cossack population in the Far East of the Russian Empire at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Odinnadcatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskij kraj kak istoriko-kul'turnyj fenomen* [Eleventh Bolshakov Readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon]. Collection of articles of the All-Russian (with international participation) scientific and practical. conf. In 2 vol. Sc. ed. S. V. Lyubichankovskij. Orenburg: Izd-vo OGPU. Pp. 133–137. (In Russ.)
6. Semenov, V. G., Semenova, V. P. (1999) *Gubernatory Orenburgskogo kraja* [Governors of the Orenburg Territory]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.)
7. *Orenburgskie Gubernskie Vedomosti* (1897) [Orenburg Provincial Gazette] (hereinafter – OGV). April 26. No. 86. (In Russ.)
8. OGV [OPG] (1897). January 11. No. 8. (In Russ.)
9. OGV [OPG] (1897). February 28. No. 47. (In Russ.)
10. *Rossijskij Gosudarstvennyj Voenno-Istoricheskij Arhiv* [Russian State Military Historical Archive]. F. 408. D. 500.
11. Bakhareva, O. YA., Sadovnikov, S. D. (2016) *Hronika roda Eversmanov* [Chronicle of the Eversman family]. Ufa: Izdatel' Slovohotov A. A. (In Russ.)
12. Semenov, V. G. (2015) *Orenburgskie kazaki v sem'e Eduarda Eversmana* [Orenburg Cossacks in the family of Eduard Eversman]. *Etnokul'turnyj i mezkhkonal'nij dialog v Uralo-Povolzhskom polietnichnom prostranstve: istoricheskij opyt i sovremennost'* [Ethnocultural and interfaith dialogue in the Ural-Volga polyethnic space: historical experience and modernity]. Collection of materials of the 5th All-Russian scientific and practical conf.]. Orenburg: OOO IPK “Universitet”. Pp. 297–305. (In Russ.)
13. Abelenecv, V. N., Aprelkov, V. YU., Garshin, A. A. and etc (2018) *Tolmachev Vladimir Aleksandrovich* [Tolmachev Vladimir Alexandrovich], *Veroj i pravdoj sluzha Otechestvu. Oficery Zabajkal'skogo, Amurskogo i Ussurijskogo kazach'ih vojsk. 1851–1920-e* [Faithfully serving to the Fatherland. Officers of the Trans-Baikal, Amur and Ussuri Cossack troops. 1851–1920s]. *Blagoveshchensk-na-Amure: Amurskaya yarmarka*. Pp. 607–608. (In Russ.)
14. Kapustina, V. M. (2012) *Genealogicheskie issledovaniya orenburskih primorcev (po materialam roda Kravcovykh)* [Genealogical studies of the Orenburg Primorians (based on the materials of the Kravtsov family)]. Collection of materials of the scientific council meeting. Genealogical research in the study of the historical and cultural heritage of the Orenburg region of the 19th – early 20th centuries. Orenburg. Pp. 49–51. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.04.2023
 Одобрена после рецензирования 06.07.2023
 Принята к публикации 15.07.2023

Оренбург, Оренбургское казачье юнкерское училище.
© Оренбургский казачий альбом / авт.-сост. В. Г. Семенов,
В. П. Семенова. Оренбург: Димур, 2012.

Оренбург. Казанский кафедральный собор. Начало XX в.
Фотооткрытка. © Фонд Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея.

Последний Наказный атаман Уссурийского казачьего войска генерал-лейтенант Владимир Александрович Толмачев (1853–1932). © Оренбургский казачий альбом / авт.-сост. В. Г. Семенов, В. П. Семенова. Оренбурге: Димур, 2012.

В. И. Ершов – оренбургский губернатор и Наказный атаман Оренбургского казачьего войска (1892–1899). © Фонд Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея.

Оренбург. Здание железнодорожного вокзала. Начало XX в. Фотооткрытка. © Фонд Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея.

Владимиров И. «Агитатор»,
1920 г. © Wikimedia Commons

К статье В. Б. Безгина

Троцкий
© Научная библиотека ГАРФ.

К статье В. Б. Безгина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бахарева Ольга Яковлевна, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Оренбург, Российская Федерация;
e-mail: Vladimir_bvn@mail.ru; ORCID ID: 0009-0009-9057-510x

Безгин Владимир Борисович, доктор исторических наук, профессор, Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Российская Федерация;
e-mail: vladyka62@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7074-6823

Бернадский Эльмар Альфредович, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: eabernadskii@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9406-7975

Гребенкин Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел, Российская Федерация;
e-mail: angrebyonkin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9873-0092

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
e-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru; ORCID: 0000-0002-4933-8809

Дианова Елена Васильевна, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры Отечественной истории, Институт истории, политических и социальных наук Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Российская Федерация;
e-mail: elena-dianowa@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7661-5181

Никитина Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент Смоленского государственного университета, Смоленск, Российская Федерация;
e-mail: N-030168@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2545-9112

Ожиганов Александр Николаевич, аспирант, старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация;
e-mail: ozhiganov@bk.ru; ORCID: 0000-0003-2904-6734

Осипов Никита Александрович, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, руководитель музея школы № 152, педагог истории и обществознания, педагог дополнительного образования, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: osipov090996@mail.ru

Победоносцева-Кая Анжелика Олеговна, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: apobedonostseva@gmail.com, a.pobedonostseva@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-6556-3950

Сулейманова Рима Нугамановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом новейшей истории Башкортостана, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Российская Федерация;
e-mail: rnsulejman@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1877-5421

Тишкина Ксения Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник офиса развития научной деятельности, Сибирский федеральный университет, Барнаул, Российская Федерация;
e-mail: ksetishkina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2342-0548

Чиков Сергей Сергеевич, аспирант, Смоленский государственный университет; ассистент кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова; преподаватель СПО Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Смоленск, Российская Федерация;
e-mail: chikov_1997@inbox.ru; ORCID: 0009-0006-1411-9194

Чориян Степан Кеворкович, магистр, инженер-исследователь, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
e-mail: stepa.choriev@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4373-8545

ABOUT AUTHORS

Bakhareva Olga Yakovlevna, Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher, Orenburg, Russian Federation;
e-mail: Vladimir_bvn@mail.ru; ORCID: 0009-0009-9057-510x

Bezgin Vladimir Borisovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation;
e-mail: vladyka62@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7074-6823

Bernadskii Elmar Alfredovich, Postgraduate Student of the Department of Russian History of Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: eabernadskii@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9406-7975

Grebyonkin Aleksey Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Employee of Academy of the Federal Security Guard Service of the Russian Federation, Orel, Russian Federation;
e-mail: angrebyonkin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9873-0092

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies of the Altai State University, Barnaul, Russian Federation;
e-mail: dashkovskiy@fjn.asu.ru; ORCID: 0000-0002-4933-8809

Dianova Elena Vasilievna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of National History, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation;
e-mail: elena-dianowa@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7661-5181

Nikitina Natalya Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation;
e-mail: N-030168@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2545-9112

Ozhiganov Aleksandr Nikolaevich, Postgraduate Student, Senior Lecturer of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University, Barnaul, Russia;
e-mail: ozhiganov@bk.ru; ORCID: 0000-0003-2904-6734

Osipov Nikita Aleksandrovich, Postgraduate Student of Pushkin Leningrad State University, Head of the School No. 152 Museum, Teacher of History and Social Studies, Teacher of Additional Education, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: osipov090996@mail.ru

Pobedonostseva-Kaya Angelika Olegovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: apobedonostseva@gmail.com, a.pobedonostseva@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-6556-3950

Suleimanova Rima Nugamanovna, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Head of Department of the Recent History of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation;
e-mail: rnsulejman@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1877-5421

Tishkina Ksenia Alekseevna, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Office for the Development of Scientific Activity of the Siberian Federal University, Barnaul, Russian Federation;
e-mail: ksetishkina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2342-0548

Chikov Sergei Sergeevich, Postgraduate Student of the Smolensk State University; Assistant of the Department of History and Philosophy of the Plekhanov Russian Economic University; Lecturer in secondary vocational education at the Smolensk branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Smolensk, Russian Federation;
e-mail: chikov_1997@inbox.ru; ORCID: 0009-0006-1411-9194

Choriyan Stepan Kevorkovich, Master's Degree, Research Engineer, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: stepa.choriev@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4373-8545

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «История повседневности»

Материал должен быть представлен одним файлом:

1. Статья и автореферат

Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 40 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,25 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в порядке упоминания) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

Автореферат

Автореферат содержит:

1. название статьи, информация об авторе – на русском и английском языках;
2. аннотация на русском и английском языках объемом 120–150 слов;
3. ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

2. Заявка на публикацию

Материалы, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail журнала.

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %.

В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

Определите тип публикации:

- научная статья / Original article – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- обзорная статья / Review – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- краткое сообщение / Short Communication – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

1. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

2. Определите шифр ГРНТИ: <https://grnti.ru/>

3. DOI и EDN присваиваются редакцией после принятия статьи к публикации.

4. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты. NB! В заголовке на английском языке все знаменательные слова должны начинаться с прописной буквы. Служебные слова (артикли, союзы и предлоги меньше четырех букв) пишутся со строчной буквы. Не допускается написание заголовка на обоих языках исключительно прописными буквами. Пример: *Everyday Life of Murmansk Women and the Beginning of the Women's Movement on the Kola Peninsula During the "Perestroika" Years*.
- **Аннотация.** Рекомендуемый объем 120-150 слов. Недопустимо копировать в аннотацию фрагменты соответствующих разделов статьи за исключением рубрики «Материалы и методы».
- **Ключевые слова.** 7–10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.

- **Введение.** Рекомендуемый объем 2–4 страницы. Содержит формулировку научной проблемы, обоснование ее актуальности и новизны, значение для развития соответствующей отрасли знания. Введение содержит обзор основных актуальных источников, на которые опирается автор. Целесообразно рассмотреть не менее 20 публикаций, треть из которых – зарубежные, индексируемые международными реферативными базами данных. Рекомендуется включить описание методики исследования, ее объекта и последовательности. Завершить введение следует формулировкой цели, задач и гипотезы исследования.
- **Результаты.** Рекомендуемый объем 4–5 страниц. Содержит систематизированное изложение основных результатов исследования с целью доказательства гипотезы, в том числе необходимый иллюстративный материал (рисунки, таблицы). При желании авторы могут добавлять тематические рубрики внутри статьи. В таком случае слово "результаты" опускается, а прописываются только авторские рубрики.
- **Выводы.** 1–2 страницы. Содержит формулировку результатов исследования, выводов и рекомендаций по дальнейшему осмыслению темы.
- **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. NB! НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок).
- **Сведения об авторе.** В отдельном файле необходимо указать следующие данные на русском и английском языках:
 - ФИО (полностью);
 - Ученая степень;
 - Ученое звание;
 - Полное название организации без указания организационно-правовой формы;
 - Город;
 - Страна;
 - Идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>);
 - E-mail.

Внутритекстовые ссылки оформляются следующим образом:

- [3, с. 46] для ссылки на конкретную страницу источника в списке литературы.
- [5; с. 192–193] для ссылки на конкретный интервал в рамках источника в списке литературы;
- [8] для ссылки на источник в списке литературы в целом;
- [1; 6–8] для ссылки на ряд источников в целом в списке литературы.

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать **личный вклад** в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах: TIFF (300 dpi), PNG, JPG/ JPEG.

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном: <https://lengu.ru/mag/istoriya-povednevnosti/avtoram-6>

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 3 (27)

2023

Редактор **С. К. Довбышенко**
Технический редактор **Н. П. Никитина**
Верстальщик **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 30.09.2023. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Cormorant Garamond, Source Serif.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 15.
Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)
Заказ № 1889

На обложке размещена репродукция картины
М. З. Шагала «Красный еврей», 1915 г.,
Государственный Русский музей, Россия

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-98-83 <http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru